

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МУЗЫКИ ИМЕНИ ГНЕСИНЫХ

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА Наталья Станиславовна

**Свадебный музыкально-этнографический комплекс
в песенной традиции верхнего Приосколья**

Специальность 17.00.02 Музыкальное искусство

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата искусствоведения

Научный руководитель –
кандидат искусствоведения, доцент
Енговатова Маргарита Анатольевна

Москва - 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ВЕРХНЕОСКОЛЬСКАЯ ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ ЮЖНОРУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	16
1.1. Исторические предпосылки формирования верхнеоскольской песенной традиции.....	18
1.2. Система музыкальных жанров песенной традиции верхнего Приосколья.....	27
1.3. Этнографический контекст местной песенной традиции	
1.3.1. Календарно-обрядовый цикл.....	45
1.3.2. Свадебный обряд.....	68
ГЛАВА 2. МУЗЫКАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАПЕВОВ ВЕРХНЕОСКОЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ	89
2.1. Ритмическая организация свадебных напевов и их функции в обряде.....	89
2.2. Звуковысотное строение свадебных напевов	108
ГЛАВА 3. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ВЕРХНЕОСКОЛЬСКОЙ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ	123
3.1. Верхнеоскольский мелодический тип.....	123
3.2. Музыкальная фактура как маркер местной песенной системы...	140
3.3. Моделирующая роль свадебных концептов и песен	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
Принятые сокращения.....	166
Список экспедиций, проводившихся в бассейне р. Оскол	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170
Список иллюстративных материалов.....	191

ТОМ II**Приложение А****НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ. Песни верхнего Приосколья**

Список песен.....	3
1а. Свадебные песни (северный субареал).....	6
1б. Свадебные песни (южный субареал).....	81
2 а. Лирические сезонно приуроченные песни	145
2 б. Лирические сезонно приуроченные песни, исполняющиеся дуэтом	163
3. Хороводные песни	173
Комментарии к нотному приложению	182

Приложение Б**ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА**

3.1. Очерк об особенностях традиционного женского костюма верхнего Приосколья	197
--	------------

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение региональных песенных систем – одна из острых проблем современной фольклористики. Исследование музыкальных диалектов, начавшееся в отечественной этномузыкологии еще в 20-е годы XX века по инициативе Б. Асафьева, впервые было научно обосновано Е. Гиппиусом¹. К настоящему времени традиционная культура коренных славянских поселений достаточно детально изучена исследователями, что нашло отражение в многочисленных публикациях. Специфика исследования южнорусских локальных песенных традиций связана с их особым положением в системе русских региональных музыкальных диалектов. Культурный облик южного региона складывался в условиях межэтнических контактов, происходивших под влиянием сложных исторических процессов, обусловленных вторичной колонизацией этих земель в XVI-XVII века. В результате на южнорусской территории сформировалось множество локальных традиций, значительная часть которых остается до сих пор неизученной.

Народная музыкальная культура поселений, расположенных в бассейне реки Оскол длительное время считалась белым пятном на карте музыкальных диалектов юга России. В работах исследователей данный регион долгое время рассматривался как составная часть уже изученных соседних традиций: воронежско-белгородского пограничья² и белгородско-курского пограничья³. Московский исследователь В. М. Щуров видимо, считал народную музыкальную культуру бассейна реки Оскол, придаточной зоной воронежско-белгородского пограничья, поскольку нотные публикации именно с этой территории он разместил в сборнике под названием «Белгородское Приосколье»⁴. Этномузыколог Г.Я. Сысоева песенную традицию сел, расположенных в бассейне реки Оскол, представила как «са-

---

¹ Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционных русских песен в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. Вопросы типологии. Труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1982.

² Традиция выделена Г.Я. Сысоевой.

³ Традиция выделена И.Н. Карачаровым.

⁴ Щуров В.М. Белгородское Приосколье: Песни Усёрдской стороны. М, 1995.

мостоятельный локальный стиль, который характеризуется как смешанный, а его своеобразие определяется влиянием воронежско-белгородского стиля, Курского Попселя, украинской традиции»⁵.

Обобщение данных экспедиционных исследований, позволили автору настоящей работы выдвинуть гипотезу о существовании в бассейне верхнего течения реки Оскол (Белгородская область) самобытной песенной традиции. Территория, охватываемая верхнеоскольской песенной традицией, включает четыре административных района Белгородской области и смежные с ними территории⁶. В рамках этого пространства сформировалась песенная система, организованная по принципам, отличным от соседних локальных традиций: ее основу составляют не *карагодные*, а свадебные песни. Это свойство традиции ставит ее в особое положение среди многих других южнорусских традиций и позволяет по-новому охарактеризовать народную музыкальную культуру южнорусского региона в целом, а также обозначить динамику развития его песенных систем.

Степень разработанности темы исследования. История изучения народной музыки южной России, неотъемлемой частью которой является и исследуемая традиция, охватывает сравнительно небольшой период. Подробный аналитический обзор важнейших музыкальных сборников и научных трудов по южнорусскому региону содержится в работах Е.В. Гиппиуса, Е.А. Дороховой, А.В. Рудневой, Г.Я. Сысоевой, В.М. Щурова⁷.

Одной из первых научных работ, направленных на поиски региональных особенностей южнорусской музыкальной культуры, является монография А.В. Рудневой «Курские танки и карагоды»⁸. В данном исследовании традиция

⁵ Сысоева Г.Я. Приоскольский локальный стиль в Белгородской области // Народная художественная культура Белгородчин на рубеже веков: состояние и перспективы. Тезисы и доклады научн.-практич. конф. (Белгород, 21-22 декабря 2000 г.). Белгород, 2001.

⁶ Песенная традиция верхнего Приосколья охватывает русские села современных Чернянского, Новооскольского, Волоконовского, Валуйского районов и граничащие с ними села Старооскольского, Корочанского, Вейделевского, Красногвардейского районов Белгородской области

⁷ См. сноску 1, а также: Дорохова Е.А., Енговатова М.А. Региональные песенные системы как объект структурно-типологических исследований. Рукопись (2001); Руднева А.В. Курские танки и карагоды. М., 1975; Карачаров И.Н. Песенная традиция бассейна р. Псел. Белгород, 2004; Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж. 201; Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987.

⁸ Руднева А.В. Курские танки и карагоды. М., 1975.

края представлена развитым циклом хороводных песен, находящихся в тесной взаимосвязи с вокальным и инструментальным фольклором.

Масштабностью, как по охвату музыкального материала, так и привлекаемых к исследованию территорий, отличается работа выдающего собирателя народных песен В.М. Щурова «Южнорусская песенная традиция»⁹. Ученым установлены условные границы региона: «Обнаруженная автором песенная традиция [пишет В.М. Щуров] сложилась и по сей день бытует на обширной территории к югу от среднего течения Оки вплоть до этнической границы с Украиной (в Харьковской и Сумской областях)»¹⁰. Исследователь выделяет ядро традиции - три крупные зоны, вокруг которых впоследствии сложилась народная музыкальная культура, расположенные в Курской, Белгородской и Воронежской областях¹¹.

Южнорусская традиция представлена автором через характеристику исторических сведений о заселении края, этнографических особенностей крестьянских обрядов и праздников, описание музыкальных жанров и традиционных инструментов, а также музыкально-стилевой анализ народных песен.

Результаты исследования В.М. Щурова нашли продолжение и развитие в работах его ученика И.Н. Карачарова. Опираясь на те же методологические принципы, а также принципы комплексного подхода к описанию традиционной культуры, И.Н. Карачаров вывил и охарактеризовал крупную музыкально-этнографическую зону – песенную традицию бассейна реки Псел¹².

Принципиально иной подход к изучению региональных песенных систем, в том числе и Юга России, был предложен Е.В. Гиппиусом. В своей работе «Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья» ученый намечает общие принципы, по которым могут быть описаны ареальные типы местных систем¹³. В исследовании выделены основные признаки региональной системы, к которым относятся: «а) со-

⁹ Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Карачаров И.Н. Песенная традиция бассейна р. Псел. Белгород, 2004.

¹³ Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционных русских песен в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. Вопросы типологии. Труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1982.

став жанров; б) иерархические формы их взаимосвязей по отношению к централизованному жанру каждой песенной системы; в) определяемые данной жанровой системой типы напевов в конкретных формах интонирования и группы ассоциативно связанных с ними поэтических текстов»¹⁴. Применительно к песенным традициям Юга России ученый отмечал: «Централизующим компонентом жанровой системы в этом виде традиций являются хороводные песни, в них определяющее значение приобретает синхронная форма связи музыкального ритма с ритмом пляски и одним из определяющих жанровых признаков являются типы плясок. Жанровые напевы свадебных песен типологически родственны в этом ареале не календарным, а напевам хороводных песен»¹⁵. Проблемы ареальных исследований, обозначенные Е.В. Гиппиусом, определили вектор развития научных работ.

В дальнейшем пути изучения южнорусского региона были сопряжены с новыми задачами, стоящими перед этномузыкологами и связаны с определением и установкой границ локальных традиций, выявлением законов функционирования конкретных песенных систем. Новым этапом в исследовании и систематизации региональных традиций явилась совместная работа ученых Е.А. Дороховой и М.А. Енговатовой «Региональные песенные системы как объект структурно-типологического исследования»¹⁶. Обобщая накопившийся опыт и материал, авторами были представлены особенности функционирования и структуры первичных и вторичных песенных традиций. В частности, локальные песенные традиции юга России авторы характеризуют как замкнутые: «Замкнутые системы локализованы на очень небольшой, часто точечной территории..., ареалы замкнутых песенных систем всегда имеют четкие границы... замкнутые системы всегда центрированы, при этом централизующий компонент не имеет жанровой сущности, а связан исключительно с особенностями их звуковысотной организации»¹⁷.

Впоследствии Е.А. Дороховой, изучавшей анклав русских поселений на территории русско-украинского пограничья, были выявлены и описаны основные

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Дорохова Е.А., Енговатова М.А. Региональные песенные системы как объект структурно-типологических исследований. Рукопись (2001).

¹⁷ Там же.

законы развития замкнутых или «островных» песенных традиций: «Их главными чертами являются интровертная ориентация, ограничивающая коммуникативный обмен с окружающими культурными системами и наличие полижанровых специфически местных звуковысотных моделей, выступающих в качестве централизованного компонента традиции, ее системного знака»¹⁸.

В новом ракурсе локальные традиции юга России предстали в работах этномузыколога Г.Я. Сысоевой¹⁹. Ученым впервые было произведено картографирование компонентов традиционной культуры воронежско-белгородского пограничья. В результате удалось обозначить границы песенного стиля, определить его ядро и периферийные зоны.

Как видим, география исследований не покрывает карты южнорусской территории и оставляет множество белых пятен. Существование самостоятельной локальной традиции в бассейне реки Оскол впервые отметили местные исследователи. И.И. Веретенников, описывая особенности народной хореографии Белгородчины, выделил среди прочих оскольскую зону по наличию в ней единого типа традиционного костюма²⁰. М.С. Жиров видел уникальность песенного фольклора «Белгородско-Оскольского региона» (определение М.С. Жирова) в своеобразии местных музыкальных жанров. Свои выводы исследователь подкрепляет анализом поэтических текстов и этнографических сведений²¹.

Нотации народных песен бассейна реки Оскол следует признать малочисленными. Ранние публикации принадлежат А.В. Рудневой и связаны с фольклорной традицией села Фоцеватово Волоконовского района. В этом селе А.В. Рудневой были записаны и опубликованы две двухорные свадебные песни. Анна Васильевна отмечала: «Это уникальное явление зафиксировано впервые за двести

¹⁸ Дорохова Е.А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб., 2013. С. 135.

¹⁹ См.: Сысоева Г.Я. Картографирование музыкально-этнографических компонентов как способ выделения локального песенного стиля // Этнография Центрального Черноземья России: Материалы III межвузовских научных чтений (Воронеж, 27 октября 2003 г.). Вып.3. Воронеж, 2003; Сысоева Г.Я. Музыкальные диалекты: критерии и методы выделения (на южнорусском материале) // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: Материалы международной научной конференции. М., 2008; Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011.

²⁰ Веретенников И.И. Белгородские карагоды. Белгород, 1993.

²¹ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.

лет собирания народных песен»²². Позже в Москве были осуществлены много-микрофонные записи песен села Фоцеватово. Четыре из них вошли в сборник «Двенадцать русских народных песен» под редакцией Е.В. Гиппиуса²³. В.М. Щуров в работе «Песельники из села Фоцеватово» охарактеризовал музыкально-стилевые особенности народных песен села и, в частности, двухорных²⁴. Отдельные нотации свадебных песен сел бассейна реки Оскол, сделанные А.Н. Ивановым, содержатся в сборнике «Русская свадьба»²⁵. Свадебные песни русских сёл Чернянского и Новооскольского районов содержатся в сборнике автора данной диссертации²⁶. Нотации народных песен, записанных в поселениях бассейна реки Оскол, также опубликованы в серии сборников «Традиционная культура Белгородского края» Белгородского государственного центра народного творчества²⁷.

Объектом настоящего исследования является традиционная музыкальная культура, сложившаяся в бассейне верхнего течения р. Оскол. Песенная традиция верхнего Приосколья охватывает русские села современных Чернянского (Чрн), Новооскольского (Нвс), Волоконовского (Влк), Валуйского (Влс) районов и граничащие с ними села Старооскольского (Стск), Корочанского (Крч), Вейделевского (Вдл), Красногвардейского (Кргв) районов Белгородской области²⁸.

Предмет исследования – определение роли свадебного музыкально-этнографического комплекса в организации песенной системы верхнего Приосколья.

Цель работы – выявить типологическую ориентацию песенной традиции верхнего Приосколья в системе музыкальных диалектов южнорусского региона.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

²² Руднева А.В. Курские танки и карагоды. М., 1975. С. 285.

²³ Двенадцать русских народных песен в партитурных нотациях звукозаписей 1970–1973 гг. М., 1977.

²⁴ Щуров В. М. Песельники из села Фоцеватово. М., 1989.

²⁵ Русская свадьба. В 2 Т. / Сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. М., 2001.

²⁶ Кузнецова Н.С. У ворот бела береза стояла: свадебные песни русских сел Чернянского и Новооскольского районов Белгородской области. Белгород, 2012.

²⁷ См.: Традиционная культура Белгородского края. Вып. 1. Борисовский, Вейделевский, Волоконовский районы. Сб. научн. статей и фольклорных материалов из «Экспедиционных тетрадей». Белгород, 2006; Традиционная культура Белгородского края. Вып. 2. Красненский район. Сб. научн. статей и фольклорных материалов из «Экспедиционных тетрадей». Белгород, 2008.

²⁸ См. карту-схему «Ареал верхнеоскольской песенной традиции» на с. 25 настоящей работы.

- систематизация исторических сведений и обозначение предпосылок, повлиявших на формирование местной песенной системы;
- характеристика местной музыкально-жанровой системы, установление её межжанровых связей;
- этнографическое описание праздников и обрядов календарного круга, определение обрядовых компонентов, характерных для местной традиции;
- выявление модели верхнеоскольского свадебного обряда, его этнографической специфики;
- осуществление аналитического описания музыкального языка верхнеоскольской свадьбы (через выявление специфики ритмических параметров местных свадебных напевов и их структурных функций; характеристику звуковысотного строения свадебных напевов);
- установление местного доминантного мелодического типа и его межжанровых связей;
- определение роли свадебных песен и свадебных концептов в верхнеоскольской песенной системе.

Материалом исследования послужили:

- полевые записи и расшифровки народных песен и репортажей, сделанные в ходе экспедиций в села бассейна реки Оскол (Белгородская область)²⁹;
- архивные материалы РАМ им. Гнесиных³⁰;
- архивные материалы Фольклорной комиссии Союза композиторов РФ³¹;
- архивные материалы Государственного республиканского центра рус-

²⁹ Экспедиционные записи: Г.П. Лексина, И.Н. Лагудочкиной, Н.С. Кузнецовой, А. Котовой, 1997 – 2003 г.г. (кафедра этномузыкологии Воронежского государственного института искусств); Коноваленко С.П., Кузнецовой Н.С., 2009-2010 г.г. (кафедра искусства народного пения Белгородского института искусств и культуры); А.А. Басаргиной, Н.Л. Бурхановой, Н.С. Кузнецовой, 2011-2012 г.г. (Белгородский государственный музей народной культуры).

³⁰ Экспедиционные записи В.М. Щурова: 1975, 1978-1979, 1981 г.г.

³¹ Экспедиционные записи В.М. Щурова, 1975 г. и А.Н. Иванова, 1980 г.г.

ского фольклора³²; архивные материалы Кабинета народной музыки Московской государственной консерватории³³;

- личные архивные звукозаписи А.Н. Иванова³⁴;
- публикации этнографических сведений и нотаций, относящихся к исследуемой территории;
- экспонаты из фондовой коллекции Белгородского государственного музея народной культуры.

Методология исследования. Ведущим в работе является системный подход, позволяющий рассматривать локальную традицию как песенную систему, основанную на иерархической взаимосвязи ее компонентов. В отечественной музыкальной фольклористике данный подход использовал и пропагандировал Е.В. Гиппиус. Применительно к исследуемому материалу, данный подход позволил смоделировать структуру верхнеоскольской песенной системы, установить межжанровые связи и обозначить контекст ее бытования. Применение системного подхода к исследованию обусловило и опору на структурно-типологический метод, ведущий в современной фольклористике. Теория структурно-типологического анализа во многом опирается на выводы, сделанные швейцарским лингвистом Ф. Соссюром³⁵. В проекции на музыкально-фольклорные тексты данные методы и подходы в отечественной фольклористике были осмыслены Е.В. Гиппиусом.

Успешный опыт прикладного структурно-типологического анализа музыкально-поэтических текстов, продемонстрированный в работах выдающихся отечественных ученых – Е.В. Гиппиуса, Ф. Колессы, К.В. Квитки, Б.Б. Ефименковой и их последователей М. А. Енговатовой, Е.А. Дороховой, О.А. Пашиной и рядом других, использовался в настоящем исследовании при работе с музыкально-этнографическим материалом.

³² Экспедиционные записи А.Н. Иванова, М.М. и С.М. Крюковых, 1994 г.

³³ Репертуарные списки песен, записанных на территории верхнего Приосколья в 1969, 1982, 1985, 1987 гг.

³⁴ Экспедиции 1979, 1980 и 1981 гг. по сёлам Валуйского района Белгородской области.

³⁵ Соссюр Ф. дэ. Труды по языкознанию / Под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.

Настоящее исследование в соответствии с междисциплинарным подходом опирается на методы смежных гуманитарных наук, разработанные в основном в трудах представителей тартуско-московской семиотической школы: А.К. Байбурина, Л.Н. Виноградовой, Вяч. Вс. Иванова, Ю.М. Лотмана, С.М. и Н.И. Толстых, В.Н. Топорова и др.

Полевые исследования проводились с применением современных методик экспедиционной работы, среди которых: фронтальное обследование территории, осуществление многомикрофонных записей от лучших ансамблей исполнителей, фиксация репортажей, производимая по специально разработанным опросникам с целью наиболее полного отражения местной традиционной культуры. Составление опросников осуществлялось с опорой на методологические установки московской школы этнолингвистики, руководимой академиком Н.И. Толстым.

Научная новизна данной работы подтверждается впервые осуществленным комплексным исследованием песенной традиции бассейна реки Оскол, в ходе которого была установлена её структура, очерчены границы, выделены субареальные зоны. В настоящем исследовании в систематизированном виде представлены новые, неизвестные до сих пор типы народного многоголосия, что позволило охарактеризовать это явление как целостное, видовые версии которого обусловлены историческими факторами и законами развития замкнутых песенных систем [термин Е.А. Дороховой, М.А. Енговатовой]. Двухорные и дуэтные песни села Фощеватово Волоконовского района получили характеристику в контексте музыкальной культуры местной традиции.

В ходе исследования впервые был установлен централизующий компонент местной песенной системы, связанный с особенностями звуковысотной организации свадебных напевов и доминирующим в них мелодическим типом. В свою очередь, доминирующая роль последнего в свадебном ритуале в совокупности со множеством свадебных концептов за его пределами, сформировали специфический облик местной традиции. Этот факт может в новом свете представить и народную музыкальную культуру юга России в целом.

Кроме того, в научный оборот введены новые архивные и современные экспедиционные материалы, типологически упорядоченные и системно представленные.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Результаты проведенного исследования могут быть использованы специалистами на дальнейших этапах изучения южнорусской традиционной культуры. Представленные в работе выводы об особенностях звуковысотной организации верхнеоскольской песенной традиции вносят ряд уточнений в теоретические положения о традиционном многоголосии южнорусского региона в целом. Выявленные в ходе исследования ареал традиции и его субареальные зоны могут быть учтены в дальнейшем при составлении музыкально-диалектологического атласа русского фольклора.

Материалы диссертации могут быть включены и уже используются в лекционных курсах «Народное музыкальное творчество», «Певческие стили», читающихся в Белгородском государственном институте искусств и культуры. Материалы исследования (в количестве 12 объектов) также были включены в Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов России, созданный Министерством культуры РФ. Осуществленные нотации народных песен могут обогатить репертуар профессиональных, учебных и любительских фольклорных ансамблей и хоров, а также могут быть использованы в современной художественной практике при создании кинофильмов, театральных спектаклей и др. Материалы диссертации могут вызвать интерес представителей смежных гуманитарных наук, изучающих традиционные культуры.

Положения, выносимые на защиту:

- Верхнеоскольская песенная традиция – самостоятельная песенная система южнорусского региона.
- Внутренняя организация исследуемой традиции характеризуется взаимодействием двух субареальных комплексов (северного и южного), территория которых соответствует двум историко-культурным центрам: сторожевой крепости Царев-Алексеев (1655 г.) и Валуйскому форпосту (1593 г.).

- Система календарных праздников и ритуалов характеризуется целостностью и отличается доминирующим положением весенне-летнего периода и обряда *крещения и похорон кукушки*, приуроченного к Вознесению.

- Свадебные песни и свадебные концепты выступают в качестве системообразующих компонентов музыкально-этнографического комплекса верхнего Приосколья.

- Функция централизующего компонента верхнеоскольской песенной традиции заключена в особенностях звуковысотной организации песен данного региона, и в том числе, доминирующего в нём межжанрового мелодического типа.

- Избранный ракурс исследования (а именно – анализ песенной системы сквозь призму её основных компонентов) позволил выявить доминантное положение свадебного музыкально-этнографического комплекса и зафиксировать традиционную культуру верхнего Приосколья в определенном историческом срезе.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов обеспечивается использованием современных научных методов, опорой на фактический материал, собранный в ходе экспедиционной работы, тщательным анализом нотного материала. Основные положения исследования были отражены в ряде публикаций, а также в выступлениях на научных конференциях с докладами: «Верхнеоскольский мелодический тип как системообразующий фактор местной песенной традиции» (Второй Всероссийский конгресс фольклористов. Москва, февраль 2010 г.); «Традиционная культура Новооскольского района Белгородской области: современное состояние» (международная научная конференция «Пам`яткознавчі погляди молодих вчених ХХІ ст.». Харьков, 2011); «Верхнеоскольская песенная традиция в свете структурно-типологических исследований» (международная научная конференция «Этномузыкология: история формирования научных школ и образовательных центров». Санкт-Петербург, 2012 г.); «Верхнеоскольская песенная традиция: проблемы формирования в усло-

виях межэтнических контактов» (международная научная конференция «Гиппиусовские чтения – 2015: Региональные исследования в музыкальной фольклористике». Москва, 2015 г.); «Молодежные величания в верхнеоскольской песенной традиции» (международная научно-практическая конференция «Народная музыка сквозь века и границы: источники, изучение, исполнение (26 сентября – 02 октября 2016 года, Санкт-Петербург).

Структура работы соответствует обозначенной тематике, поставленным целям и задачам, и состоит из: Введения, трех Глав, Заключения, Списка литературы (192 литературных источника) и отдельного тома Приложений, состоящего из: нотного сборника песен исследуемого региона, очерка об особенностях традиционного женского костюма верхнего Приосколья.

ГЛАВА 1. ВЕРХНЕОСКОЛЬСКАЯ ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ ЮЖНОРУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Народная музыкальная культура бассейна верхнего течения реки Оскол (Белгородская область) является локальной песенной системой юга России. Выдвижение этой гипотезы основывалось на изучении внутренней организации и внешних взаимосвязей местной традиции. В определении законов внутренней организации мы исходили из результатов структурно-типологического анализа, позволившего определить основные компоненты местной музыкальной системы и установить их взаимосвязи. Этот метод помог сформировать представления об облике традиции, а также произвести её внутреннее членение на два субареала: северный и южный.

Установление внешних связей местной песенной системы производилось на основе сравнительного анализа в первую очередь с музыкальной культурой соседних традиций как ранее изученных, так и не представленных в исследованиях региона. Тщательное изучение музыкального наследия окружающих территорий позволило наиболее четко очертить границы верхнеоскольской традиции, выявить её типовые признаки. На следующем этапе устанавливались контекстные связи с другими локальными традициями юга России.

В выявлении контекстных связей мы исходили из сложившихся в этномузыкознании определений южнорусской музыкальной культуры. Е.В. Гиппиус считал жанр хороводных песен централизующим компонентом южнорусских песенных традиций³⁶. Подробное описание традиции содержится в многочисленных работах В.М. Щурова, который считал, что «в наиболее характерных формах она проявляется в искусстве сельского населения Белгородской, Курской, Воронежской, Липецкой областей, а также в музыкальном фольклоре русских сел на севе-

---

³⁶ Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционных русских песен в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. Вопросы типологии. Труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1982.

ро-востоке Украины – в Харьковской, Полтавской, Сумской областях»³⁷. К отличительным чертам южнорусской песенной традиции ученый относит: опору на хореографию плясового характера и приуроченность хороводов к различным периодам и датам крестьянского календаря. В свадебном обряде исследователь отмечает: преобладание скорых песен с «алилешными» припевами, наличие медленных ритуальных песен, исполняющихся в «самые драматичные моменты», скромное место причитаний невесты. Преимущество в исполнении лирических песен мужскими ансамблями, по мнению В.М. Щурова, является характерной чертой южнорусского музыкального фольклора. Музыкально-стилевые признаки южнорусской традиции, как отмечает исследователь, составляют: преобладание напевов с мерно-цезурированным стихом; развитое многоголосие; широкое использование ладов с опорой на увеличенную кварту; насыщенная, звонкая открытая вокальная манера³⁸.

Г.Я. Сысоева на основе предыдущих публикаций, а также анализа полевых материалов выделила пять основных признаков, характеризующих южнорусскую песенную традицию: «Централизующий компонент песенной системы – хороводные песни; свадебные песни родственны хороводам и соответствуют типу обряда «свадьба-веселье»; доминирующие формы ритмической организации песен - цезурированные; преобладающий тип реализации напевов многоголосный; певческая манера – сильная подача звука с использованием грудного резонатора у женщин и высокого регистра у мужчин»³⁹.

Музыкальный материал исследуемой традиционной культуры отличается неоднородностью. Далеко не во всех селах сложились песенные ансамбли, мастерски владеющие традиционной манерой пения и импровизации. Как правило, именно такие творческие коллективы обладают богатым песенным репертуаром и являются бережными хранителями родной культуры. Мастерами песенного творчества по праву являются участники ансамблей сел: Тростенец, Васильдол (Нвс),

³⁷ Щуров В. М. О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. М., 1986. С. 35.

³⁸ Там же. С. 36.

³⁹ Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж. 2011. С. 70.

Фоцеватово (Влк), Хмелевец, Шелаево, Двучное, Селиваново, Шушпаново (Влс).

Первые музыкальные записи народных песен исследуемой традиции относятся к началу 1970-х годов. Сделаны они были московскими фольклористами: А. В. Рудневой, В. М. Щуровым, позже, в 1980-х гг., А.Н. Ивановым. Исполнительское мастерство местных певцов в записях тех лет потрясает искусством импровизации, слаженностью ансамблевого пения, фактурной плотностью, открытой прямой подачей звука и в то же время мягким медитативным звучанием песен и, конечно, бытованием особых форм совместного пения – дуэтных и двухорных песен.

Последующие записи в исследуемом регионе производились сотрудниками Белгородского государственного центра народного творчества⁴⁰, преподавателями и студентами Воронежской государственной академии искусств (при участии автора) начиная с 1998 г. Записи последних лет свидетельствуют об угасании традиции, которое выразилось в упрощенном голосоведении, иногда простой двухголосной фактуре, утрате целого пласта напевов, отличающихся сложнейшей полифонической фактурой, а также утрате оригинальной медитативной исполнительской манеры. Однако, экспедиционные исследования, проводившиеся кафедрой Воронежской государственной академии искусств, носили системный характер, что позволило частично воссоздать этнографический контекст традиции, а также провести комплексный анализ местного музыкального фольклора.

1.1. Исторические предпосылки формирования верхнеоскольской песенной традиции

Традиционная культура верхнего Приосколья, как и ряд других на юге России, сформировалась главным образом в период подготовки и строительства Белгородской черты (XVI-XVIII в.). Этот исторический отрезок характеризуется ак-

---

⁴⁰ 1996 г. – Чрн., 1998 г. – Влк., 2001 г. – Нвс., 2002 г. – Вдл.

тивизацией оборонительной стратегии южных окраин Московского государства и как следствие – мощным колонизационным потоком. Исторические сведения указывают, что в относительно короткий промежуток времени в южные окраины мигрировало население из различных мест московского государства (значительный поток отмечен из городов передней линии: Кадома, Шацка, Данкова, Дедилова, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля). И. Д. Беляев отмечает: «Украинские города, упоминаемые в разрядных росписях можно разделить, по их географическому положению, на передние и задние»⁴¹. Вышеуказанные города относились к передней линии Московского государства, «глядевшей прямо в степь» и высылавшей по всем направлениям свои разъездные станицы и сторожи. Социальный статус колонистов отличался разнообразием: от служивых людей «по отечеству» («детей боярских») и «по прибору» (пушкарей, затынщиков, стрельцов и т.д.), впоследствии ставших однодворцами, до беглых крестьян, ссыльных.

Так как на южные окраины мигрировало население с различных территорий государства и к тому же различное по социальному составу, то в этом регионе образовалось множество самобытных, контрастных между собой региональных песенных традиций.

Как показывают исследования, местные локальные традиции формировались главным образом вокруг сторожевых крепостей. Эта особенность отмечена В. М. Щуровым в фундаментальной работе «Южнорусская песенная традиция»: «В условиях формирования южнорусской народной музыкальной культуры на протяжении длительного исторического периода наряду с административно-хозяйственными имели важное значение военно-административные факторы, влиявшие на локализацию очагов культуры»⁴². Современные исследования подтверждают эту гипотезу. Так, Г.Я. Сысоева, картографируя компоненты традиционной культуры воронежско-белгородского пограничья, указывает: «Города-крепости имели сильное влияние на окружающие их села в момент активного ос-

⁴¹ Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

⁴² Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987. С.163.

воения территории и формирования традиции»⁴³. По мнению Г.Я. Сысоевой, исследуемая ею песенная традиция образует три субареала, историко-культурными центрами которых некогда являлись бывшие города-крепости (Усерд, Верхосенск, Ольшанск и Коротояк).

Авторы статьи «Региональные песенные системы как объект структурно-типологического исследования» Е. А. Дорохова и М. А. Енговатова южнорусскую традицию относят к вторичным песенным системам: «стилевая сущность и системные признаки традиций этого класса определяются их вторичностью по отношению к ранним, на основе которых происходило их формирование»⁴⁴. Ученые считают, что «...принцип ориентации многих традиций позднего формирования на засеки, оборонительные линии и т.д. можно сравнить с «речным» принципом на территориях более раннего заселения»⁴⁵.

Формирование традиционной культуры верхнего Приосколья также связано со строительством городов-крепостей на Белгородской засечной черте: Валуйского форпоста (1593 г.) и города Царев-Алексеев, (1647 г.), позже переименованного в Новый Оскол (1655 г.). Строительство этих крепостей, равно как и ряда других соседних, было предназначено для перекрытия путей татарских набегов, пролегавших по Кальмиусской степной дороге (см. карту-схему1).

Валуйки – самый южный город, находившийся «за чертой» - принадлежит к числу древнейших. Форпост Валуйки был возведен у левого обрывистого высокого берега Оскола и его притока – Валуга. Валуйская крепость не раз осаждалась татарами, а позже – литовцами: «...во время “Смоленской войны” 1632-1634 гг. город был полностью разрушен польско-литовским отрядом, но быстро возродился. “Литовское разорение” Валугек привело к утрате всех прежних воеводских документов...»⁴⁶. В исследовании Л. Н. Чижиковой отмечено, что «Старейшими по-

⁴³ Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011. С. 17.

⁴⁴ Дорохова Е.А., Енговатова М.А. Региональные песенные системы как объект структурно-типологических исследований. Рукопись (2001).

⁴⁵ Там же.

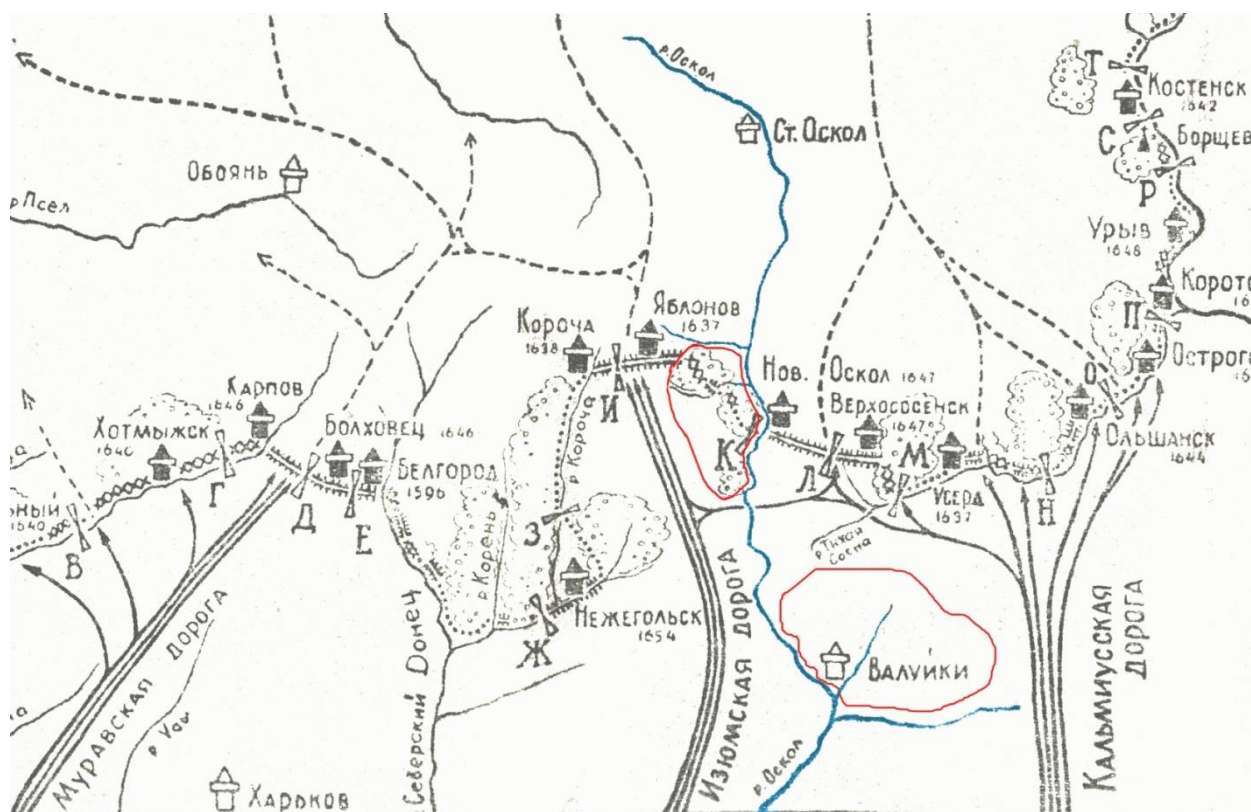
⁴⁶ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 188.

селенцами Валуйского уезда – юго-западной окраины Воронежской губернии – были выходцы из разных мест Тульской и Курской губерний»⁴⁷.

Подтверждение этих фактов содержится в записях середины XIX века, подготовленных священником Владимирского собора города Валуек для РГО: «Противоположный малороссиянам в уезде есть народ чисто русский. Северный житель, именовавшийся прежде удельным, который имеет цвет лица здоровый, красный, выпуклый лоб, полные красные щеки, чрезвычайно деятелен, трудолюбив, неутомим, силен и женщины весьма трудолюбивые, часто отправляют работы тяжелые, как то: молотят хлеб, косят оный крюком и проч. Этот народ, составляющий два селения в уезде переселен из Тульской губернии»⁴⁸.

Карта-схема 1

Фрагмент Белгородской черты и ареалы первых поселений в бассейне реки Оскол

⁴⁷ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX - XX в.). М., 1988. С. 20.

⁴⁸ Соколов П. Описание народной жизни и быта города Валуек и части одного уезда Воронежской губернии // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск XI. Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии. Воронеж, 2012. С. 135.

Возможно, места изначального проживания первых поселенцев отразились в названиях некоторых сел Валуйского района: Тулянка, Брянские Липяги.

Основную массу городского населения Валук составляли служилые люди «по прибору»: ямщики, стрельцы, казаки, пушкарки, затынщики. Отсюда пошли и названия слобод города: Пушкарская, Ямская, Казацкая, Стрелецкая, ныне сохранившиеся в названиях городских микрорайонов. По мнению историка И. Д. Беляева, городские казаки на южных окраинах Московского государства образовали особый класс служивых людей, которые «обязывались постоянно быть на службе, ездить в степи, смотреть за движениями Татар по известным степным дорогам, называемым шляхами и сакмами, перехватывать языков и доставлять вести воеводам и Государю, а в случае нечаянного набега Ордынцев защищать украинские города. В службу эту набирались вольные люди из всех сословий...»⁴⁹.

Исследователи подчеркивают особый социальный состав поселенцев: «Валуйские служивые люди жили под защитой городских укреплений, валуйская писцовая книга отмечает полное отсутствие в Валуйках детей боярских – помещиков»⁵⁰. Служивые люди Белгородской черты получали земельные наделы с правом личного пользования и передачей по наследству, отчего получили название однодворцев. Однодворцы как правило заключали браки между собой, поддерживая тем самым свой социальный статус и сохраняя земельные наделы.

Анализируя фамилии поселенцев юго-востока Белгородской области на основе архивных исторических материалов, А. А. Бережной отмечает: «однодворцы Валук выдавали своих дочерей замуж, как правило, за однодворцев Валук из сел Валуйского и Палатовского уездов, находящихся на расстоянии 20 - 30 км от Валук»⁵¹. Такие браки, возможно, обеспечили консерватизм местной культуры.

Город Царев-Алексеев был построен на левом берегу реки Оскол, в устье речки Белый Колодезь. Заселение Царева-Алексеева было достаточно сложным. Исследователи отмечают высокую степень «текучести» колонистов. Например, «в

⁴⁹ Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 2-3.

⁵⁰ Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С.49.

⁵¹ Бережной А. А. Заселение юго-востока Белгородской области в XVIII веке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historybel.narod.ru/beregnoj1.htm> (дата обращения: 12.06.2015).

октябре, 1647 г. воевода Царев-Алексеева сообщал, что “в Новом городе устроен на вечное житье 1091 человек”, а 19 декабря налицо оказалось лишь 795, остальные сбежали»⁵². Трудности в заселении этой территории обусловили решение правительства ссылать в эти края людей, совершивших какие-либо преступления: «Так, в декабре 1647 г. были сосланы в Царев-Алексеев дворцовый крестьянин с. Коломенского С. Данилов с семьей “за воровство” и служка Троице-Сергиева монастыря Н. Фирсов “за непригожие письма”».⁵³

Сложность заселения Царева-Алексеева объясняется в первую очередь непосредственной близостью к тропам Кальмиусской дороги, и как следствие, частыми разорительными набегами кочевников⁵⁴. Правобережная часть окрестностей города отличалась более выгодными природными условиями - здесь некогда пролегал заповедный лес. Именно эта территория заселялась активнее и отличалась большей стабильностью поселенцев. Важно отметить, что до строительства засечной черты здесь уже существовали русские села: «По правому высокому берегу р. Оскол, к югу от старинного леса Голубина тянулся заповедный лес. До сооружения Белгородской черты этот лес вместе с Халанским лесом прикрывал от татар с. Голубино и деревню Тростянец»⁵⁵.

Исторические сведения указывают, что первые поселения были образованы великороссами в правобережной части Оскола в ареале современных Чернянского и Новооскольского районов и в пределах Валуйской крепости. Таким образом закладывается основа формирования будущей верхнеоскольской песенной традиции, строящейся на взаимодействии двух субареальных комплексов: северного и южного.

Вторая волна заселения южных окраин Московского государства начинается с середины XVII- начала XVIII вв. и связана с мощным потоком беглых украинцев черкас, которые при освоении земель получали больше льгот, чем русские

⁵² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 52-60 (цит. по: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С. 27).

⁵³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 508-509 (цит. по: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С. 28).

⁵⁴ В.П. Загоровский отмечает, что Новооскольский участок земляного вала подвергался наиболее частым нападениям татар и в 1673 г. им удалось прорваться за Белгородскую черту. См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С.193.

⁵⁵ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С.190.

крестьяне. Наплыв украинских переселенцев В. П. Загоровский объясняет двумя факторами: изменением политической принадлежности земель Левобережной Украины и временным затишьем татарских набегов⁵⁶. Историки отмечают: «Интенсивное заселение юго-востока Белгородской области украинцами происходило во второй четверти XVIII века. По данным ревизии населения 1722 - 1727 гг. поданных малороссиян в слободских полках Белгородской и Воронежской губерниях было 143764 лиц мужского пола, в 1731 г. - 142300, а в 1732 г. - 189562 человека»⁵⁷.

В своем исследовании Л. Н. Чижикова пишет: «В 70-х годах XVII в. украинские переселенцы из правобережной Украины поселились на р. Валуге у устья р. Малого Валуйца»⁵⁸. Многие украинские поселения находились во владении князей. Например, графу Шереметьеву принадлежала крупная слобода Михайловка (ныне с. Великомихайловка Новооскольского района)⁵⁹. В пределах изучаемой территории малороссами были активно заселены: на севере – левобережная часть Оскола (юго-восток современного Новооскольского района), на юге – правобережная часть Оскола (запад современного Валуйского района).

Таким образом, к XIX столетию в бассейне реки Оскол наблюдаются две компактные зоны расположения русских сел, находящихся в окружении украинских (на карте-схеме² отмечены территории, заселенные преимущественно русскими и преимущественно украинскими поселенцами в ареале исследуемой территории).

---

⁵⁶ Там же. С. 49.

⁵⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 17, кн. 1106, л. 238 – 242. Цит. по: Бережной А. А. <http://historybel.narod.ru/beregnoj1.htm> (дата обращения: 12.06.2015).

⁵⁸ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX - XX в.) / Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1988. С. 25.

⁵⁹ Там же. С. 24.

Ареал песенной традиции верхнего Приосколья

Межкультурные отношения между русскими и украинцами вплоть до второй четверти XX столетия оставались холодными. Даже в современных экспедиционных материалах отмечены воспоминания старожилов о негласном запрете на межнациональный брак. В работе Л. Н. Чижиковой также подчеркивается, что «... невест и женихов предпочитали выбирать в пределах своего села. Но в том случае, если не могли подыскать невесту в своем селе, украинцы ездили сватать в украинские села, как бы далеко они не были расположены, а русские – в села, населенные русскими»⁶⁰. Однако нельзя не отметить влияние украинской культуры, проявившееся, прежде всего, в декоре традиционного костюма русских (цветочный орнамент), местном говоре, элементах свадебного ритуала (особенно в заключительной его части), хореографических элементах бытовых танцев и т.д.

Некоторое влияние на формирование местной песенной традиции оказывало и административное деление территории. Длительное время Новооскольский и Чернянский районы входили в состав Курской губернии, а Валуйский и Волоконовский – в состав Воронежской. К настоящему времени традиционная культура северного субареала обнаруживает типологические связи с хороводной традицией курского Попселья, в то время как песенная традиция южной части имеет явные параллели с культурой воронежско-белгородского пограничья с доминирующей ролью лирической протяжной песни.

Связь административных границ и песенно-стилевых зон в пределах южно-русской традиции убедительно объяснена В. М. Щуровым: «... достаточно заметны различия между формами народного пения и музицирования на территориях, входивших в прошлом в разные губернии, уезды, волости, поскольку общение сельского населения на протяжении нескольких столетий осуществлялось преимущественно во время праздников, на ярмарках, общественных сходках в волостных, уездных, губернских центрах»⁶¹.

Таким образом, совокупность ряда вышеизложенных историко-экономических и географических факторов предопределили основу формирова-

⁶⁰ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX - XX в.) / Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1988. С. 47.

⁶¹ Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987. С. 162.

ния традиционной культуры, сложившейся в верхнем течении реки Оскол. К важнейшим из них относятся:

- строительство двух сторожевых крепостей на реке Оскол;
- первоначальное заселение территории русскими служилыми однодворцами;
- административное разделение территории в прошлом (северные районы входили в состав Курской губернии, а южные – Воронежской);
- постепенное образование иноэтнического (украинского) окружения.

1.2. Система музыкальных жанров песенной традиции верхнего Приосколья

На территории верхнего Приосколья зафиксированы следующие жанры музыкального фольклора:

- **календарные** (*колядки, щедрики*, посевальные припевки речевого склада – *когда засевать ходят*);
- **свадебные**, среди которых отмечены песни как исполняющиеся в конкретный момент ритуала (на *пропой*, на *девишнике*, при расплетении косы, при выпечке каравай, на *посаде*, при выкупе невесты, увозе невесты из дома, во время катания *молодых* и девушек по селу, при встрече *молодых*, повивании невесты, а также величальные песни: *свашке*, молодым, женатой паре, неженатому парню, двоцу и др.), так и незакрепленные за определенным обрядовым действием;
- **хороводные**, различающиеся самими исполнителями по срокам приуроченности (*филипповские, зимние, троцкие*) или ее отсутствию (в любое время) и именующиеся *карагодными, гульбищными, плясовыми, скоморошными* (в с. Фощеватово Влк.);
- **молодежные величальные припевания**

- **лирические сезонно приуроченные** (*тяглые весновые, у пост, на Троицу, на Петровку, осенние*); **лирические неприуроченные** (*протяжные, тяглые*) и **лирические позднетрадиционной музыкальной стилистики**;
- **духовные стихи, псалмы**, приурочиваемые, как правило, к великопостному периоду календарного года и похоронному ритуалу;
- **страдания**, исполняемые как *под язык*, так и с наигрышами на гармони;
- **инструментальные наигрыши**, наиболее распространенными среди которых являются плясовые наигрыши на балалайке⁶².

Набор музыкальных жанров в верхнеоскольской песенной традиции типичен для традиций южнорусского региона. Существенные отличия заключаются в субординации конкретных компонентов местной песенной системы, а также в их количественном соотношении.

В цикле **календарных песен** отмечено бытование лишь святочных величально-поздравительных песен: колядок, *щедровок*, посевальных припевок. Мелодика местных колядок отличается скупостью мелодических интонаций, близостью к речевому интонированию, что выражается в узком диапазоне (от большой секунды до кварты, редко – квинты), поступенном мелодическом движении, унисонно-гетерофонном изложении. Все они относятся к классу цезурированных временников (с восьмивременными ритмическими периодами).

Ритмическая композиция местных колядок может базироваться как на чередовании одноэлементных восьмивременных ритмических периодов, так и составных (со стабильным трехслоговым рефреном и нестабильной слоговой нормой стиха).

---

⁶² В селе Фошеватово Влк. записаны ансамблевые наигрыши на 2-х и 3-х балалайках. По воспоминаниям Вендиной Марфы Федоровны (1912 г.р.), уроженки села Васильдол Нвс., «...гармошек тада не было, редко у кого была гармошка, только балалайки были» (Архив Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств (Архив ВГИИ) № 608/8).

Рисунок 1.

1. Ко - ли - да! не пе - ре - пел - ка.

2. Ко - ли - да! не та - рах - тел - ка.

3. Ко - ли - да! паш - ла па да - рош - ке.

4. Ко - ли - да! паш - ла пад а - кош - ка.

Щедровки в местной традиции зафиксированы в песенных и речитативных формах. Песенные формы отличаются многоголосным изложением и близостью интонаций украинским *щедровкам*⁶³. Ритмическая композиция таких *щедровок* основывается на комбинации шестивременных или разномасштабных (четырех и шестивременных) ритмических периодов, сочетающихся с силлабическим стихом с формулой 4+4 (r=4).

Рисунок 2

Как на реч - ке, на Йир - да - не, щед - рый ве - че - ра, доб - рай ве - че - ра,

доб - рым лю - дям(ы) на зда - ровь - я.

Показательным для святочной обрядности верхнего Приосколья является повсеместное исполнение *щедриков* под Васильев вечер:

⁶³ См.: Осадча В. М. Обрядова пісенність Слобожанщини. Харків, 2011. С.74-76.

1. Щед - ри - ки - вед - ри - ки,

2. Вы - на - си ва - ре - ни - ки,

3. Ва - ре - ни - ков ма - ла,

4. Да - вай ку - сок са - ла.

Наиболее полный вариант текста записан в с. Тростенец (Нвс.):

*Щедрики – бедрики,
Варите вареники,
Уставайте рано,
Зажигайте свечи,
Молитесь Богу,
Богу на помогу.
Чтоб коровы вялись,
На двор катились,
И овцы и козы,*

*И утицы и гуси,
И чтоб деньги велись,
В кошелек катились.
Хозяин добрай,
Няси пирог долгой.
Ня вынесешь пирога,
Корову за рога,
А не вынесешь пышку,
Мы свинью подмышку⁶⁴.*

Если хозяин одаривал колядовщиков, то те приговаривали: «*Чтоб у вас овцы вялись - на двор катились! / Что б у вас коровы вялись - на двор катились!*»⁶⁵. «*Если хозяин не дае ничево, гаварят: Штоп табе лягушки вялись - на двор катились / Штоп табе мыши вялись - на двор катились!*»⁶⁶.

В верхнеоскольской песенной традиции указанная выше щедровка известна практически во всех населенных пунктах. Стабильными компонентами поэтического текста в ней являются зачин и заклинательный приговор в случае отказа хозяев, в то время как основная часть может быть значительно редуцирована или

⁶⁴ Сообщила Алехина Раиса Ивановна, 2938 г.р., с. Тростенец Нвс. (Архив кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры (далее архив БГИИК).

⁶⁵ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол, Нвск. (Архив ВГИИ № 608/10).

⁶⁶ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. В. Кузькино, Чрн. (Архив ВГИИ № 463/4).

изменена. Ареал песен с просьбой о подаянии с зачином «Щедрики-ведрики» охватывает верхнеоскольскую и западную часть песенной традиции воронежско-белгородского пограничья. Подобные тексты были записаны П. В. Ивановым в начале XX века в украинских селах Купянского уезда Харьковской губернии⁶⁷.

Посевальные припевки, исполняемые мальчиками или мужчинами (реже женщинами) утром Нового года, на всей исследуемой территории сохраняют стабильную структуру текста, встречаются лишь элементы его редуцирования или контаминации. Наиболее полный вариант текста мы приводим ниже:

Рисунок 4.

Де - ва Ма - ри - я
 По по - лю хо - ди - ла,
 У Бо - га про - си - ла:
 За - ра - ди, Гос - по -
 ди,
 Жи - та, пше - ни - ца,
 На вся - ка паш - ни - ца,
 Лен, за - маш - ки

Говорком: На пеньки, на портки,
 Чтоб бабы не доволокли.

В ряде случаев в зачине может упоминаться святой Илья:

*Ходя Илья
 На Василья.
 Кто его знает,
 Иде он буває...⁶⁸*

Тексты о хождении Девы Марии (Ильи, плуга) по полю и прощении у Бога урожая известны на широкой славянской территории как в качестве посевальных припевок, так и в качестве текста-благопожелания в конце колядки (как правило, заключительная часть: «Зароди, господи...»). Л.Н. Виноградова отмечает: «Такие же пожелания [Зароди, боже, жито, пшеницу...] без каких бы то ни было изменений могли исполняться насквозь по всему календарному фольклорному цик-

⁶⁷ Иванов П. В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии / упорядкування та передмова М. М. Красикова. XLIII, 216, X 58 с. (Серія "Студії з фольклору та етнографії Слобожанщини". Випуск 2). Харків, 2007. С. 60.

⁶⁸ Сообщила Гладких Дарья Филипповна, 1914 г.р., с. Хмелевец, Влс. (Архив ВГИИ № 717/6).

лу. Часто фиксировались они, например, в качестве дожиночных песен (и приговоров)»⁶⁹. На территории Белгородчины тексты подобного рода фиксируются точно в западной ее части (Прохоровский район) и с высокой плотностью в восточной (в периферийной зоне песенной традиции воронежско-белгородского пограничья), но с изменением зачина («Вы поле, поле плужок ходит»).

В целом, сохранность величально-поздравительных песен святочного периода характерна для южнорусских традиций. Например, святочный комплекс, но в сочетании с *баусенями*, как единственно календарный зафиксирован и в локальной традиции воронежско-белгородского пограничья (за исключением единичных образцов весенних закличек и троицких песен)⁷⁰. На территории западной Белгородчины и курского Попселья также доминируют святочные величально-поздравительные песни, но там записаны еще и подблюдные гадания, масленичные припевки и заклички весны.

Среди песен жизненного цикла не отмечено бытование родинно-крестильных. Зато широко развита традиция **свадебных песен**. Они занимают около половины репертуара как в ранних, так и в более поздних записях.

Верхнеоскольские свадебные песни отличаются развитой системой закрепления напевов за определенными ситуациями ритуала. Таким образом, озвученным оказывается весь цикл: от сватовства до повивания невесты в доме жениха и величания гостей на заключительном свадебном застолье.

Поэтика свадебных песен верхнего Приосколья гармонично вписывается в свадебную картину мира южнорусских песенных традиций, и шире — восточнославянских⁷¹. Восточнославянская общность обнаруживается как в единстве ряда сюжетов, так и в наличии в текстах устойчивых словесных формул.

⁶⁹ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982. С.126.

⁷⁰ См.: Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж. 2011.

⁷¹ См.: Ефименкова Б.Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М., 2008; Рудиченко Т.С. Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа: Дикаревские чтения. Краснодар, 2006; Самоделова Е.А. Рязанская свадьба. Исследования местного обрядового фольклора. Рязань, 1993; Лазутин С. Г. Народные песни Воронежского края. Воронеж, 1993; Щуров В. М. Белгородское Приосколье: Песни Усёрдской стороны. М., 1995; Карачаров И.Н. Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области. Белгород, 1995; Сысоева Г.Я. Музыкальный стиль мамонских свадебных песен // Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области. Воронеж, 1999; Дорохова Е.А. Этнокультурные «ост-

В сравнении с другими локальными традициями корпус местных свадебных песен отличается комплексом признаков, среди которых:

- обилие *поезжанских* песен – скорых с «алилешными» рефренами. В этой группе доминируют сюжеты с зачинами «Чей `то конь по улице проехал», «Мимо сада зеленого дорожка лежала», «Дубровушка зеленая»;
- наличие санкционирующих песен-припевов («Мамушка-гоголушка», «Свашка-повивашка» «Повили кукушку») и дразнилок, исполняемых в том числе во время выкупа невесты с типовым зачином «Дружко богатыня» (северный субареал);
- бытование парных прощальных песен, исполняемых на девичике (невесте-сироте и невесте, имеющей родителей); типичной сиротской песней для верхнеоскольской традиции является «Грушица», в паре с которой выступают: «Лелей речушка» (южный субареал), «При вечеру, вечеру» (северный субареал);
- исполнение на всей исследуемой территории песни «У ворот береза стояла» (вариант зачина «Соезжает Лидушка со двора») в момент увоза невесты⁷².

Весомую часть в музыкальном пространстве местной свадьбы занимают величальные песни, среди которых отмечаются как специальные тексты, обращенные к свадебным чинам, так и общие, исполняемые в различных ситуациях.

Развитый цикл свадебных песен характерен для южнорусских традиций. Локальные их различия заключаются, прежде всего, во внутржанровом наполнении (например, наличие/отсутствие сольных причетов невесты, медленных прощальных песен на девичнике), темповом соотношении напевов и особенностях ритмической и звуковысотной организации.

Хороводные песни в верхнеоскольской традиции занимают меньший удельный вес. Они исполняются в скором темпе, часто с «алилешными» рефренами, местными исполнителями называются *карагодными*, как и на широкой части юга России. В северном субареале существует традиция календарного приурочи-

---

рова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины: монография. СПб., 2013.

⁷² Данный текст не зафиксирован в традиции воронежско-белгородского пограничья и точно отмечается традиционной культуре западной Белгородчины.

вания *карагодных* песен: *на Семик, Филипповку, Рождество*. В селе Верхнее Кузькино Чернянского района записаны две хороводные песни, исполняющиеся в сдержанном темпе и выделяющиеся среди прочих женским составом исполнительниц, наличием сольного запева и долгим заключительным унисоном (см. «Ох, у нас на улице», № 83 в нотном приложении) или наоборот – резким обрывом заключительного звука (см. «Ох, по улице, ох и по широкой», № 84 в нотном приложении). Последняя песня приурочена к периоду Великого поста и местными исполнителями названа *улишной*.

В южном субареале хороводные песни имеют меньший удельный вес. Например, из 61 песни, записанной в селе Шелаево Валуйского района – только 6 являются хороводными (причем без «алилешных» припевов), 34 - свадебными. Популярны песни в этой части традиции: «Головушка заболела», «С комарем девки плясали», «Во горенки во новой». В селе Фоцеватово Волоконовского района хороводные песни называют *скоморошными*. Примечательно, что основной массив хороводных песен с «алилешным» припевом здесь имеет свадебную приуроченность.

Хореографический компонент хороводных песен местной традиции не отмечен таким разнообразием, как в соседних музыкально-этнографических комплексах. В верхнем Приосколье не зафиксировано элементов сольной пляски как, например, «пересек» в традиции воронежско-белгородского пограничья. Не зафиксировано здесь и *танков*, которые в обилии встречаются на территории западной Белгородчины, и реже - в традиции воронежско-белгородского пограничья. Местная пляска представляет собой движения участников по кругу мелким шагом или шагом с прибивом: «*У карагодах плисали: и в ладошки трепали, и бока подтиралися... на кругу хадили. Каждый сам сабе. И ногами выбивали. У нас назывался “в тряноги”*»⁷³.

Скудность традиционной хореографии компенсируется развитыми композициями бытовых танцев, а также всевозможными видами плясок, исполняющихся под инструментальное сопровождение. И.И. Веретенниковым в книге «Белго-

⁷³ Сообщила Вендина Марфа Фёдоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 608/18).

родские карагоды» отмечены следующие виды мужских плясовых движений «оскольского региона» [термин И. Веретенникова]: переменный шаг, переменные притопы ногами перед собой, полуприсядка, удары ногой о ногу в прыжке («голубцы»), разведение и сведение пяток, притопы одной ногой на месте, боковое движение соскоком, хлопки руками по коленям, пяткам и другим местам тела⁷⁴. Женские движения кроме того отличаются подвижностью корпуса, пластичностью рук. Автор указывает целый комплекс плясовых движений: круговые движения руками впереди корпуса, движение влево, вправо с наклоном головы на плечо, подергивание плечами вверх, вниз, вперед, назад в ритме восьмых длительностей, прищелкивание пальцами одной или обеих рук, мелкие быстрые покачивания корпусом, удары обеими ладонями об пол и хлопки⁷⁵.

Личные наблюдения автора работы показывают, что в исследуемом регионе исполнители во время пения свадебных «алилешных» и *карагодных* песен, двигаясь по кругу, используют минимальный набор хореографических компонентов: стабильный корпус, частые или редкие перебивы ногами, в зависимости от движения круга или его остановки, поднятые до уровня локтей руки, прищелкивание пальцами, игра кистями рук. Однако во время исполнения бытовых танцев изменяется темперамент, активизируются танцевальные элементы. Особенно ярко такой контраст наблюдался в процессе экспедиционных работ селе Макешкино (Нвс.). Степенность и умеренность движений при исполнении свадебных песен вмиг сменяется высокими прыжками, сложными перебивами, скорым темпом движения при исполнении «Семеновны».

Согласно нашим наблюдениям, описанный хореографический пласт в сочетании с обилием бытовых танцев и инструментальных наигрышей характерен прежде всего для песенных традиций украинских поселенцев в бассейне реки Оскол. Данные движения сопровождалась и типичным для традиции некогда бытовавшим набором инструментов: гармонь, *контрабас*, цимбалы⁷⁶.

⁷⁴ Веретенников И.И. Белгородские карагоды. Белгород, 1993. С.45-49.

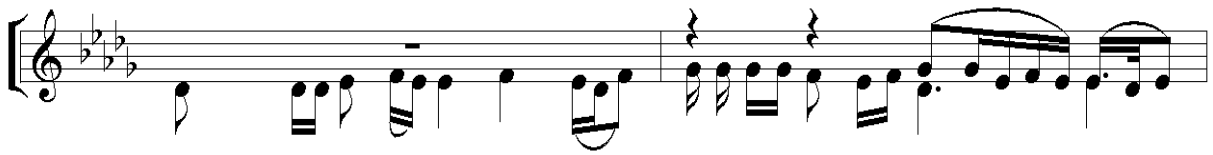
⁷⁵ Там же. С. 42-45.

⁷⁶ Так в украинском селе Гринево (Нвс.) называют металлический треугольник.

Важно отметить, что местные хороводные песни в исследуемой традиции не являются доминантным жанром. Очевидно их взаимодействие со свадебными песнями, что проявляется на всех уровнях структуры (скорый темп исполнения, наличие общих ритмоформул, «алилёшного» рефрена и пр.). Показателен также небольшой удельный вес хороводных песен в местной традиции и ограниченный набор хореографических элементов. Возможно, это объясняется историко-культурными причинами. Вполне вероятно, что хороводные песни, доминирующие в традициях-метрополиях, в период формирования верхнеоскольской песенной системы были «поглощены» свадебным музыкально-этнографическим комплексом.

Молодежные величальные припевания занимают особое положение в традиции верхнего Приосколья. На южнорусской территории подобные тексты не были зафиксированы, о чем свидетельствуют их отсутствие в публикациях по региону. Исполнение величальных припеваний приурочивалось к традиционным молодежным сборищам во время весенних праздников (Благовещение, Пасха, Троица), трудовой крестьянской деятельности – главным образом, к посадке и прополке. Кроме того, существуют и специальные тексты для величания молодежи на девичнике. Адресатами величаний были как холостая молодежь, так и просватанные пары.

Молодежные величальные припевания объединяются, прежде всего, особенностями поэтического строения. Основу рассматриваемых текстов составляет перечисление пар, образованных припеванием девушек к парням:

1. Бе - лень(и)кий -ха - ро - шень - кий да И - ван(ы) то Стех(ы) - ва - (е)...

ох(ы), да Стех(ы) - ва - на - вич.

Беленькый хорошенький

Да Иван то Стехва... ох, Стехванович.

Ана ему панравилася

Да Марьюшка Ива... ох, Иванавна

Ды хлесткая паходушка

Алексей то Ива..., то Иванович.

Ана ему панравилась

Да Наталья Кузьми... ох, Кузьминична.

Да король-королевич

Да Василь то Корне... ох,

Корнеевич.

Да адин дух на двух

Да Надежда Ива... да Иванавна⁷⁷.

Музыкальное оформление величальных припеваний соответствует принципам организации местных сезонно приуроченных лирических песен.

Лирические песни в верхнеоскольской традиции составляют значимую часть местного песенного фольклора. Музыкальная организация разводит этот корпус песен на два разнофункциональных пласта: широкообъемные – не обладающие конкретной приуроченностью, и узкообъемные – имеющие сезонную приуроченность. Причем узкообъемные сезонные песни в местной традиции явно доминируют.

Сезонно приуроченные лирические песни

Впервые пласт узкообъемной лирики и связь ее с сезонной приуроченностью были обозначены в диссертационном исследовании М. А. Енговатовой «Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра». Автором были выделены две типологические группы напевов: «1) напевы лирических песен западных и части южных традиций в стилистике и типологии местных приуро-

⁷⁷ Записано в с. Подгорное Влс. в 1980 г. А.Н. Ивановым (Личный архив А. Н. Иванова)..

ченных обрядовых песен; 2) особо выделенным стилевым пластом внутри жанра традиционных собственно протяжных песен (с характерно жанровыми формами) в северных, части южных и других традициях»⁷⁸. Указывая ареал напевов первой типологической группы автор отмечает: «Распространение данного стилевого пласта на описанной территории имеет, по всей видимости, сплошной [*разрядка М. А. Енговатовой*] характер, за исключением некоторых, так называемых «али-лешных» традиций русско-украинского пограничья, где сезонная лирика отсутствует, а ее функцию берут на себя сезонно-приуроченные медленные хороводные напевы»⁷⁹. Верхнеоскольские сезонные лирические песни относятся к первой типологической группе и, по всей видимости, в южнорусских традициях имеют очаговый характер бытования.

Всего на исследуемой территории записано 67 сезонно приуроченных лирических песен. Причем 15 из них – в северном субареале, остальные 52 – в южном. Столь мощные количественные различия могут быть отчасти объяснены особенностями собирательской работы. Изначально в села Чернянского, Новооскольского и Корочанского районов совершались редкие экспедиционные выезды, возможно, из-за большого количества украинских поселенцев, проживающих на этих территориях. К тому же здесь практически не было отмечено аутентичных ансамблей, мастерски владеющих традиционной манерой пения. Ко времени же интенсивной экспедиционной деятельности местная песенная традиция предстала перед собирателями в уже сильно разрушенном состоянии. С другой стороны, редкие архивные записи, сделанные в самом «песенном» селе северного субареала» в 1975 г.⁸⁰ демонстрируют всего две весенних лирических песни: «То-то тошно» и «Вы не дуйте, ветры буйные». Таким образом, логично предположить, что в северной части исследуемой территории лирические приуроченные песни изначально имели точечную фиксацию.

⁷⁸Енговатова М. А. Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра: Дисс. ... канд. искусствовед. М., 1988. С. 93.

⁷⁹ Там же. С. 93.

⁸⁰ с. Тростенец Нвс. (Архив РАМ им. Гнесиных оп.: 1685, 1686, 1825-1826).

Организация корпуса сезонных лирических песен в каждом из субареалов имеет ряд существенных различий. В северном субареале не зафиксировано политекстовых напевов и отмечены единые сроки их исполнения – ранняя весна (с четверга масленичной недели и на протяжении Великого поста). Характерно, что исполнители называют сезонные лирические песни *тяглыми*, аналогично неприуроченным лирическим песням.

В южном субареале наоборот отмечено множество политекстовых напевов и различные формы приуроченности, к тому же в диалектных определениях жанра – *весновые, летние, осенние* – проявляется связь с календарной традицией. Песни здесь могут быть закреплены как за каким-либо сезоном или праздником, так и видами крестьянского труда. Среди сезонов с особой плотностью озвучивается поздняя весна и реже – осень; характерна и праздничная приуроченность к Благовещенью, *Паске*, Троице. Исполнение сезонных песен может быть связано и с определенными видами сельскохозяйственных работ: *когда полят, когда косят, когда подсолнухи рубят, когда бураки убирают, когда конопи трут*. Зачастую одна и та же песня может быть приурочена как к календарному сезону, так и к трудовым работам этого периода. Причём поводом для закрепления служит, как правило, поэтический текст. Например, песня «Во лугах Ваня травушку косил» может быть: *весенней* (с. Селиваново, Влс.), *летней, когда косят* (с. Шушпаново, Влс.), *покосная на петровку* (с. Безгодовка, Влс.); или, песни «Заря моя, зорюшка/ Заря веерная» (с. Шушпаново, Влс.) и «Темная осенняя ночушка» (с. Селиваново, с. Тимоново, Влс.) исполнялись соответственно осенью, *когда конопи терли*.

В целом, закрепление песни через ассоциативную связь поэтического текста и календарного периода или трудовой деятельности – характерная черта сезонной лирики. Этот факт подробно описан И. Федоренко на материале западнорусских территорий: «Если в календарных песнях “знаком” того или иного календарного времени является напев, обладающий большой функциональной емкостью, то за-

крепление лирической песни за определенным сезоном исходит чаще всего из ассоциаций, вызываемых её поэтическим содержанием»⁸¹.

Исполнительские особенности верхнеоскольских сезонно приуроченных лирических песен отсылают слушателя к традициям архаичного восточнославянского календарно-обрядового пения, что проявляется в ряде признаков: женский ансамблевый состав, напряженное звучание (связанное с исполнением на открытом пространстве), наличие долгого финалиса с характерным *иханьем*, напоминающим полесские *гукания*. Важно отметить, что аналогов календарно-обрядового пения в местной традиции не зафиксировано (за исключением колядок и щедровок, близких к речитативному пению).

Сезонные лирические песни записаны практически в каждой локальной традиции юга России. В целом, для этого пласта напевов характерен единый набор музыкально-стилевых признаков: женский состав исполнителей, напряженное звучание, гетерофонная фактура в совместном пении, узкообъемный амбитус, наличие политекстовых напевов, иногда закрепление напева за определённой функцией. Большинство из перечисленных признаков З. Эвальд считала характерными для исторически наиболее раннего слоя напевов⁸².

Локальные различия сезонных песен связаны, прежде всего, с особенностями звуковысотной организации и системными свойствами той или иной традиции, а также с формами приуроченности напевов. Например, в песенной традиции бассейна реки Псел сезонные лирические песни имеют ранневесеннюю приуроченность и характеризуются лаконичностью интонаций, простотой композиционного изложения. Особый статус сезонных песен подчеркивается звуковысотной организацией - значительная часть из них базируется на целотонной звуковой шкале, типичной для местных свадебных, *таночных* и карагодных песен и знаковой для традиции в целом.

В традиции воронежско-белгородского пограничья рассматриваемый пласт напевов оформляет как ранневесенний, так и троицкий периоды. Определяя

⁸¹ Федоренко И.В. Сезонно приуроченные лирические песни западных русских территорий // Фольклорный текст: функция и структура. Сб.тр. М., 1992. Вып. 121. С. 77.

⁸² Эвальд З. В. Заметки о песенных стилях Белорусского Полесья/ Песни Белорусского Полесья. М., 1979. С. 33.

функцию местных сезонно приуроченных песен Г.Я. Сысоева отмечала: «Протяжная песня выполняет функцию замещения календарных песен. Напев берет на себя ритуально-магическую роль и озвучивает ранневесенний (постовой) и поздневесенний календарные сезоны»⁸³.

В традиционной культуре верхнего Приосколья корпус сезонных лирических песен демонстрирует субареальное членение. Причем напевы северного субареала проявляют типологическое родство с аналогичными музыкальными текстами локальной традиции воронежско-белгородского пограничья⁸⁴. А вот напевы южного субареала, наоборот, заключают в себе специфические свойства, обладая очаговым характером бытования. К тому же они демонстрируют воздействие звуковысотного пространства свадебных песен, что позволило обозначить доминирующую позицию последних в местной жанровой системе.

Лирические неприуроченные песни местными исполнителями определяются как *старинные тяглые* (в северном субареале) или *тяглые, протяжные* (в южном). В репертуарном списке каждого ансамбля они немногочисленны (как правило, от одной до пяти, шести в каждом из населенных пунктов). Сюжеты протяжных песен отличаются локальным закреплением: «Срубили мы елушку» (с. Безгодовка Влс.), «Гуля, гуленка моя» (с. Безгодовка, с. Насоново Влс.), «Соловей, соловушек» (с. Шелаево Влс.), «По-за садом, садом» (с. Фощеватово Влк.), «Горы мои, горы», «Болит больно головушка» (Васильдол Нвс.), «Где ж они были, что по ярам ходили» (с. Верхнее Кузькино Чрн.) и др. В результате оказывается невозможным охарактеризовать верхнеоскольскую традицию через набор типовых сюжетов, как например, это возможно в традиции воронежско-белгородского пограничья.

В верхнеоскольской песенной традиции пласт лирических протяжных песен представлен в основном малораспевными формами. Согласно типологии, предложенной М.А. Енговатовой, местные протяжные песни примыкают к классу широкообъемных многоячейковых напевов четвертой типологической группы, к

⁸³ Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж. 2011. С. 123.

⁸⁴ там же. С. 123-126.

которой автор относит «напевы части южных и западных традиций в стиле пения с подводкой, в формах общих для всех восточных славян»⁸⁵.

Рисунок 6.

♩ = 62

1. Ба-лит боль-на га-ло - ву - ш(и)-ка да за - ба - ле - ла боль - на

сер - де - чув - ка ма - и - го друж - ка, э, я,

ой(и), да па су - да - ру - шки ши да сва - ей.

Наиболее сложные формы распева протяжных песен записаны в селах южного субареала (Шелаево Влс., Фощеватово Влк.)⁸⁶. Этот факт объясняется высоким исполнительским мастерством местных ансамблей, а также непосредственной близостью сел к локальной традиции воронежско-белгородского пограничья, маркером которой являются протяжные песни.

Лирические песни позднеэтнографической музыкальной стилистики к настоящему времени получили наиболее широкое распространение, так как их с удовольствием исполняют местные молодежные коллективы. Популярность таких песен в молодежной и уже зрелой части сельского населения объясняется как теле- и радиопропагандой послевоенного времени, так и более легкой, доступной структурной организацией напевов. Сами исполнители отмечают, что в таких песнях *«все напрямки идет, а в старинных надо колена уметь делать»*. К излюбленным сюжетам верхнеоскольской лирики относятся: «Скакал казак через доли-

⁸⁵ Енговатова М. А. Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра: Дисс. ... канд. искусствовед. М., 1988. С. 63.

⁸⁶ См. песни: «Соловей, соловушка» села Шелаево, Влс. [Народное музыкальное творчество: Хрестоматия / Отв. ред. О. А. Пашина. Спб., 2007. № 120]; «Груша ты моя» села Фощеватово, Влк. [Щуров В. М. Песельники из села Фощеватова. М., 1989. С. 52].

ну», «Последний нонешний денечек», «Потеряла я колечко», «Сидела Катюша поздно вечером одна» и др.

Анализ лирических неприуроченных песен свидетельствует об их периферийном положении в местной музыкальной системе. Сопоставление функционирования лирических сезонных узкообъемных и лирических неприуроченных широкообъемных песен указывает на различное состояние местной песенной системы в разные исторические периоды.

Сходную позицию занимают и остальные неприуроченные музыкальные жанры. Например, духовные стихи в большинстве своем были записаны от местных «певчих», обслуживающих похоронный обряд в своем и близлежащих селах. Как правило, все они пользуются тетрадями с рукописными текстами. Музыкальная стилистика таких стихов имеет явное сходство с церковными песнопениями мелодико-гармонического склада в своей основе.

Исключение составляют постовые духовные стихи, записанные в селе Фоцеватово (Влс.) «На Ердане», «Кряжую», «Там стояла хаточка». Звуковысотная организация этих песен вписывается в цикл местных сезонных песен с ангеимтонной ладовой основой.

Предварительный анализ музыкальных жанров, сложившихся в песенной традиции верхнего Приосколья, позволяет установить доминантное положение свадебных песен. Типологические связи хороводных и свадебных песен проявляются, прежде всего, на уровне ритмической организации – большинство свадебных напевов реализуются в цезурированных формах с «алилешным» рефреном (KE = ab/R, ab/rb). Стремление к симметричности композиции, наличие пар периодичностей музыкально-ритмических структур, припевных слов – типичные признаки русских хороводных песен⁸⁷ – в равной степени характеризуют как собственно хороводные, так и значительную часть свадебных верхнеоскольских песен.

---

⁸⁷ Владыкина-Бачинская Н.М. Музыкальный стиль русских хороводных песен. М., 1976.

Свадебные песни обнаруживают ряд типологических параллелей и с сезонной лирикой, что проявляется, прежде всего, в использовании общих мелодико-ладовых моделей, а также в обилии величальных текстов, озвучивающих весенний период.

Данные таблицы 1 наглядно демонстрируют взаимосвязь компонентов музыкальных жанров, имеющих свадебную и сезонную приуроченность.

Таблица 1

Межжанровые связи в песенной традиции верхнего Приосколья

жанр типовые признаки	свадебные	сезонные лирические и молодежные величальные припевания	хороводн. сезонно приуроченные	хороводные неприуроченные	лирические неприуроченные
Манера исполнения	напряженно	напряженно	напряженно	спокойно	спокойно
Диапазон	узкий (не более квинты)	узкий (не более квинты)	узкий (не более квинты)	узкий (не более квинты)	широкий (не менее октавы)
Состав исполнителей	женский	женский	женский	смешанный	смешанный
Локус	улица / дом жениха или невесты	улица (горка, луг, сад)	улица (горка, луг, сад)	улица	любой
Форма распевания стиха	строгосл., нестрогосл.	строгосл., нестрогосл.	строгосл.	строгосл.	нестрогосл.
Соотношение длительности финалиса и ритмического периода	обычное (в два раза длиннее моры) или редуцированное (финалис равен одной море)	обычное (в два раза длиннее моры) или аугментированное (финалис равен $\frac{1}{4}$ напева)	обычное (в два раза длиннее моры) или аугментированное (финалис равен $\frac{1}{4}$ напева)	обычное (в два раза длиннее моры)	обычное (в 2-4 раза длиннее моры)
Вынос финалиса на октаву или малую септиму вверх	есть (южный субареал)	есть	есть	нет	нет

1.3. Этнографический контекст местной песенной традиции

1.3.1. Календарно-обрядовый цикл

Обряды и праздники календарного круга являются древнейшими в традиционной культуре восточных славян. Наилучшим образом они сохранились на территориях коренных восточнославянских поселений. Исследователями этих традиций зафиксирован полный годовой цикл праздников и ритуалов. Этномузыковед О.А. Пашина считает, что «... инвариантная модель календарного цикла .... включает в себя шесть сезонов, а также периоды транзита между ними, оформленные ритуальными комплексами переходного типа»⁸⁸. Ключевые обрядовые комплексы, как отмечает ученый, приурочены к святочному, масленичному, пасхальному, троицко-купальскому и жатвенному периодам, а также известному у белорусов осеннему ритуалу *осенних дзядоу*.

На южнорусской территории, музыкальный ландшафт которой составляют преимущественно вторичные, переселенческие традиции [термин Е.Дороховой, М. Енговатовой], отмечен иной облик календарно-обрядового круга. Современные исследования указывают на его фрагментарность. Основные обрядовые действия приурочены к святочному, великопостному и троицкому периодам, т.е. иницируют новолетие и кульминацию годового цикла⁸⁹. Цикл календарных праздников и ритуалов в верхнеоскольской традиции соответствует южнорусской традиции. Главные действия сосредоточены вокруг святочного и троицкого обрядовых комплексов. Ранневесенняя синтагма выражена точно, отдельными ритуальными практиками, а в отношении жатвенного цикла сохранились лишь упоминания о завязывании последнего пучка колосьев.

Обрядовые практики **святочного периода**, отмечаемые в верхнеоскольской традиции включают в себя почти полный комплекс, характерный для восточных славян:

- запреты на хозяйственные работы;
- приготовление ритуальной еды (кутьи);

⁸⁸ Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998. С.14.

⁸⁹ См.: Дорохова Е.А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб., 2013; Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011; Карачаров И.Н. Песенная традиция бассейна р. Псел. Белгород, 2004.

- вечерние и утренние обходы дворов;
- собрания и бесчинства молодежи;
- гадания девушек;
- возжигание костров;
- проведение кулачных боев;
- очистительные крещенские практики.

Из перечисленных компонентов в местной традиции лишь обходы дворов колядовщиками сопровождались обрядовыми напевами и приговорами.

Вечерние обходы в верхнеоскольской традиции приурочены к кануну Рождества и Васильеву вечеру (13.01). Повсеместно обходы совершались молодежными группами, реже – детьми. Молодежь обязательно рядилась – выворачивали шубы наизнанку, одевались *как цыгане* (с. Хмелевец Валуйский район), дети не рядились. Под Рождество ходили колядовать, а в некоторых селах северного субареала (Макешкино, Солонец-Поляна Новооскольского района) – *свят вечер кликать* (исполняли песни с припевом «*Святый вечер!*»). Под Новый год (13 января) молодежь также ходила по домам, но с исполнением *щедровок*. В южной части традиции вечер накануне Рождества назывался *Колидой*. Ряженые подходили к дому, вставали под окном и начинали *кликать Колиду*, или в других вариантах – *кричать*. После песнопений хозяева одаривали колядовщиков: семечками, сухеными грушами, пирожками. Если хозяева отказывали, то ряженые *чудили* – «*валенки на улицу выкинут, ведро перевернут, веник кинут за забор*»⁹⁰.

Утренние обходы дворов совершались мужчинами или мальчиками. Редкими сведениями отмечен обычай исполнять христославные песнопения, в том числе тропарь «Рождество твое, Христе Боже наш»⁹¹. Зато повсеместно отмечены новогодние обходы дворов с исполнением посевальных припевок. Посевальщики приходили рано утром – «*ходили зарею*»⁹². Мужчины (мальчики) заходили в дом и сыпали в святой угол зерно (типовые зачины: «*Дева Мария / По полю ходила...*», «*Ходя Илья на Василья*», «*Сею, вею посеваю / С Новым годом поздравляю*»): «*Ходили ребята. Кидают зёрна в Святой угол, а сами причитывают:*

*Сею, посеваю
Рожь, п(а)шаницу.
Уроди, Господи,*

⁹⁰ Сообщила Терехова Наталья Васильевна, 1919 г.р., с. Макешкино, Нвс. (Архив ВГИИ № 607/13).

⁹¹ Сёла Шелаево и Хмелевец Влс.

⁹² Сообщила Рязанова Мария Семёновна, 1923 г.р., с. Тимоново, Влс. (Архив ВГИИ №. 721/8)

На кажную папашну.
На каждом месте -
Копён по двести»⁹³.

Первого мальчика, зашедшего в дом, сажали на порог и заставляли посеять оттуда. В с. Ватутино (Влск.) первого посеващика сажали на порог и давали яйца – чтобы куры велись⁹⁴.

К вечерним обходам дворов относится и местный обычай **ходить с кутьей**. В селе Русская Халань накануне Рождества *носили вечеру* [кутью]: *«Прямо всем накладываешь миску, там разукрашиваешь вишнями, там горошку, изюму... И вот ты покушал ложку – одариваешь этих, даешь што у вас есть»⁹⁵*. Подобные действия широко распространены в русских селах западной части Белгородчины, но с иным назначением. Там дети приносили кутью в дом своих крестных родителей, а те в свою очередь одаривали их.

Гадания девушек. В местной традиции не зафиксировано музыкальных форм гаданий, зато отмечено множество иных способов: кидали валенок за ворота (по носку определяли, откуда будет жених); ставили перед петухом воду, соль, хлеб и зеркало: *«если воду пьёт, то муж будет пьяница, если хлеб, то хороший хозяин, если глядит в зеркало, то бабник»⁹⁶*; набирали в рот воды, молча бежали на дорогу и смотрели - кто будет идти, как его будут звать по имени (такой муж и будет); или набирали в рот кутью и выходили на улицу слушать (что услышали, такая и жизнь их ожидала); девушки *«перевязывали овец»*: *«Пашли мы у закуту. Ты сабе падвязку взяла, я – сабе. Ну и начали авец лавить – хто какую паймае и перивязываем... А тады ш на утро будем глядеть – хто какую перивизал... А дедушка устал мой с печки и пашел проведывать, ани ж как Рождество, овцы ко-тются. А тады мода была – авечка если акатилася, тады приводят ее у хату... и несе ягненачка и авца за ним иде. А девки усе: «А! Хто ж эту авцу перивизал?»». А была Нюшка подружка. «Ах, Нюшка!» -ну, значить ана у девках радить... За шею перивязывали»⁹⁷.*

Вечорки. По вечерам молодежь собиралась в хатах, которые вскладчину откупали за керосин, муку, хлеб. На молодежных посиделках устраивали игры, тан-

⁹³ Сообщила Лаврова Раиса Ивановна, 1919 г.р., с. Солонец-Поляна Нвс. (Архив ВГИИ № 607/5).

⁹⁴ Сообщила Балашова Мария Федоровна, 1923 г.р., с. Ватутино Влс. (Архив ВГИИ № 664/23).

⁹⁵ Сообщила Сбитнева Дарья Сафроновна, 1913 г.р., с. Русская Халань Чрн. (Архив Белгородского государственного центра народного творчества (далее БГЦНТ)).

⁹⁶ Сообщила Семенихина Татьяна Александровна, 1936 г.р., с. Безгодовка Влс. (Архив ВГИИ № 738/34).

⁹⁷ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 608/16).

цы. Специальных святочных игр на территории верхнего Приосколья не было записано. В селах южного субареала на вечерках обязательно *величались*: «Парень заказывал девчатам, например: “Девчата, повеличайте меня с Татьяной”. Девки подбирали ему песню, если хороший, не жадный, то повеселей, если плохой, то – грустную: “Калинушка нахилилась”, “Виноград под горою”, “Ой, у месяца золотые роги”, “По блюдничку, блюдничку”. После величальной песни шутили: “Выводи свою девушку на круг, может она хромая, пусть пройдетя”. Парень выводил свою девушку, а девчатам в кружку клал пятак или трешку»⁹⁸. Приводимый сценарий молодежных величаний типичен для молодежных собраний южной части традиции.

Возжигание костров. Повсеместно на исследуемой территории существовал обычай на Рождество жечь во дворе или перед домом костер из *пурины* [соломы] с одинаковым назначением – *родителям ноги греть*: «Из дома выносишь вязанку саломы – и пурину жгешь. Серёд улицы кладем, из двара выносит кажный и жгем....»⁹⁹. Подобный обычай известен и за пределами верхнего Приосколья. Д.К. Зеленин отмечал этот обычай у южнорусских и украинцев¹⁰⁰, С.В. Максимов – в Тамбовской и Орловской губерниях¹⁰¹. В рамках южнорусской песенной традиции важно отметить локальные различия, проявившиеся в названиях производимых действий. В традиции воронежско-белгородского пограничья возжигание костров на Рождество производилось с назначениями: «к новой жизни», «хворь выгоняли», «чтобы ягнята родились»¹⁰².

По вечерам на протяжении святок устраивали **кулачные бои**: «... мужики на кулачках билися. Усе Святки – вот Рождество, Новый Год и Крещение. Вот та сторона и эта сторона – как начнуть! И так бьюца, што невынасима. И где попаде – не бижайси. Скандала не было»¹⁰³. Женщины в это время собирались в *карагоде* и играли песни. На южнорусской территории традиция кулачных боев пользуется особой популярностью. Их могли устраивать также на Масленицу и Троицу. Исследователи видят в этом обычае отголоски поминальной обрядности¹⁰⁴.

⁹⁸ Традиционная культура Белгородского края. Вып. 1. Борисовский, Вейделевский, Волоконовский районы. Белгород, 2006. С. 104.

⁹⁹ Сообщила Лаврова Раиса Ивановна, 1919 г.р., с. Село Солонец-Поляна Нвс. (Архив ВГИИ № 607/6).

¹⁰⁰ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 401.

¹⁰¹ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 218.

¹⁰² Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011. С. 32.

¹⁰³ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 608/18).

¹⁰⁴ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 378.

Очистительные крещенские практики. После вечерней службы накануне Крещения несли зажженные свечи домой и этим огнем выжигали на матице крест¹⁰⁵. На внутренней стороне двери мелом рисовали круг с точками внутри – *чтобы писклята [цыплята] водились*.

Во всех исследуемых селах делали *Ердань* - освящали воду в колодце: *«...Нужно утреню отстоять и начинается обедня. Потом батюшка берет крест и еще до этого старики определяют, какой колодец будет светить. Яму прочищают дорогу, колодец кругом очищают. Батюшка без головного убора, крест кладе на голову, свечи горят на кресту, и до самого колодца идя. Все за ним идут. Осветили воду. Голубков приносили. Выпускали голубков. Начинают набирать воду. А молодежь катается на наряженных тройках, играют. А с водой идти домой»¹⁰⁶*. Водой, принесенной из *Ердани*, окропляли дом, скотину.

В селе Васильдол Новооскольского района записан интересный обычай «освящения скота»¹⁰⁷: *«Приходят дамой. Выварачивая хозяйка шубу наизнанку, биреть блюда вады, биреть свечку и, раньша называлася, пярвышка. Как хлебушка сажаеть – вот на святках пякуть, рожественнаи святки – и как хлебушка пякешь, абизательна перваю вот такую во сажали, маленькую – эта пярвышка. А на Крещенье те-та пярвышачки крашили на кусочки и специальна берягли, чёб не молочинай корм был. И этот корм усякай – пианица, жита ета, ячень, гречкя – усё на светя – выходя хазяин на двор, вот так кругом усё раскладая. И этот хлебушка – пярвышку – на каждый снапочик насыпая, и выпуская всю скатину: и лошадь, и карова, и овцы, и парасята, и куры, и все. И вот это усё ани едя. А ани [хозяйева] идут с чашкаю и брызгають усю скатину. Делают из калосьев крапило и брызгають. Абайдуть три раза, богу памолятся. А к чаму, я и сама дося ня знаю. Вот мама идет, брызгая, а дедушка у перяди с тапаром. И вот тапаром этим он затылком аб землю стукае. И абайдуть ани кругом, и етат тапор чиряз всю скатину, вот так, брасая иго»¹⁰⁸*.

Очистительные крещенские практики замыкали сложную цепочку святочных обрядовых действий и подготавливали крестьянина к повседневному ведению хозяйства.

¹⁰⁵ Этот обычай в ряде сел бытует и в настоящее время.

¹⁰⁶ Сообщила Алехина Раиса Ивановна, 1938 г.р., с. Тростенец Нвс. (Архив БГИИК).

¹⁰⁷ Практически дословное описание этого обряда, но записанного в Орловской губернии, см.: Максимов С.В. Не-чистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 337-338.

¹⁰⁸ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 608/17).

Масленичный обрядовый комплекс носит амбивалентный характер, поскольку в нем заключены символические действия проводов зимы и встречи весны. В верхнеоскольской традиции массовые гуляния начинались с *широкого* четверга и сводились к выпечке блинов, *оряхов*, встречи и угощения зятёв, всевозможным катаниям (на лошадях по селу, на *ледянках*, *крыгах* с гор), возжиганию костров, проведению кулачных боев.

Если блины пекли для угощения домочадцев и гостей, то выпечка *оряхов* была связана главным образом с молодежными собраниями. По вечерам девки собирались в хате и пекли *орешики*: «Замесим, раскатаим, нарежим нажом... Были гребёнки – шо намыки чесали... и аб гребёнку – ани рябенькии становюца и какие красиваи»¹⁰⁹. К девушкам на *оряхи* приходили парни и устраивали величания, как и на святочных *вечорках*. В южной части традиции *оряхи* пекли и на свадьбу для угощения подруг невесты на девишнике. В способе изготовления *оряхов* с помощью гребёнки возможно заключены отголоски продуцирующей магии, направленной на стимуляцию роста льна и конопли. Эта идея находит продолжение и в материалах, используемых для возжигания костров: «... Всю няделю на Маслену шли жгать на гару. Тету салому, канани у каго сушились, намыки...»¹¹⁰.

Для местной традиции не характерно изготовление чучела Масленицы и его сожжение. Однако в селе Двухлучное Валуйского района записан обычай заключительного дня недели – *прощенное* воскресенье – *козла полить*: «Саломы накрутим, тряпак и на палку. Тады же лёд был на озере. И то-та мы бягим и крячим: “Казел-Маслена! Казел-Маслена!”. Тах-та мы праважали»¹¹¹. Подобные ритуальные практики отмечены в соседних украинских селах Валуйского Вейделевского районов. Например, в украинском селе Малакеево (Вдл.) это действие совершалось следующим образом: «Одного мужчину наряжали “козлом”. Разжигали на улице костер. “Козел” должен был перепрыгнуть через костер. Если ему не удавалось, тогда за ним толпой бегали мужчины. Затем вместе с “козлом” прыгали в

¹⁰⁹ Сообщила Неделяева Евлампия Никифорова, 1929 г.р., с. Двухлучное Влс. (Архив ВГИИ № 720/40).

¹¹⁰ Сообщила Сбитнева Дарья Сафроновна, 1913 г.р., с. Русская Халань Черн. (Архив БГЦНТ).

¹¹¹ Сообщила Неделяева Евлампия Никифорова, 1929 г.р., с. Двухлучное Влс. (Архив ВГИИ № 720/41).

огонь»¹¹². Т.А. Агапкина отмечает: «Традиция “вождения козла” на масленицу известна на Левобережной Украине (Воронежская, Харьковская губ.)¹¹³.

Масленичные песни в местной традиции не были записаны. Уместно отметить, что масленичные песни-припевки часто фиксируются в соседних украинских селах, но русскими они не были восприняты. В целом, масленичный обрядовый комплекс, отмеченный в верхнеоскольской традиции, наряду с общеславянскими обычаями обладает и рядом отличительных признаков, к которым относятся: обычай *козла полить*, а также отсутствие масленичных песен и обычая жечь чучело Масленицы (широко известного на южнорусской территории).

Весенний период в календарно-песенном цикле верхнего Приосколья, как и у восточных славян, занимает особое положение, так как в нём сконцентрировано наибольшее количество обрядов. В исследуемой традиции весна по представлению информантов начинается с Масленицы, когда начинали исполняться *весновы* или *тяглые* песни. А окончание приходится на Троицу или Петров день и связано, как правило, с обрядом «крещения и похорон кукушки».

Ранневесенний период в традиции верхнего Приосколья открывают ритуальные практики, приуроченные к празднику Сорока мучеников (22 марта). На *Сороки* выпекалось обрядовое печенье в форме птичек, которое называли *жаварошки*, *жаварнушки*. О том, что этот день является рубежным между зимним и весенним сезонами свидетельствует текст заклички, записанный в с. Осколище: «*Жаварнушки ш пякли, а тады падешь на саломку, кидаеть и приказываешь*»:

*Жаварнушачья ш,
Спасянушачья,
Паляти, паляти,
Красну вёсну приняси!
И с сахами, с баранами,
И с великами скирдами.
Чувик, чувивик,
Туда - зима, сюда – лето»¹¹⁴.*

¹¹² Традиционная культура Белгородского края. Вып. 1. Борисовский, Вейделевский, Волоконовский районы. Сб. научн. статей и фольклорных материалов из «Экспедиционных тетрадей» / Ред.-сост. В.А. Котеля. Белгород, 2006. С. 115.

¹¹³ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 589.

¹¹⁴ Сообщила Кобзева Мария Андреевна, 1920 г.р., с. Осколище Влк. (Архив ВГИИ № 759/1).

Действия, производимые с жаворонками сходны по всему ареалу: дети собирались на па[□]дарне и поедали печенье: «Пякуть и жаварну[□]шки. Саломы много навозюють, да посадимси у салому и ели у саломе. Тэта закон такой-та»¹¹⁵; «Убираимси – адеваю валенки, адеваю шубу. А раньша адоньи клали – па[□]дарня называлася. На землю не клали, а станавили пенья, на пенья палки, а тады уже клали снапы, а как зря не клали... Сабираимси девки, ребята, усе идём на падарню, на агарод – падарня на агароде. Па снягу пралезли туда, сели на падарню. Живаронки эти, яблаки зелёные – байдикки называлися, антонавки. Ну, становимси у ряд, садятся ребята, садятся девки, начинаим жаваронки ламать, начинаим кушать, начинаим песни петь... С самага абеда считай и да двенадцати ночи, а тады расходимся па дамам. Лет чатырнацать-тринацать. Вот так было[□]»¹¹⁶.

Наряду с поеданием жаворонков на соломе, существовал обычай их прятать – хоронить: «Жаваронки пякуть, а патам пад падарню харонюють... Жаваронки – эта Со[□]роки бывают. Раньше была падарня - корм складывали на палки. Узлезя на куст пасодя, у вышник. Ну, эта дети. Сабирутся на падарню – жаваронки эти едят, детвара»¹¹⁷; «Раньше было – харанили их в салому. Сабираются дети – схаронюють, а другие падсмотюють – заберуть, съедять... в сваих дварах. Нада ж схаранить эту жаваронку – на утро придуть – улетья. А где ктой-то ж детвара где падглядя, забяруть – значит улелет жаваронок. Кто кричит: «Мой улелет!»¹¹⁸.

Известно, что многие исследователи видели в прилётных птицах вестников с «того света»: «Фигурные хлебцы являются символами, соотносимыми не с птицей как таковой, а с мифопоэтическим концептом “возвращения предков”. Общекультурная прагматика этого символа состоит в том, чтобы обеспечить это возвращение, облегчить контакты живых и мёртвых, а также удовлетворить потребности последних в пище»¹¹⁹. Место (овин, па[□]дарня) и сроки пребывания (от Со[□]роков – до первого засева) жаворонков так же указывают на временное присутствие потусторонних сил среди людей. Как правило, обрядовое печенье хранили до

¹¹⁵ Сообщила Насонова Раиса Филипповна, 1928 г.р., с. Безгодковка Влс. (Архив ВГИИ № 738/22).

¹¹⁶ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 614/37).

¹¹⁷ Сообщила Сбитнева Анна Сафроновна, 1921 г.р., с. Русская Халань Чрн. (Архив ВГИИ № 469/23).

¹¹⁸ Сообщила Терехова Наталья Васильевна, 1919 г.р., с. Макешкино Нвс. (Архив ВГИИ № 607/18).

¹¹⁹ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 272.

первого сева: «*А тады ее, жаварнушечку ету, кладуть у шианицу, едут сеять и бяруть на □ пали*»¹²⁰.

Обрядовую выпечку ранневесеннего периода в верхнем Приосколье составляли также *похресники* (пекли на Сердокрестие) и *просwirки* (пекли на Благовещение). И если формы выпечки соотносились с названием христианского праздника, то производимые с ними действия имели ярко выраженный магический аграрный характер: «*Пякли крясты. Это называется Сердопостие. И вот пякли этот пахресник. А на Благовещенье пекли – просwirки называются, булачками пряма испеке □ шь... Атнясуть дяды. Амбар стаить, у в амбаре закрама.... И вот ани у жита закапают ету просwirачкю и пахресничек, усё ана ляжит там, у зёрнах. Падходя первый день, ну вясна, надо ехать сеять. Уставают дяды, умываются, лошадей кормють... Приходють у хату: “Давайте сядем абедать”. Сядуть, паедя □, принясуть те та пахреснички и те та пахреснички абязательна, если есть маленькие дети – года три там, чатыри – абязательна чёб он укусил этага пахресника... Сели, паели, богу помолилися, сели на лавку... Садятся на воз и паехали, и начинают в поле сеять*»¹²¹.

Обязательное съедание *похресника* или *просwirки* на поле перед началом сева, возможно соответствует ритуальной трапезе в начале жатвы¹²². «*Так ета брали мужики на □ пале как выежали сеять – хрест этот брали и прасwirку. Там ели, как сеяли*»¹²³. Сев начинал избранный член семьи – тот, кому доставалось печенье с монеткой: «*Пирог, как булачка, а сверху шишачка... И туда закладывают любую манету, а кто вытянет с деньгами, тот еде первый засевать на поле, ну хоть рукой там сеять буде. ...Едут с этим пахресникам в поле, чоб хлеб радил-ся... Едят, канешна...*»¹²⁴; «*Жаварну □ шки и пякуть, а патом ани эта, кладуть чи капейку, чи пять капеек, чи десять капеек. И каму ана пападе □ тся, тот буде итить засевать. [А если ребёнок?] – вазьмешь его, он жомку тады нихай засе-вая*»¹²⁵.

Пасхальный период в верхнеоскольской традиции в большей степени связан с очистительными практиками, которые открывали обряды, производимые на

¹²⁰ Сообщила Кобзева Мария Андреевна, 1920 г.р., с. Осколище Влк. (Архив ВГИИ № 759/1).

¹²¹ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 614/40).

¹²² См.: Лобкова Г.В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 40; Пашина О.А Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998. С.152.

¹²³ Сообщила Лаврова Анна Михайловна, 1920 г.р., с. Долгое Влс. (Архив ВГИИ № 620/16).

¹²⁴ Сообщила Насонова Раиса Филипповна, 1928 г.р., с. Безгодовка Влс. (Архив ВГИИ № 738/21).

¹²⁵ Сообщила Неделяева Евлампия Никифорона, 1929 г.р., с. Двучное Влс. (Архив ВГИИ № 720/43).

Вербное воскресенье. Повсеместно отмечен обычай освящать вербу в церкви и хлестать ею домочадцев, прохожих детей: *«Вот и идут женщины пажилыи с таго, с церкви, с этим, с вербачками, и вот бегаешь, а ана падайде и то-та: “Вербохлест! Вербохлест! Бей там Ваньку или Маньку, или Колькю да слёз”. И то-та шлётне раза три»*¹²⁶. Эта самая распространённая формула во время хлестания вербой, но встречаются и другие варианты:

*Верба - хлест, бьё до слёз,
Верба бье - не я бью.
За тых день, Великдень,
Вот недалёчко красно яичко*¹²⁷.

Веточкой освящённой вербы хлестали скот, когда впервые выгоняли его на пастбище. Магические свойства вербы раскрываются и в ритуальном отношении к ней – их не выбрасывали, а сажали в саду, хранили в святом углу или сжигали в печи. Считалось, что веточки вербы способствуют удачной выпечке пасхального кулича: *«Ходили в церковь, приносили вербачки. А вербачки тета принесеши, если хочется тебе посадить – возьмиши ее пасодиши. Как тяпло станя, пасодиши ее и ана сидит. А если не пасодиши – паску пякуть, а махры на на паски делают и из этой вербачки шпилечки настрыгивают свячёной... Испечется, а тады вытащут из пячи, ету шпилечку выдернуть, а тады у печки ее сажгут. Кидать никуды ни кидали, а у печки»*¹²⁸.

Ритуальные практики Чистого Четверга носят в основном очистительный характер. Повсеместно необходимо было искупаться до восхода солнца. Так же был распространён обычай резать поросёнка, которого готовили к пасхальному столу.

Празднование пасхальной недели, как и самого праздника Христова Воскресения отмечено в большей степени церковными традициями – освящением пасхальных куличей – *пасок* и крашенных яиц.

Практически во всех сёлах принято ходить на кладбище и катать яйца на могилках. На второй день устраивались молодёжные гуляния. Основным развлечением молодёжи в эти дни являлось качание на качелях – *релях*, вокруг которых водили карагоды, пели песни. Расплачивались за катание яйцами. Специальных *рельных* песен в верхнем Приосколье не записано.

¹²⁶ Сообщила Насонова Раиса Филипповна, 1928 г.р., с. Безгодковка Влс. (Архив ВГИИ № 738/41).

¹²⁷ Сообщила Терехова Наталья Васильевна, 1919 г.р., с. Макешкино, Нвс. (Архив ВГИИ № 607/32)

¹²⁸ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол, Нвс. (Архив ВГИИ № 614/41).

Единичными образцами представлены репортажи, в которых пасхальный период соответствует циклу проводных обрядов: «*Раньше, гаварят, што на Паску приходят все роственники дамой, умершие, а на этот на мирской Великдень [Жен мироносиц – авт.] ани уходят. Пагастили целую неделю, вот и уходят*»¹²⁹.

Обрядовые практики ранневесеннего периода, описанные выше, получили широкое распространение как на юге России, так и на территории восточнославянских поселений. Наиболее ярко локальные особенности верхнеоскольской традиции отражают обряды и представления, связанные с поздней весной.

Весенне-летнее пограничье. Обряд «Крещения и похорон кукушки» выполняет функцию доминанты весенне-летнего пограничья на территории верхнего Приосколья (см. карту-схему 3 «Ареал обряда “крещения и похорон кукушки” в бассейне реки Оскол»). Начало этого обряда приурочено к *Звесенью* (Вознесению), а окончание к Троице, реже – Петрову дню. В некоторых селах (преимущественно северного субареала) все действия совершались в один день – Вознесение (единичные варианты: Николин день (с. Богородское Нвс.), Петров день (с. Верхнее Кузькин Чрн.).

Модель обряда сводится к следующим действиям. На Вознесение девочки, девушки уединялись в доме, выбранном ими заранее, и делали там обрядовое чучело, называемое *кукушкой*. Затем они шли в лес/сад, устанавливали *кукушку* на ветку дерева и кумились друг с другом под этой веткой: менялись платками/платьями, целовались. Во время кумления исполняли песни (как правило, свадебные). После кумления девушки устраивали трапезу: жарили яичницу. Обряд производился двумя способами: либо девушки кумились тайно от юношей, либо юноши и девушки кумились вместе с ними. Затем *кукушку* хоронили – оставляли на дереве или закапывали, делая для неё гробик, а на Троицу выкапывали и разбирали или топили в реке/колодце. После вырывания *кукушки* производилось и раскумливание девушек. Все действие оканчивалось совместной трапезой.

Чучело кукушки. На территории верхнего Приосколья зафиксировано два варианта чучела: 1) тряпичная кукла (или тряпичная кукла, посаженная на ветку дерева (см. фото 1); 2) травяная кукла (из листьев клена или сплетенная из куги на манер девичьей косы) (см. фото 2а-в).

¹²⁹ Сообщила Терехова Наталья Васильевна, 1919 г.р., с. Макешкино, Нвс. (Архив ВГИИ № 607/25).

Фото 1

Ритуальное чучело *кукушки*
с. Богородское Нвс.
Фото Н.С. Кузнецовой 2009 г.

Фото 1а

Ритуальное чучело *кукушки*,
с. Шелаево Влс.
Фото Н.С. Кузнецовой 2012 г.

Фото 1б

Ритуальное чучело *кукушки*
с. Макешкино Нвс.
Фото Н.С. Кузнецовой 2009 г.

Фото 1в

Ритуальное чучело *кукушки*
с. Тимоново Влс.
Фото Н.С. Кузнецовой 2012 г.

**Ареал обряда «крещения и похорон кукушки»
в бассейне реки Оскол**

Первый вариант получил широкое распространение по всей исследуемой территории, а также за ее пределами – в бассейне реки Ворскла и ее притоков (Белгородская область): *«Кажется чи уж на Пятров день собираются девки, делают ветку из ёлки... Тету ёлку наряжают разными теми – и зелёные ленты и красные и малинываи, усяками, усяками лентами тей-ту ветку наряжут и куклу какуй-то сделают... Нарядуют ее и косы сделают и павяжут ее и приспасабливают: сажают на тей-ту ветку, и бярут девки тей-ту ёлку и ходють на селу»*¹³⁰.

Травяная кукла-кукушка, сплетенная из листьев клена, соответствует главным образом территории южного субареала и не встречается на остальной части Белгородчины. Вариант чучела *кукушки*, сплетенной из куги, локализован в пределах административных границ Валуйского района, а наибольшая его концентрация соответствует зоне бывшей крепости Валуйка. Нередко кукушке, сплетенной из куги, плели аналогичным образом пару – *куковля, кукона*: *«Кукушка и кукон есь»* (Шелаево Влс), *«несли их в лес как жениха и невесту»* (Афоньевка Влк.). Этот обычай зафиксирован в тех селах, в которых кумовство производилось между мальчиками и девочками. Редкая форма *кукушки* для исследуемой традиции, а также для Белгородчины в целом, находит практически полное соответствие с *кукушкой*, зафиксированной в селах Жиздринского района Калужской области (архив РАМ им. Гнесиных).

Выбор растительного материала для изготовления чучела отличается меньшей вариативностью. Как на исследуемой территории, так и всей Белгородчине, в зоне бытования обряда предпочтение отдается клену. В большинстве случаев на кленовую ветку прикрепляли *кукушку* или делали само чучело из кленовых листьев. Важно отметить, что в некоторых селах верхнего Приосколья, а также во многих селах западной Белгородчины Троицкая неделя называется *клевальной*. Единичны упоминания информантов об особом статусе клена - отсутствии пары у не-

¹³⁰ Сообщила Потапова Мария Сидоровна, 1919 г.р., с. В. Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/16).

го, как и у самой кукушки: «Ана кукушацка беспарная – у ей пары нема, и кленощик адин – адин на свете расте»¹³¹.

В верхнеоскольской традиции наряд кукушки, независимо от ее формы, заключал в себе элементы девичьего свадебного костюма: «Сделаешь ей беленькию платьицу, хвату из бинту сделаешь, как нявесту наряжали»¹³²; «С клёна нарвем листики и то-то делаем кукушку. ...Какие шматочечки хорошие, бывало навьем эти шматочечки и нарядем ее. Хвату ей сделаем. Куколь тоже – рубашку сделаем и трусики и панесе □ м у лес. Невеста и жаних был»¹³³. Свадебные мотивы могут содержаться и в самом названии действия (см. ниже: *повивать кукушку*).

Название обряда «крещение и похороны кукушки» нами принято условно, так как существует несколько местных вариантов: *кстить кукушку* (Фощеватово Влк, Шелаево Влс.), *крестить кукушку* (Осколище Влс, Белый Колодезь Вдл. Долгое, Ватутино Влс), *хоронить кукушку* (Макешкино, Осколище Влк, Белый Колодезь Вдл, Тимоново, Солоти, Двучное, Колосково Влс), *повивали кукушку* (Р. Халань Чрн.), *молить кукушку* (Захарово, В.Кузькино Чрн.). В местных названиях обряда, вероятно, заключены его функциональная направленность и указание на доминирование конкретных компонентов. Важно отметить, что одно и то же название может соотноситься с различными действиями.

«**Крещение**» *кукушки* производилось всегда в первый день обряда – на Звезьяньё, после церковной службы. Это время характерно для всей исследуемой территории (в отличие от западного региона Белгородчины, в котором аналогичные обрядовые действия совершались вечером накануне Вознесения). Выражение *кстить кукушку* могло быть применимо к различным действиям. Например, в с. Шелаево (Влс) *кукушку*, сплетенную из куги, окунали в чашу с водой, а потом прикрепляли к ветке дерева, под которым и кумились. В с. Богородское (Нвс) делали тряпичную куклу-младенца, завернутого в пеленку, которого девушки сажали на свитые ветки березы и под ними кумились – целовались приговаривая:

¹³¹ с. Фощеватово Влс (Архив ВГИИ, видеозапись 2001 г.).

¹³² Сообщила Неделеяева Евлампия Никифорона, 1929 г.р., с. Двучное Влс (Архив ВГИИ № 720/38).

¹³³ Сообщила Терехова Аксенья Данильевна, 1916 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив ВГИИ № 608/34).

*Ты, кукушка рябая
Да кому ж ты кумая.
Покумись, породнись
Да со мной не бранись.*

В селе Белый Колодезь (Вдл) - периферийная зона традиции - самого чучела кукушки вообще не делали, но на дерево клали яишницу и трижды призывали кукушку: «Кукушка, кукушка, иди с нами яишню есть!», а потом под этим деревом устраивали трапезу¹³⁴. В большинстве случаев *крещением кукушки* называлось кумление девушек под самым чучелом кукушки, закрепленном на ветке или у ствола дерева.

Кумление – кульминационный момент обрядовых действий, производимых с кукушкой. Однако отметим сразу, что не во всех селах кумление являлось обязательным. В Чернянском районе зафиксирован куст сел, характеризующихся отсутствием этого действия. Именно в этих селах и сам обряд имеет нетипичные для традиции названия: *молить кукушку* (с. Захарово), *повивать кукушку* (с. Русская Халань, В. Кузькино).

В остальной части исследуемой территории по типу кумления выделяется два субареальных комплекса: 1) кумление на Вознесение; 2) кумление на Вознесение с последующим раскумливанием на Троицу. Первый комплекс характерен для небольшой группы сел Новооскольского района. На этой территории обрядовые действия с кукушкой укладывались в один день – Вознесение. Второй обрядовый комплекс соответствует южному субареалу исследуемой традиции и охватывает сроки от Вознесения до Троицы, реже до Петрова дня (12 июля).

Способы кумления могли быть самыми различными: целовали друг друга под кукушкой, кланялись в ноги во дворе дома, развешивали платки на граблях и выбирали через платок куму, обменивались платками через ветку или обменивались платьями (с возвратом при раскумливании на Троицу). Самым распространенным являлось кумовство девушек (реже парней с девушками) между собой и с кукушкой: «*Берём кукушку – парень и девушка, идем, выбираем хароший дуб*

¹³⁴ с. Белый Колодезь Вдл. (Архив Белгородского государственного музея народной культуры - далее Архив БГМНК), 2012 г.

там, живое дерево, у лес. И вот мы на за этим дубом ходим – мальчик и девочка. И вот примерно тебя звать Ваня и я скажу: «Куковей, куковей, мой Ваня кумовей», а он гаварит: «Кукушка, кукушка, моя Оля кумушка». И нака усе абайдем, скоко нас есть там, шесть человек. А если семь, то последняя гаварит: «Кукушка, кукушка, я твоя кумушка». И значит девачкя и мальчик бируть эту кукушку. Как прошел этот процесс, все прапели, прахадили, бируть кукушку и несуть у тёмный лес, иде-та у глубокай, чтоб никто не видал и не украли»¹³⁵.

Главные участники обряда - молодые девушки: *«Наша партия – падроски ишо не дюжа совершенныи»¹³⁶*. В с. Макешкино обряд проводили девочки 7-ми – 8-ми лет. Важную роль в обряде играли и ребята. В некоторых селах они кумились совместно с девушками. Но чаще они активно противостояли действиям девушек - подсматривали за ними, разоряли кукушку или просили за нее выкуп: *«Куколь и кукушка у нас сидить. Пабедаим и тады несе□м у лес и хароним. Ребята за нами бягутъ. Мы хароним, а ани то-то найдить и разарвать иго. А нам жалко же ету кукушецкю. Ну схароним мы ее и тады дамой и□дем»¹³⁷*; *«Кумилися – вот садимся рядом, у садку или где, или на поле. А тады платками меняем-си.... А кукушка с нами сидит на стале. А тады как кончим – тады пашли харанить. Ну, как падем куды схароним – в кусты схароним, пасодим. Схароня [одна] и всё. И вот ребята весь сад перяроют – ишишут кукушку эту. Мы схаранили, а патом на Троицу искали. Если ребята найдут – мы им бутылку, а если девчата найдут, то они нам канхвет»¹³⁸*.

Во время кумления могли исполняться свадебные песни, в текстах которых содержится обращение к кукушке:

*«Кукуй кукушка, да не в молкай,
Да немножко осталось тебе куковать.
От Егорьева дня, да Петра»¹³⁹*

Или:

«Кукушечка кукуя, волю вспоминая

¹³⁵ Сообщила Насонова Раиса Филипповна, 1928 г.р., с. Безгодовка Вал. (Архив ВГИИ № 738/13-18).

¹³⁶ Сообщила Бавыкина Раиса Ефимовна, 1915 г.р., с. Брянские Липяги Вдл. (Архив ВГИИ № 795).

¹³⁷ Сообщила Терехова Аксенья Данильевна, 1916 г.р., с. Макешкино Нвс. (Архив ВГИИ № 608/34).

¹³⁸ Сообщила Салькова Антонина Федоровна, 1928 г.р., с. Шумилино Влс. (Архив ВГИИ № 718/24).

¹³⁹ Сообщила Белозерова Анна Ивановна, 1922 г.р., с. Подгорное Влс. (Архив ВГИИ № 663/8).

Была у мене воля у батюшкином доме»¹⁴⁰

Причем, песня, исполняемая в обряде «крещения и похорон кукушки» в конкретном селе не имела свадебной приуроченности, но в соседнем могла быть известна как свадебная. Можно предположить, что исполнители заимствовали музыкальные тексты. Например, песню «Кукушечка кукует, волю вспоминает» старожилы села Хмелевец (Влс) исполняли на *кукушку*, а в соседнем селе Фоцеватово (Влк) эта песня известна как свадебная. Существовала и другая традиция приурочивания свадебных песен. Например, в селе Шелаево (Влс) во время кумления звучали свадебные величальные скорые песни с «алилешным» рефреном: «Не шелковая моя травушка шавелек», «Мальчик-кудрявчик», «Из-под камня, камня».

«Похороны» *кукушки* на исследуемой территории зафиксированы в двух значениях: прятать и закапывать. Первый способ получил наибольшее распространение: «*Беремся за руки, берем свою кукушку и идем хоронить: в кусты, в ветки... спрятали. Оглянулись – нету. Это все – тишина и тайна. И вот десять дней бегали – глядели на нее*¹⁴¹. После «хоронения-прятания» *кукушки*, производимого на Вознесение, как правило, осуществлялось и следующее действие – ее «разорение-уничтожение»: «*На Троицу приходили тем же коллективом, снимали ее, называется – разорали кукушку*¹⁴²; «*Разорять – значит как у нее гнезда нету*¹⁴³».

Другое понимание этого слова наиболее близко похоронной обрядности: «*Мы туды [в гроб] настелим, падушечку – ну как и сейчас харонють – падушачку сделаем маленькою и патом ее паложим, запечатаем и начинаем галасить на ей... У саду мы ж ее хароним и галосим:*

*Да ты ж от нас улетаешь,
Мы тебе больше не увидим.*

¹⁴⁰ Сообщила Гладких Дарья Филипповна, 1914 г.р., с. Хмелевец Влс. (Архив ВГИИ № 717/42).

¹⁴¹ Сообщила Чичеринова Галина Васильевна, 1954 г.р., с. Тимоново Влс. (Архив БГМНК).

¹⁴² Сообщила Шеховцова Надежда Романовна, 1941 г.р., с. Солоти Влс. (Архив БГМНК).

¹⁴³ Сообщила Чичеринова Галина Васильевна, 1954 г.р., с. Тимоново Влс. (Архив БГМНК).

Ну ана же (кукушка) да Троицы, а потом ана уже всё – улетаая... Каждый год новую делали и новый гробик...ещё и крестичек делали. Тады ее как положишь и вот у ноги становишь крестик, как обычная могила¹⁴⁴.

В группе сел Валуйского района зафиксирован обычай топить кукушку в реке или бросать ее в колодец. Например, в с. Колосково (Влс) девушки делали два вида кукушки. Тряпичную куклу закапывали на Вознесение, а на Троицу выкапывали и несли на реку, где и пускали по воде. В это же время приносили на реку кугу и каждая из девушек плела себе кукушку, а после пускала на воду. *«Эта ж на Вазнесенье харанили, а да Троицы хадили. Атходим эти палтары нядели, бярем эту кукушку, идем на речку и эту кугу несем. Там сидим – плетем кугу и тады ж те-та плетенки, ложим ее. Сами садимся на мост. Он мост низкай был, у Лавах. Пускаем ноги и сидим, ну и пускаем кукушку и читаем же: «Ну и пльви!». Ана пльве, а мы глядим, куда ана поплыла».*¹⁴⁵

Другой вариант потопления кукушки – спускание ее по хлебной лесенке с приговором: *«А радители нам пекли лесенку с хлеба, и вот идем все на мост, на речку и на этой лесенки спускали на ваду (кукушку) и пригаваривали: «Спаситель, лезь на небеса, патаци всё растение за валаса!». И вот кукушку спустя на воду и кукушка паплыла на ваде. А эту лесенку мы делим и ядим на масту и працаемся с кукушкой. Берягли да Пятрова дня лесенку эту»*¹⁴⁶.

Обряд «крещения и похорон кукушки», записанный в русских селах верхнего Приосколья, характеризуется множеством локальных версий, отличающихся между собой главным образом формой чучела кукушки и способами кумления. В контексте обрядовых действий с кукушкой на территории Белгородчины, верхнеоскольская традиция выделяется доминированием травяных кукол из клена и куги (в отличие от кукушек-рогатюль, зафиксированных в бассейнах рек Вышние и Нижние Пены, а также тряпичных кукол, посаженных на ветку дерева, в бассейне реки Ворсклы). К узколокальным явлениям относятся и варианты потопления кукушки, отмеченные в селах Валуйского района. При сопоставлении местных сведе-

¹⁴⁴ Сообщила Неделяева Евлампия Никифоровна, 1928 г.р., с. Двучное Влс. (Архив ВГИИ № 720/38.).

¹⁴⁵ Сообщила Толстова Евдокия Денисовна, 1932 г.р. с. Колосково Влс. (Архив БГНМК).

¹⁴⁶ Насонова Раиса Филипповна, 1928 г.р., с. Безгодковка Влс. (Архив ВГИИ № 738/13-15).

ний с материалами первых записей обряда «крещения и похорон кукушки», в Тульской, Калужской и Орловской губерниях, опубликованных в начале XX в. в работах Р.Е.Кедриной¹⁴⁷, Н.В. Харузиной¹⁴⁸, Е.Н. Елеонской¹⁴⁹, позже Т.А. Бернштам¹⁵⁰, отмечается общий набор обрядовых компонентов и производимых с ними действий. Однако местная традиция выделяется, прежде всего, доминированием свадебных мотивов.

Рассматривая мифологический аспект образа *кукушки*, ряд исследователей вслед за Д.К. Зелениным сходятся во мнении о связи *кукушки* с *заложными* покойниками¹⁵¹. Т.А. Агапкина соотносит сложный символ «кукушка» в первую очередь с календарным временем: «Можно предположить, что в семантическом поле этого символа проигрываются не столько отдельные мифопоэтические доминанты поздневесеннего периода (календарно детерминированные сезонные изменения в природе и поведении животных, социальная изоляция и обособление отдельных половозрастных групп), а скорее более общие смыслы, и денотатом этого символа является само календарное время, исчерпывающее свой сезонный предел¹⁵².

Троицкая неделя. Троица – один из важнейших праздников русской православной церкви и один из любимейших среди крестьян. Этот период как никакой другой в году изобилует массовыми гуляниями, яркими нарядами, молодёжными обрядами и песнями. В течение первых трёх дней *сямитской* недели девушки меняли свои наряды. *«В воскресенье начинается, во вторник заканчивается. Первый день – надевали атласные костюмы, второй день – шерстяные, третий день – сатиновые. Платок первый день атласный, второй день – шерстяной, третий – кашемировый (коричневый, одна каёмка вышита)»*¹⁵³. Жители всего села собира-

¹⁴⁷ Кедрина Р.Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение, 1912, № 1-2.

¹⁴⁸ Харузина Н.В. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1912. №1-2.

¹⁴⁹ Елеонская Е.Н. Сказка, заговор, колдовство на Руси. М., 1994.

¹⁵⁰ Бернштам Т.А. Обряд «крещение похороны кукушки» // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ [Вып.] XXXVII. Л., 1981.

¹⁵¹ См.: Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 285; Никитина А.В. Кукушка в славянском фольклоре. СПб., 2002. С. 162.

¹⁵² Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 645.

¹⁵³ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1919 г.р., с. Васильдол Нвс (Архив ВГИИ № 614/58).

лись на лугу или в центре и устраивали гуляния. Как и на Пасху в этот день устанавливали качели.

Празднование Троицы начиналось с утреннего богослужения. В с. Двухлучное (Влс) во время службы девушки в церкви плели венки, по которым затем гадали на свою судьбу. Вся церковь убиралась травами, зелёными ветками.

Обходы полей и дворов с иконами. После службы и духовенство, и крестьяне выносили иконы – *святасть* – и обходили с ними хлебные поля: *«В воскресенье на полях насили святасть – на палках флаги, ну а там же и нарисованы Иисус Христос и Матерь Божья. Ани ж и сейчас у церкви. Ну мы, девчонки, берём маленькие там иконки... И приносим у сваю дивевню, становим, а на колодцах были те, ну што поють скатину, карыты стаяли. Ну, у те карыты мы поставим иконки, идём паабедаим и батюшка и паабедаить, а патом апять приходят, святасть бируют, мы – иконки и идём на полях. Там пасеяна, вот рожь...А тада вазвращаемся, тут были такие клуни – такие бальшие сараи... туда ж за двигали зерно... на агародах. И мы туда и приходим и абет там. Тоже и люди сносятся – блинчики, акрошку и сметану. А святасть насили патаму – асвящали и паля, и если дождя нету насили святасти. Да и людей абливали, шоб дождь паишёл»*¹⁵⁴. В с. Хмелевец Валуйского р-на иконы святили у колодца и затем носили их по домам. Людей, носивших *святость* хозяева угощали.

Подобный обход дворов известен и в западных традициях и приходится там на Вознесение¹⁵⁵. К ритуальным практикам «хождения в жито» относятся и подбрасывания *лесенок* в житном поле с приговорами, совершаемые на Вознесение (см. выше). По мнению исследователей «... “хождение в жито” в мифопоэтическом смысле может быть прочитано как ритуальное повторение/моделирование некоего акта, совершаемого (или некогда совершенного) странствующим по земле

¹⁵⁴ Сообщила Кобзева Мария Андреевна, 1920 г.р., с. Осколище Влк. (Архив ВГИИ № 758/15).

¹⁵⁵ Смоленский музыкально-этнографический сборник / Отв. ред. О.А. Пашина. Т.1: Календарные обряды и песни. М., 2003. С. 186.

Богом или святым, покровительствующим урожаю и вместе с тем его провоцирующим»¹⁵⁶.

Троицкая зелень, холодки. Повсюду в верхнем Приосколье на Троицу дома украшали зеленью, особенно пахучими травами – любистком, мятой. *«Идём рвать траву, эти ветки ламаим и на то, на пол насыпаим. Ну, палоув у нас тада не было, земляной был. Ну и насыпаим же травую пол и на диванчике... и ветки везде затыкали и на варотах»*¹⁵⁷. По местному обычаю ветки деревьев называли - холодки: *«Семик и есть Троица – в васкресенье. Траву насили, халадки – ветки деревьев насили»*¹⁵⁸; *«Троица – праздник. Халадки становють, ну клещанья. Вырубяють деревья, становяють у хате и на кладбище становяють. Ну щёб халадки были пакойникам»*¹⁵⁹.

По окончанию троицкого периода всю зелень, разостланную по дому, убрали: *«Пол устилали травой в каждом доме. Патом эти травы – любист, мята, всё расставлялась на окнам... А патом три дня это всё проляжит в доме, ... всё эта сгребали и завязывали и паднимали куда-нибудь в укромное место – на паталок или куда, берягли. У каго эта трава сохранилась – рекомендовали умершим в гроб – это память о Троице»*¹⁶⁰.

Поверья о русалках в верхнеоскольской традиции распространены главным образом в тех селах, в которых отсутствует обряд «крещения и похорон кукушки». Практически все сведения указывают на связь русалок с водой: *«Нельзя купаться - пугают русалками. Говорят, что на Троицу всегда бывает утопленник»*¹⁶¹; *«Как Троица прайде, три дня и читверг. Абливальный читверг называится. Абливаются все на свете. Выходят на улицу и не работали в этот день. Тотто русалок праганяли. Девки, ребята, маладѣжь с вѣдрами, с кружками... Ани из калодезю воду бярут, ребята, аблили ее с ног да галавы, стаить как курица мокрая. А тады взяли, свалили, на пыли пакатали, а тады `шо водичкею палили. И не*

¹⁵⁶ Агапкина Т. А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000. С. 442.

¹⁵⁷ Сообщила Кобзева Мария Андреевна, 1920 г.р., с. Осколище Влк (Архив ВГИИ № 758/15).

¹⁵⁸ Сообщила Терехова Аксенья Данильевна, 1916 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив ВГИИ № 608/22)

¹⁵⁹ с. Фоцеватово Влк (Архив ВГИИ 896/15).

¹⁶⁰ с. Фоцеватово Влк (Архив ВГИИ № 898/16).

¹⁶¹ Сообщила Терехова Наталья Васильевна, 1919 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив ВГИИ № 607/22)

*бранилися и не ругалися»*¹⁶². Обычай обливаться водой на Троицкой неделе существовал и в других сёлах, но без упоминания о русалках: *«На третий день обливались водой - щоб щистое была тело и никакая нещисть не прилипала»*¹⁶³. К редким сведениям относится и репортаж из с. Васильдол, указывающий на архаичную связь русалок с рожью: *«Раньше старые люди казали – как рожь паспевае, ани на житю ходють»*¹⁶⁴.

Как мы видим, обрядовые действия Троицкой недели имели ярко выраженный общинный характер. По мнению исследователей это традиционная форма празднования Троицы для русского Юга, которая включала общинное гуляние с совместной трапезой за пределами обжитого пространства (поле, лес) и исполнение необрядовых песен, обычно сопровождающих сельские праздники»¹⁶⁵.

Обрядовые практики **жатвенного периода** сводятся к распространенным повсеместно упоминаниям оставлять последний пучок колосьев несжатым с комментарием – *Илье на бороду*. В этих действиях прослеживаются архаичные обрядовые формы почитания земли, поминовения родителей: «Если предположить, что в “бороде” будто бы сохранена плодородящая сила зерна, то исконный смысл обряда становится ясным. Завивание в венок эту силу сохраняет, а пригибание к земле или закапывание имеет цель возвращения земле тех сил, которые из земли ушли в зерно»¹⁶⁶.

В местных легендах Илья пророк предстает повелителем гроз: *«Вот примерно нынче дождь на хуторе пабыл, а на раня приходя он да госпада и говорит: “Так, господи, я там пабыл, палил”. А он яму тады кажа: “Так, Илья, теперя иди иде чёрно”. А он с глуху не разобрал иде чёрна и папёр иде был учёра. И там жа и апать палил. Илья, он глухой»*¹⁶⁷. Легенды об Илье-пророке, повелителе дождя и грозовых туч известны на широкой восточнославянской территории¹⁶⁸. Глухота

¹⁶² Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 614/47).

¹⁶³ х. Пыточный Влк. (Архив ВГИИ № 901/130)

¹⁶⁴ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 61/46).

¹⁶⁵ Дорохова Е.А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб., 2013. С. 98.

¹⁶⁶ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). СПб., 1995. С. 77.

¹⁶⁷ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 614 /61).

¹⁶⁸ «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004. С. 136-140.

Ильи связана с шумом, который воспроизводит его колесница. По мнению исследователей, образ Ильи унаследовал функции славянского бога грозы Перуна. Ученые В.В.Иванов и В.Н. Топоров, занимающиеся реконструкцией славянской мифологии, отмечали: «... особое мифологическое значение имела борода громовержца, что косвенно отразилось в русских фольклорных формулах, относящихся к “бороде Ильи”, образ которого заменил Перуна в эпоху двоеверия»¹⁶⁹.

В заключении отметим, что календарно-обрядовый цикл в традиции верхнего Приосколья представлен фрагментарно. Это явление в целом характерно и для других традиций юга России. Яркой локальной особенностью является обряд «крещения и похорон кукушки», приуроченный к Вознесению, не известный в соседних традициях. И хотя ареал этого обряда выходит далеко за рамки исследуемой территории, местные формы *кукушек* представляются легко узнаваемыми. Важно отметить и вкрапление элементов украинских традиций, которые проявились в местном обычае *полить козла* на Масленицу.

1.3.2. Свадебный обряд

Свадьба – один из сложнейших обрядовых комплексов, отмеченных в традиционной культуре восточных славян. Сложность ритуала обеспечивается параллельным развитием двух сюжетных линий: контактно-коммуникативной и инициационной (выделены Б.Б. Ефименковой), а также масштабностью разворачивающихся событий.

Матрица свадебной традиции верхнего Приосколья типична для южнорусской свадьбы¹⁷⁰ и шире – восточнославянской, охарактеризованной Б.Б. Ефименковой как «свадьба-веселье»¹⁷¹. Её основные этапы: сватовство, пропой, девешник, увоз невесты, повивание, свадебное застолье, дары, заключительные обряды. Облик верхнеоскольской свадьбы характеризуется единым сценари-

¹⁶⁹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 305.

¹⁷⁰ Сысоева Г.Я. Свадебный обряд // Славянский мир / Сост. Р.В. Андреева, В.В. Будаков, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2002.

¹⁷¹ Ефименкова Б.Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян // Музыка русской свадьбы (проблема регионального исследования): Тезисы докладов научно-практической конференции в г. Смоленске, 1987 г. М., 1987.

ем, общим песенным репертуаром, а также обилием украинских элементов в ключительных обрядовых действиях.

В местной традиции, как и на юге России, девушек отдавали замуж в довольно раннем возрасте: *«Ну, шешнандцать, да было и у пятнадцать, а больше не. И жаних же такой-та, маладой. А то ещё казала так маманька: «Надо отдавать, пока помидор ещё не перяспелый». Младших уперёд не отдавали, говорили: «Тавар не надо мять»¹⁷². Чаще всего свадьбы играли в мясоед: «Абычна играют свадьбу в мясоед – это самое длительное время, месяца два – январь, февраль»¹⁷³.*

Повсеместно свадебный обряд начинался со **сговора**. В дом к невесте приходили родственники жениха (чаще отец, мать) и узнавали (*запытывали* – с. Захарово, с. Васильдол Нвс.) у родителей невесты – можно им приходиться свататься или нет; в случае согласия сразу же обговаривали дату сватовства. Ходили, как правило, вечером. В с. Русская Халань (Чрн) на сговор отправляли женщину, умеющую *калымажничать* – разговаривать: *«Калмажка – ана дагаваривается с радителями, кагда свататься. Это называется сговор. Раньша такую бедовую находили, человека языкастого. Ана ходит, дагаваривается и спрашивает, кагда можна прихадить сватаца»¹⁷⁴. В с. Тростенец (Нвс) предварительное сватовство называли *запытыванием*: «Запытывание - это человека три там придут. Еще до сватовства. Чтoб уж точно знать. А сватовство тады уже ж и хрестных собирають»¹⁷⁵.*

Поскольку на **сговоре** уже договаривались о предварительном согласии на свадьбу, то **сватовство** превратилось в масштабное застолье. Несмотря на заранее известный результат, сваты всё равно сохраняли ритуальную форму поведения. Когда они заходили в дом, то останавливались у матицы, не переходя её и ожидая

¹⁷² Сообщила Потапова Анастасия Афанасьевна, 1919 г.р., с. Двучное Влс (Архив ВГИИ № 722/2).

¹⁷³ Сообщила Фатянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Сообщила Косова Мария Михайловна 1936 г.р., с. Тростенец Нвс (Архив БГИИК).

приглашения хозяев дома. Разговор велся иносказательно: *«У вас тёлочка прадажная есть? Мы пришли купить, нам тёлочка нужна...»*¹⁷⁶.

Сваты обязательно приносили с собой хлеб, который предназначался только родне невесты. Если родители соглашались на свадьбу, то хлеб оставляли дома, а если нет – возвращали сватам: *«Сваты приходят со своей едой и хлебом. Павечеряли, пагаварили, а хлеб с солью ляжит - а вдруг ана надумая атказаца, [тогда] ана атнесет этот хлеб назад. А тагда уже, если это все принято, ани полностью прапили и договариваются о свадьбе»*¹⁷⁷. *«А маму маю пасватали с васемнадцатым пирогом. Васемнадцать раз прихадили сватать адну. А то все не соглашались: «Аставтя пирог, мы надумаим»*¹⁷⁸. В случае согласия на сватовстве обговаривали и дату пропоя.

В южном субареале (селах Двучное, Шелаево, Рождествено Влс.) после богомолья краюшки хлеба жениха и невесты связывали платком со словами: *«Сваха, на хлеб-соль и Христову любовь, и принимай маю дочеря у свой дом»*¹⁷⁹. Этот хлеб обязательно на сватовстве и съедали. С этого момента родители невесты уже не могли отказаться от свадьбы: *«Пирог – эта мать жанихова принося. И жанихов пирог, и нявесты. Када хатя и не знает ана, нявеста, усё равно ж у их хлеб-та есь. Патом нарежут за краюшки, ну, солью пасолют, и свяжут туготуго платком и дают тады. Ну, вот то-то теперь связали»*¹⁸⁰. Возможно, краюшки хлеба, связанные на сватовстве, символизировали единение двух родов, а упоминание Христа в приговоре, произносимом свахой, возможно, воплощало божественной покровительство начатому процессу, необратимость которого подтверждалась тугим перевязыванием двух половинок пирога жениха и пирога невесты. Немаловажно и использование соли в этом ритуале. Как отмечают исследователи: *«Хлеб и соль используются вместе не только в ситуации застолья, но и*

¹⁷⁶ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. В.Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

¹⁷⁷ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

¹⁷⁸ Сообщила Потапова Анастасия Афанасьевна, 1919 г.р., с. Двучное Влс (Архив ВГИИ № 722/2).

¹⁷⁹ Сообщила Теплякова Клавдия Алексеевна, 1931 г.р., с. Шелаево Влс (Архив БГМНК).

¹⁸⁰ Сообщила Потапова Анастасия Афанасьевна, 1919 г.р., с. Двучное Влс (Архив ВГИИ № 722/2).

во множестве различных обрядов: хлеб несет пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний»¹⁸¹.

На *пропое* (с. Двудлчное, Шелаево, Колосково, Тимоново, Безгодовка), (*запитушки* в с. Васильдол, с. Тростенец, *пропитушки* в с. Солонец-Поляна, с. Машкино) обговаривали сроки свадьбы, объем приданого и т.д. Здесь же сводили жениха и невесту (отчего в с. Елецкое этот этап называли ещё и *сводушки*): «*Пасадил маладых за стол, дапрасили молодых: «Согласны?». Там наливают. Ну да поэтому у нас называюца запитушки. Ну, пропитушки. Пропили. А патом дагавариваюца – кагда свадьба. Сваты с сабой уже приносят закуски, выпивки»*¹⁸².

В с. Васильдол (Нвс) сообщила, что на *запитушках* собираются не только родственники, но и подруги невесты и друзья жениха: «*Становят жениха и невесту пасерёт хате. У их водка – нада. Сваты сидят за сталом, а у их водка на тарелке и закуска... Ани стаяли парачкею [молодые], а девки стаяли рядышкам. И вот как ана начиная там каму-та паднасить стакан, девки начинают играть «Былка мая, былка»....*

*Былка мая, былка, былка-чернабылка
Ва полю стаяла, ветру даждидала
Ветру-ветерочкю, драбнога дажочкю
Драбнога сильнога мароза лютога,
Снега глубокага.
Пьяница-прапойница вот Марьин батюшка
Прапил вот Марьюшку, прагулял Иванавну...¹⁸³*

Поэтому уже на сватовстве начинали звучать свадебные песни, главные из которых: «Былка моя, былка» (с. Васильдол, с. Тростенец с. Богородское Нвс), «Винная чарочка» (с. Васильдол Нвс), «Серая утушка `на купалася», «Обманка, обманщица вот Марья» (с. Солонец-Поляна Нвс).

На *пропитушках* невеста впервые должна была назвать свекра и свекровь отцом и матерью. Сваты приносили с собой пирог. «*Этот пирог должна палатать невеста. Ана далжна первamu дать: “На тебе, первому, папа” - назвать. “На тебе, мама” - если будет ана свекровь называть мамой. А потом уже будет*

¹⁸¹ Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. М., 1990. С. 143.

¹⁸² Сообщила Корнеева Мария Павловна, 1931 г.р., с. Солонец-Поляна Нвс. (Архив ВГИИ № 606/32).

¹⁸³ с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 612/3).

*абделивать всех»*¹⁸⁴. На пропое, действия, производимые с хлебом, воплощали уже иную функцию – приобщение невесты к роду жениха.

Через неделю-две после *запитушек* родственники невесты идут к жениху *двора глядеть* - смотрят скотину, а так же обмеряют двери и окна (считают, сколько невесте необходимо сшить рушников, занавесок и т.п.). *«После сватовства приглашали родственников невесты в дом жениха, говорили: “Двора гдядеть”.* *Окна мерили – сколько занавесов шить»*¹⁸⁵. Известно, что ранее смотреть двор жениха ходили до *пропоя*, так как родители невесты могли отказаться от свадьбы, если их что-либо не устраивало. Но с тех пор как семейные пары стали образовываться по личному выбору, этот этап обряда утратил свою актуальность.

После *пропоя* невеста освобождалась от домашних работ и начинала **готовить приданое**, для чего она звала своих подруг на помощь. Также невеста шила жениху свадебный костюм - вышивала рубаху, ткала пояс, шила портки. *«Собираются подружки в дом невесты и шьют, вышивают. Раньше в старину самое главное – рушники. У кого рушников много было - на стену вывешивали. Это считалась – богатая невеста»*¹⁸⁶.

В **четверг перед свадьбой** родственники невесты носили жениху свадебную рубаху. *«Последняя неделя перед свадьбой – четверг. Идут до жениха с рубахой. Значит, невестин род кто-нибудь – сестра старшая, брат с невесткой несут жениху. Если богатые – костюм покупают, рубашки там, наски, если обувь есть... В четверг жених собирает своих друзей-товарищей. Ани працаюца, значит, с холостяцкой жизнью – гуляют там, пируют... Адни парни»*¹⁸⁷. В южной части верхнего Приосколья таких родственников невесты называли *рубашиниками* (с. Шелаево Влс), Фощеватово Влк).

В субботу вечером невеста устраивала **дявишник** – собирала в своём доме подруг. Этот вечер могли называть и прощальным. Например, в с. Русская Ха-

¹⁸⁴ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс. (Архив БГИИК).

¹⁸⁵ Сообщила Евдокимова Матрёна Филипповна, 1928 г.р., с. Захарово Нвс. (Архив ВГИИ 469/17).

¹⁸⁶ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн. (Архив БГЦНТ).

¹⁸⁷ Там же.

лань: «... когда уже сабираются расходиться подружки – невеста галосит:

*Ой, девушки, подружки маи, как мне быть?
 Как мне быть, как мне жить,
 Как мне в чужую семью идти,
 Как мне чужую тётенку матушкой называть,
 Как мне чужого дядюшку батюшкой величать?*

Даводит да слез сваих падруг, все расходуются. То-та поплачут, это называется прощальный вечер с невестой»¹⁸⁸.

На девичнике девки расплетали невесте косу: «Когда девки меня провожали, выплели мне косу. Я заплетаю одну, и они мне вплетают ленты. Сколько подруг – столько и лент. Невеста сама покупает ленты на память им. Когда я заплету косу, каждая подходит и расплетает ленту себе на память. Это все называется проводы невесты. Происходит все в воскресенье утром. Девичник справляли те, кто побогаче»¹⁸⁹.

По всему верхнему Приосколью отмечено бытование парных прощальных песен – для невесты, имеющей родителей и невесте-сироте. Однако в северном субареале эти тексты фиксируются точно, а в южном с высокой плотностью и в ряде сел на плитекстовые напевы. Наибольшее распространение получила сиротская песня «Грушица». Также отмечены: «Сладкая вышенка» (Шушпаново Влс), «Зеленому деревцу Бог росту не дал» (Селиваново Влс), а невесте, имеющей родителей пели: «Лялей, речушка», (Безгодовка, Насоново, Селиваново Влс), Фощеватово Влк), «Зацветала в саду вышенка» (Колосково Влс), «На море утушка купалася», «Девишник, девишничек» (Шелаево Влс), «Через наш высок терем» (Селиваново Влс). Прощальные песни, исполняемые накануне, могли звучать и утром свадебного дня. В ожидании свадебного поезда, подругами на тот же напев исполнялись песни: «Вьюн на воде извивается» (Безгодовка, Насоново Влс), «Бояре, бояре, почему опоздали» (Безгодовка Влс).

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Сообщила Алёхина Раиса Ивановна, 1938 г.р., с. Тростенец Нвс (Архив БГИИК).

В южной части верхнего Приосколья девишник имеет более сложную драматургию. Подружки шли к невесте с пенями: «Шли-прошли красные девки гурьбою», «Приехал Иванушка перебор» (Безгодовка Влс), «По садику перепёлушка летала» (Тимоново Влс). В доме невесты сначала исполнялись прощальные песни, под которые невеста должна была голосить. Если она не умела этого делать, то нанимали специальную женщину. Она стояла рядом и голосила. После исполнялись величальные песни, под которые присутствующим парням припевались подружки невесты. В селах южного субареала припевание пар устраивали и на молодежных собраниях в календарные периоды – на сяточную и масленичную недели.

Обрядовая выпечка, предназначенная для девишних ритуалов отличалась наибольшим разнообразием. На девишник специально пекли: каравай, пирог (хлебину), блинцы, шишки, орехи, розанцы. Центральное место в этом вечере занимал каравай или хлебина, в сердцевину которого вставляли ветку дерева (чаще сосны, калины, редко – боярышника, клена), украшенную бумажными цветами, конфетами. Примечательно, что информанты саму ветку называли караваем. Зачастую ветку-каравай могли и не вставлять в хлеб, а выходили с ней утром свадебного дня встречать сватов. В селе В. Кузькино (Чрн) эту ветку называли на украинский манер *гильцем*: «Готовили этот каравай заранее. Затыкали туда что-нибудь тверденькое, вставляли ветку елки, абряжали. Раньше пекли сами строго дома у невесты»¹⁹⁰; «Кагда маладую наряжают – ставят вот этот каравай ... Маладую забирают и забирают тетот каравай», «...В этот хлеб ставили сосину, конфеты, вешали ленты, калину»¹⁹¹; «Выбирают разлатаю ветку, вешают конфеты, бобышки - пресные булочки»¹⁹². В с. Шелаево караваем называли ветку терна, обвитую тестом и запеченную в печке: «Раньша ш пякли – тёрен брали и налепливали туда тесто..., у печь становили и он пёкса там пряма. И вот вытянуть яго – он увесь кучерявай... Ну а тады и канхветы вешают... Наверное становят его у теста-то»¹⁹³. Каравай могли печь и с утра. Хлеб забрали себе под-

¹⁹⁰ Сообщила Новикова Вера Пантелеевна, 1938 г.р., с. Богородское Нвс (Архив БГИИК).

¹⁹¹ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

¹⁹² Сообщила Родионова Гарпеья Филипповна, 1917 г.р., с. Безгодовка Влс (Архив ВГИИ № 743/17).

¹⁹³ Сообщила Теплякова Клавдия Алексеевна, 1931 г.р., с. Шелаево Влс (Архив БГМНК).

ружки невесты, после ее выкупа, а ветку, как правило, разбирали или сваты снимали с нее цветы и прикрепляли к себе одежду: *«Когда сваты приезжают – они абрывают квитки и на себя их вешают»*¹⁹⁴.

В приведенных выше репортажах атрибутика девишного каравая соответствует образу самой невесты. Например, калина, вставленная в каравай, может рассматриваться как «растение, наделяемое в народной культуре символикой девственности»¹⁹⁵. Примечательно, что второй день свадебного ритуала во многих селах верхнего Приосколья носит название «калинку распивать», что может выступать в качестве аллегория потери девичества. Украшенная елка также воплощала символ девичества. Известно, что еловая ветвь использовалась на широкой территории славянского поселения, отчего, по мнению этнолингвистов и произошло название свадебного *гильца*. А. Байбурин отмечал сложную знаковую нагрузку этого символа: «...ёлочка с лентой может восприниматься как знаковый комплекс, допускающий различные интерпретации, от самых простых (типа “невеста с красотой”) до более сложных мифопоэтических образов (ср. отождествление дерева и человека, а также образ жертвы на или у дерева). Кроме того, елочка могла ассоциироваться и с плетением косы»¹⁹⁶. В верхнеоскольской традиции линия создания образа девичества и последующего его уничтожения воплощается в украшении еловой ветки-каравая *квитками*, а затем ее разламывания, непременно срывания с неё *квиток*.

Другой комплекс обрядовой выпечки на девишнике готовился из пресного теста и сопряжен с иной идеей – прощания невесты с прежней жизнью, подружками. В южном субареале девушкам пекли блинцы, хворостушки, розанцы, шишки из пресного теста: *«...Блинцы пякли бувалочи на вечару на етам. Старших не было на етам на дявишнику, а маладые были... Песни танцевали, играли... Жених был»*¹⁹⁷; *«Хлеб пякуть и шишачкями и раздавають усем, кто есть у комнате»*¹⁹⁸.

В данном случае индивидуальная раздача угощений аналогична поминальной об-

¹⁹⁴ Сообщила Неделяева Евлампия Никифоровна, 1928 г.р., с. Двучное Влс (Архив ВГИИ 720/30).

¹⁹⁵ Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. М., 1995. Т. 2. С. 446.

¹⁹⁶ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 69.

¹⁹⁷ Сообщила Гладких Дарья Филипповна, 1914 г.р., с. Хмелевец Влс. (Архив ВГИИ № 717/58).

¹⁹⁸ Сообщила Потапова Анастасия Афанасьевна, 1919 г.р., с. Двучное Влс. (Архив ВГИИ № 722/22).

рядности. Современные исследования в области обрядовой трапезы обнаруживают ряд параллелей между оппозиционными комплексами кислый/пресный и живой/мёртвый: «Для связи между тем и этим светом, для магического отстранения болезней, смерти, демонов и для жертвоприношений душам, духам, болезням пекли чаще всего многочисленные пресные хлебцы. Если заквашенные хлебы употреблялись в доме и каждый член семьи наделялся своей частью (долей), то пресный хлебцы предназначались в основном для использования вне дома: их относили на могилы, в церковь, вешали на заборы, кусты, раздавали соседям, путникам или нищим, одаривали обрядовых персонажей, колядников»¹⁹⁹.

Утро свадебного дня начиналось с приготовлений невесты к венцу. К ней вновь приходили подруги, которые собирались накануне на *девишнике* и пели те же прощальные песни. Невесту усаживали за стол, убранный *посадной скатертью*. Золовка расплетала косу, выплетала из неё *косник*, но саму косу не расчёсывала. В доме жениха утром **собирали свадебный поезд**. «На лошадях раньше, а если близко, в селе, то пешком шли. А молодые все равно – лошади разукрашены. Есть богатые - и по двенадцать и по двадцать и по тридцать пар запрягали»²⁰⁰. Участники этого *поезда* назывались *паезжанами*.

Во время движения свадебного поезда могли исполняться различные песни, но наибольшую закрепленность получил напевы коломыечной структуры: «Сел-полетел сизый голубь» – *это как жениха провожают за невестаю* (Тростенец Нвс), «Выйду, выйду за ворота» - *вот свадьба идет или везут невесту* (Макешкино Нвс); родственники жениха подъезжали к дому невесты с песней «Сел, полетел сизый голубь к голубушке в гости» (Васильдол, Тростенец Нвс), Русская Халань Чрн).

Выкуп приданого невесты (*постели, сундука*). Если дом жениха находился далеко от дома невесты, то выкупать её приданое приезжали накануне свадебного дня, а если рядом, то выкупали утром. Приезжали уже замужние и женатые родственники жениха. После выкупа постели женщины из рода невесты отправ-

¹⁹⁹ Валенцова М.М. Магические функции еды // Традиционное русское застолье: сб. ст. М., 2008. С. 204.

²⁰⁰ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн. (Архив БГЦНТ).

лялись к жениху убирать его дом. Все украшения для дома из приданого невесты развешивали у жениха. Для рушников специально забивали гвозди. Каждую вещь выкупали – давали денег или водку. После выкупа *свашки* становились на лавки в святой угол и плясали, пока им не наливали рюмки.

Выкуп косы. Чтобы отправиться с невестой на венчание, жених должен был совершить ряд выкупов: приданого невесты, косы невесты, места рядом с невестой. Каждый выкуп комментировался специальным текстом. В с. Русская Халань *«в хату заходит только один дружок с женихом, а все остальные гости стоят у варот – не пускают их»*²⁰¹. Дружко перевязывали рушниками с обеих сторон. Невеста сидела за столом, её покрывали «турецким» платком. Подружки становились рядом с ней и начинали торговаться с *дру`жкой*. Они пели:

*«Дружко-богатина,
Купи у нас косу,
Купиу нас русу...»*²⁰²

Если *дружко* давал мало денег, девки его стыдили:

*«Дружко забарилси,
Качаном падавилси,
Кишком падпаясалси»*²⁰³,

В это же время выкупали и сундук - приданое невесты: *«Раньше ш ложили: сундук поставят, на сундук - ковер, на ковер - пярину, на пярину начинают про-стынь, адеяло, на одяело – подушку»*²⁰⁴. Девушки за каждую вещь просили выкуп:

*«Уж мы пёрушки драли,
Мы пёрушки драли,
У пярнушки клали,
У пяринушки клали»*²⁰⁵.

В с. В.Кузькино рядом с сундуком сажали мальчика со стороны невесты, который тоже требовал выкупа:

*«Бей сундук, калати сундук,
Даставай, дружко, денег»*²⁰⁶.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. В. Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

²⁰³ с. Васильдол, Нвс. (Архив ВГИИ № 612/9).

²⁰⁴ Сообщила Евдокимова Матрена Филиповна, 1928 г.р., с. Захарово Чрн (Архив ВГИИ 469/17).

²⁰⁵ с. Тростенец Нв (сАрхив ВГИИ № 470/6).

²⁰⁶ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. В. Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

Все припевки во время выкупа в каждом селе исполнялись подружками на один напев. После того как *дружко* выкупил сундук, косу невесты «...девки берут скатерть за угалок и волокут на землю, а сами играют «Ой, на пале лён, лён/ Из стола девок вон, вон». Делалось это для того, «*чеб астальные падруги вышли замуж*»²⁰⁷.

В селах Валуйского района корильных песен, как правило, не исполняли. Торг вели подружки: «*Вот четыре угла, вот четыре рубля, а пасердке – пятый*»²⁰⁸. В с. Безгодовка, когда продают невесту, то сажают ее по короткой стене, т.к. считается что ей уже пора уходить из дома.

После выкупа невесты устраивали **застолье**. Во всех селах в доме невесты за столы усаживали только род жениха. «*У нявасты жаниховы сротсва за сталом. А у жаниха - нявестаны сротства сидя за сталом*»²⁰⁹. «*Значит адарил девак, ну. ...Жених заходит, аткрывает её платок, садится рядом. Около жениха, значит, с невестой сажали уже по родству...Садится кресный рядом с женихом, потом радители, патом братья родные там с невесткой, сестры двауродные, трауродные - так по родству, кумовья. Астальные приглашенные, значит, садятся уже на последние сталы или там как принято... Адин жанихов род... За кажным сталом, вот например, десять столов или восемь или пять, за кажный стол пара маладых. Тоже выбирают какие могут балтать. Скоко челавек вот за столом сидеть – десять, пятнадцать – у йих стаканы на подноси. И они этот стол обслуживают адин. Одна пара один стол обслуживает, друга пара другой и они не куда не отходят...»²¹⁰. Молодые сидели за столом, но не ели – ложки у них были связаны.*

В Русской Халани застолье предворяло богомолье: «*Перед этим как начать пир... встает какой около невесты и говорит “Дружок, разреши хлеб-соль ат-*

²⁰⁷ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс (Архив ВГИИ № 612/41).

²⁰⁸ Сообщила Аридова Ульяна Никандровна, 1922 г.р.с. Шелаево Влс (Архив ВГИИ № 729/21).

²⁰⁹ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. В. Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

²¹⁰ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

кушать, заморские вина покушать”. Дружок, значит, благославляет. Тогда встают, молятся богу, начинается тагда пир»²¹¹.

В конце застолья родственники жениха обязательно прихватывали со стола ложки, а также воровали курицу. «Атгуляли сваты – сабираюца дамой и забирают невесту с собой... Как невесту забирали – воровали кур, ложки со стола забирали. На это уж не обижаются»²¹². В с. Шелаево (Влс) курицу воровали уже на второй день свадьбы, когда возвращались от невесты: «Когда идуць ат нявесты – варуют курей. Вяжуть иматочки на лапки и несуть как нявестину часть – у матери ж нявесту забрали»²¹³.

Перед отъездом невеста прощается с родителями, с домом. **Благословение** проходило как и везде на юге России: мать держала икону, невесте клали в ноги шубу, она била поклоны – у родителей просила прощения. «Шубу положут, отец становится с пирогом со свечкой, затем мать. Невеста, (если идёт не за милого – голося) кланяется: «Прости мене, мамушка,

*И блага слави мене,
Наряди мене долюшку
У Божий храм итить
Божий дар палучить»²¹⁴*

Отъезд невесты со двора. Когда молодые шли к повозке, их обсыпали зерном: «Кагда жених забирает невесту – абсыпают. Теперь канхветами сыпют, а раньша тока зерном, асобенна житным»²¹⁵. Невеста становилась на повозку, крестилась на четыре стороны, а подружки в это время исполняли песню:

*У варот(ы), варот(ы), бела берёза стаяла
Ох, и с падворьцу Натальюшка съезжала
Ох, ана бела берёзы макушачки ламая
Ох, и стаит, стаит бела берёза биз верх,
Ох, и живи, живи, мой батюшка, биз мене²¹⁶.*

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³ Сообщила Теплякова Клавдия Алексеевна, 1931 г.р., с. Шелаево Влс. (Архив БГМНК).

²¹⁴ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ 612/14).

²¹⁵ Сообщила Новикова Вера Пантелеевна, 1938 г.р., с. Богородское Нвс. (Архив ВГИИ).

²¹⁶ с. Верхнее Кузькино Чрн. (Архив ВГИИ 462/5).

Эта песня распространена по всему ареалу и выделяется среди прочих в номинации самих исполнителей, которые считают её одной из важнейших в свадебном обряде.

Ранее, когда в сёлах были церкви, молодых возили на венчание, после которого они отправлялись к жениху. На венчание жених и невеста ехали в разных повозках, а из церкви направлялись к дому жениха в одной. Их повозки специально украшали лентами, бубенцами. В советское время обряд венчания был заменён регистрацией в сельсовете.

После венчания, а иногда и перед ним обязательно катались на лошадях. *«Как за невестою приедутъ – накатають девак, а тада едутъ у церкву венчаться. Павенчаюца и жаних навез нявесту»*²¹⁷.

Когда молодые подъезжали к дому, их **встречали родственники жениха**. Родители стояли у ворот: отец с хлебом, а мать с иконой. В с. Богородское у ворот зажигали огонь, который молодым надо было затоптать: *«Между дверьями у варотах лажили салому или сено, поджигали. Впереди ва дваре стаяла мать, ну, радители с иконой. Чирез этот агонь маладые далжны перешагнуть, далжны нагами затаптатъ. Раскладывали небальшой снапочек и паджигали его»*²¹⁸.

В селах Валуйского района (Тимоново, Рождествено, Колосково. Безгодовка, Шелаево) молодые шли по холсту, который выстилали от ворот и до самого стола: *«Стелят холст ат самой павозки и до святога угла, штоб ана не стала на землю, и штоб ей порчи не наделали»*²¹⁹. Повсеместно родители встречали молодых с хлебом-солью, иконой: *«Атец хлябинку хлеба несе, а мать – иконачку. И шубаю мать накрываеца, чёб багатаи ж были. И стелють ат варот и до парога холст, и ей вядуть на халсту. Жаних иде после. А как нявеста праходит, пряма палавики сразу сымають и сметають»*²²⁰. Практически во всех исследуемых селах молодых в дом заводил дружка, держа их за рушник.

²¹⁷ Сообщила Потапова Анастасия Афанасьевна, 1919 г.р., с. Двучное Влс (Архив ВГИИ № 722/21).

²¹⁸ Сообщила Новикова Вера Пантелеевна, 1938 г.р., с. Богородское Нвс (Архив БГИИК).

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Сообщила Родионова Гарпенья Филиповна, 1917 г.р.с. Безгодовка Влс (Архив ВГИИ № 743/36).

Во время встречи молодых исполнялись специальные песни: «Мамушка-гаголушка» (Безгодовка, Шелаево, Насоново Влс), «Сустрень Сустрень, мать, отец» (Фоцеватово Влк), «Ни на чей это конь по улице проехал» (Тростенец Нвс), «Хмель, хмелинушка, хмель яровой» (Васильдол Нвс). После молодых в дом заходили гости и рассаживались за столы. Застолье начиналось только после *повивания*.

Повивание – кульминационный момент в инициационной линии невесты. Обычно невесту повивала специальная бабка-повитуха или свашка, а две женщины держали платок, укрывая её ото всех. Жених сидел рядом с невестой. Во время *повивания* молодым за платок кидали деньги, конфеты, орехи, семечки и т.п. Молодой сначала расплетали косу. *«Начинают только повивать и платком завешивают все большим, дружки держут платок, а ее то-то начинают повивать. Как павьють, так играют «Кукушку». Коса-та у ей на адну была, а патом ее разделяють на две... и вот играют те-ту песню «Из полю-та полю лятели-та пчелы»...»*²²¹.

В селах Макешкино (Нвс) и Тимоново (Влс) ранее невесте на *повивание* надевали *кокошник*; в Богородском (Нвс) – *почапушник*; в Захарово (Чрн) – *повойник*; в селах Солоенц-Поляна, Тростенец и Васильдол (Нвс) особым образом повязывали платок, отчего *повивание* называлось еще и *повязыванием*; в селах Колосково, Шелаево, Тимоново (Влс) – *чапец*.

Практически по всей территории верхнего Приосколья во время *повивания* исполняли песню «Повили кукушку». В селах Фоцеватово (Влк) и Селиваново (Влс) в процессе *повивания* исполняли «Затрубили трубушку рано по заре», а после играли «Повили кукушку». В северной части традиции в ряде сел наблюдается некоторое разнообразие напевов, приуроченных к *повиванию*. Примечательно, что именно в этих селах отсутствует весенний обряд «крещения и похорон кукушки». В с. Солонец-Поляна (Нвс) исполнялась величальная «Как на дубчику два голубчика», в с. Тростенец (Нвс) «За горою каменною», в с. Елецкое (Чрн) «У нас печка сама топится». О последней рассказывали так: *«Када ее навивают и*

²²¹ Сообщила Вендина Марфа Федоровна, 1912 г.р., с. Васильдол Нвс. (Архив ВГИИ № 612/6).

шчоп ее павивали паскарей ша и у тета ш рассказыют как у нас тута ну, вроде усе делается само: и печка топица сама, маладой будет делать нечега:

*У нас печка сама топица, люли, люли,
У нас печка сама топится, душель моя.
У нас быки воду возють, люли, люли,
У нас быки воду возють, душель моя²²².*

Свадебный пир у жениха. В верхнем Приосколье свадьбу принято было играть на два стола: сначала гуляли в доме невесты, а затем приезжали к жениху и продолжали свадебный пир. «У нявесты жаниховы сротства сидят за сталом, а у жаниха нявестины сротства сидят». Гости рассаживались так же в строгом порядке. «Этим временем девчата ходят - обыгрывают всю свадьбу. Сначала жениха обыгрывают с невестою:

*Ой, хмель ты, хмелинушка, хмель яровой,
Иванушка князь молодой
Ой, лели, лели, лели, князь молодой
Ему княгинюшку свет Настасьюшку²²³.*

Затем сватов:

*Мы пойдём кругом рядом
Па бальшим па баярам.
Мы найдем сабе свашеньку
Свашеньку баярыню,
Гарадскую вот барыню.
Не садися к нам лицом
Перварнися к нам бачкём,
Вот табе чарачка с винцом
И капеичка с капьем²²⁴.*

«Ани падают абычно квас. Ана выпивает, накрывае тстакан. Значит адаривает. Если апяць женица сидит, ани апяць павтаряют: «Мы пайдём кругом-рядом»²²⁵.

Исполнение величальных песен во время застолья – типичное явление для южнорусской свадебной традиции. Специфика верхнеоскольских величаний – в обилии персонажей и свадебных чинов: МОЛОДЫМ - «У голубя золотая голова» (с. В. Кузькино, Васильдол), «У ворот сосна зеленая» (с. Колосково, с. Шелаево, с.

²²² Сообщила Дубинина Варвара Даниловна 1914 г.р., с.Елецкое Чрн (Архив ВГИИ № 468/11).

²²³ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

²²⁴ с. В.Кузькино Чрн (Архив ВГИИ 462/17)

²²⁵ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

Безгодовка, с. Насоново, с. Рождествено), холостому парню – «А кто у нас неженатый» (с. Русская Халань), «Ой, мальчик-уцдрывчик ты мой» (с. Шелаево, с. Дулучное, с. Колосково), свахе – «Мы пойдём кругом-рядом» (с. Русская Халань, с. В. Кузькино, с. Тростенец, с. Васильдол), вдовцу – «Ой, что ж ты, селезенюшка, один на реке» (с. Русская Халань с. Васильдол), женатому мужчине – «В саду под грушею» (с. Русская Халань).

Дарение – неотъемлемая часть главного свадебного застолья. В с. Макешкино во время дарения разламывали каравай (с веткой сосны) и угощали им всех гостей. *«Нявеста идя – хлебушка атламывает кусочек, а жених несет две рюмачки, был паднос. Выпивают, ложут подарок... а мать крёсная сабирает»*²²⁶. После невеста отдаривала родителей и новых родственников (свекра, свекровь). *«Встает сваха и говорит: «Сваха, падхади пад сыр-каравай, дары принимай». Сначала дарят деда и бабуку, если есть. Абязательно в старину деду гатовят падушку, а бабы – раньше называлась папона... – как адеяла типа»*²²⁷. В ряде сел подарки, преподнесенные молодым, было принято записывать или вырисовывать на печной стене – *грубке*, или на матице. *«Молодым дарили, на грубке бывало записывали. Ани рисуют петуха. Берут рогачи – што ставят гаршки в печь – и карябали. Штоб на утро маладичкя смагла забялить штоб ровная [была]»*²²⁸. Так же гости свои дары выцарапывали на матице: *«Атец креснай нарисовал: “Я петуха дарю”»*²²⁹.

Окончание свадебного пира также имело ритуализированную форму. В кулинарном коде это выразилось в подаче специальных блюд: обычно каши и киселя. *«Припаслетку кашу с малаком давали, называли «каша-разганяша»*²³⁰. Конец застолья дублировался и акциональным кодом. Повсеместно разбивали горшки и на черепках плясали: *«Узлазют на лафки:*

- *Уходитя, уходитя!*
- *Не пойдём.*

²²⁶ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

²²⁷ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с.Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

²²⁸ Сообщила Новикова Вера Пантелеевна, 1938 г.р., с. Богородское Нвс (Архив БГИИК).

²²⁹ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино, Нвс (Архив БГИИК).

²³⁰ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. Верхнее Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

- Не пайдетья?

Тады бяруць кувшин и бьютъ. Блюда черепяные бьютъ – сватов выганяли»²³¹. В с. Русская Халань под конец застолья поджигали в доме солому: «Сват заходит в хату – разбивает глиняный кувшин – ну, уже поздно... крутушку саломы запаливает. Это знак того, что уже гостям пора расходиться... У ва всю в круг танцуют пляшут, подойдёт – бросит махотку, или кушин какой разобьет..., или тряпку запалит, или салому запалит – разбегаются тагда. Это знак того, что сватов уже выгоняют»²³². В с. Безгодовка в конце гуляний сыпали табак, гости плясали на нем и от резкого запаха разбегались. В с. Макешкино под конец свадебного застолья жито молотили: «Сено у кого, снопы – приносят прямо у хату и пляшут на нем. А то раньше [было] – положут сноп и дают эти цена, смотрят – умеют они молотить или нет. Тагда ж и гарики бьют и на них тоже танцуют»²³³.

В конце первого дня молодая оставалась ночевать в доме мужа. Как правило, молодые спали в неотопливаемых пристройках – клунях, куда свашка или дружко провожали молодоженов. «Дружко иде, перевязывая им ноги. А на рання иде развязывать – целы наши маладые?»²³⁴.

Освидетельствование брачных отношений молодых получало отражение в различных ритуальных кодах, прежде всего в акциональном и вербальном. Зримым доказательством брачных отношений, а также честности молодой являлись обычаи вывешивания красной материи на воротах, флага на крыше дома, ленточки на графине на свадебном столе и т.п. «Утром вывешивали платок красный на крышу, если этого стоила [невеста]... На графин привязывали ленту красную, возле них стаяла»²³⁵. В с. Шелаево (Влс) о результатах брачной ночи община узнавала по вывешенному красному флагу или чучелу на кожухе (крыше).

Вербальный язык часто раскрывает глубинный смысл производящихся обрядовых действий. Например, устоявшееся выражение «молодым ноги развязы-

²³¹ Там же.

²³² Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна 1930 г.р., с. Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

²³³ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

²³⁴ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. Верхнее Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

²³⁵ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

вать» является прямой констатацией брачных отношений молодых. В реальности же в ряде сел (Васильдол, Тростенец Нвс., В. Кузькино Чрн) так называли обряд бужения молодых: родственники невесты несли завтрак, искали свою молодницу. Молодые к этому времени, как правило, были уже одеты, а невесту была уже *схоронена* (спрятана).

Второй день свадьбы имел различные названия – *бяседа* (Макешкино Нвс, Хмелевец Влс), *калинку распивать* (Русская Халань Чрн). Обряды этого дня имели карнавальный характер, который проявлялся во всевозможных шутках, ряжении. Гуляли, как и в первый день – сначала у невесты, а затем у жениха.

Утром, родственники невесты шли позывать к себе на застолье. Направляясь в дом жениха, они рядились: «...рядились – шубы выварачивали, в милицию наряжались»²³⁶. «Медведем наряжались, на шапках усы накладывали, свеклой мазались...»²³⁷. «Ани адеваюца: мужики в женское, красяца, и врачи там»²³⁸. Родственники невесты приходили будить молодых и приносили *снедать*. На завтрак невесте предлагали как готовые блюда (обычно блины), так и сырые овощи. «Несли и настоящий завтрак – и блины пекли, мед там... и несли капусту, редьку, буряк – ищё сырое несли. Все это приносили, на стол складывали, ну потом их угощали, конечно»²³⁹.

В с. Богородском ряженные ходили по улице и искали овечку, говорили: «Иде наша авечка?». Пока невестины родственники несли завтрак, молодую *хоронили* (прятали). «Все собираются похмелятся, а невеста спрятанная. Потом жаниху гаваря: «Иди, ищи!». А ему савсем другу аденут – наденут марлю, платок привяжут, все вот это нарисуют, и щёки красивые. Сидит как пугало. Аتكрывают, а там – мужчинка»²⁴⁰.

После молодую проверяли – какая она хозяйка: бросали деньги, а она должна была их подмести и собрать «А нявесту заставляли хату мечь – дают ей венник..., а род наш (нявестын) кидает деньги, а она подметаает. Можя невеста

²³⁶ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. Верхнее Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

²³⁷ Сообщила Новикова Вера Пантелеевна, 1938 г.р., с. Богородское Нвс (Архив БГИИК).

²³⁸ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

²³⁹ Сообщила Евдокимова Матрена Филиповна, 1928 г., с. Захарово Чрн (Архив ВГИИ № 460/17).

²⁴⁰ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

подметать? И те и другие – и с невестыной стороны бросали деньги, и с жениховой»²⁴¹. «Вот сыпнет может дружно там, может што надарили – мелочь, и вот што она увидела. Не увидит – значит бракованная невеста. Ну, назад не отдавали [деньги]»²⁴².

Повсеместно был распространен обычай посылать молодую по воду. Когда молодница идет обратно с полными ведрами, то всякий раз ряженные выливают или расплескивают воду, пока молодая не даст *магарыч* или жених за нее не откупится. *«На второй день вады ее насылают [принести], ахрану ей становют. Первые ведра невеста не должна дамой принести – ей пастаронние люди выливают. А патом уже магарыч, када вылили ведры. Астальные уже, воду ана берет, уже ей пользуются, этой вадой. А первой – ей не пользуются, выливают. И охрана, а все равно выливают»²⁴³.*

По всей территории верхнего Приосколья на второй день свадьбы катали свекровь по селу. *«На раня свикровью сажают. Если зима - на санки, и возють на улице. Бяруться двое там или скока там. Ана банку самагона там у каленки паставя или водки и палку – падганяе их. А народ сзади бегом – смеюца: «Ох, лошади тваи умарилися... нада и их падпаить трошки» - шутили всё»²⁴⁴.*

Конец свадебных гуляний. Обычно общинные застолья оканчивались на третий день. Гуляли только в доме жениха, после чего забивали кол – **концы хоронили**. В сёлах Фоцеватово (Влк) и Тимоново (Влс) молодую привязывали рушником к колу, который забивали у порога или на дворе с закрытыми глазами. Тому, кто ударял в кол, наливали рюмочку. Но обычно кол забивали мужчины просто в полу дома.

В селе Тростенец (Нвс) концом свадьбы считался третий день, когда самые близкие родственники жениха в доме его **ели окорок**. В с. Шелаево (Влс) по окончанию пира **варили кашу** из краденных у невесты петуха и курицы. В с. Русская Халань свадьба оканчивалась в воскресенье, отсюда и название - **неделя**. *«Втор-*

²⁴¹ Сообщила Евдокимова Матрена Филиповна, 1928 г., с. Захарово Чрн (Архив ВГИИ № 460/17).

²⁴² Сообщила Новикова Вера Пантелеевна, 1938 г.р., с. Богородское Нвс (Архив БГИИК).

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Сообщила Потапова Матрена Сидоровна, 1919 г.р., с. Верхнее Кузькино Чрн (Архив ВГИИ № 463/21).

ник, среда, четверг, пятницу – отдыхают молодые дома. В субботу идут на ночь – называется - в неделю. Там отпраздновали и начинаются тогда званые обеды. Сёдня крёстный позвал, послезавтра – мать, там сестра уже замужем, тогда – брат. Месяц могут так гулять. Раньше ж зиму не работали, особенно в мясоед. На этом свадьба кончается»²⁴⁵.

Особенность заключительного этапа верхнеоскольской свадьбы – в обилии украинских элементов. К таковым можно отнести, например, обычай катать свашек на второй день. Ритуал катания матерей жениха и невесты чрезвычайно распространён в украинских сёлах, что отмечает в своей работе и Л.Н. Чижикова «... тёщу, а иногда и свекровь возят на санках или тачке, в зависимости от времени года»²⁴⁶. Сами информанты тоже часто отмечают, что заимствовали этот обряд у украинцев.

Традиционная для южнорусской территории пляска на снопе в русском селе Макешкино получила название по аналогии с украинским обычаем *жито молотить*: «Сено, у кого сноп – приносят прямо у хату и пляшут на нем»²⁴⁷. В украинских селах Гринев Новооскольского района и Жигайловка Корочанского района под выражением *жито молотить* подразумевалось распитие бутылки с пучком колосьев, стоявшей перед молодыми. Обычай освидетельствования невесты, столь распространённый в украинских селах, также был отмечен в ряде русских сел исследуемой традиции.

На украинский манер *тэрэма* в селе Шелаево (Влс) украшали каравай – обвивали тестом вишневые или терновые ветки – и также украшали *квитками* (цветами), сделанными из бумаги. В русских селах, приграничной зоны, отмечен сходный с украинцами головной убор невесты – венок из *квиток* и фата из *намитки* (марли).

Важно отметить, что украинские традиции в русской свадьбе соотносятся с её заключительным этапом, обрядовые действия которого направлены на социа-

²⁴⁵ Сообщила Фатьянова Татьяна Максимовна, с. Русская Халань Чрн (Архив БГЦНТ).

²⁴⁶ Чижикова Л.Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской обл.) // Советская этнография. 1980. №2.

²⁴⁷ Сообщила Кузовкова Татьяна Дмитриевна, 1933 г.р., с. Макешкино Нвс (Архив БГИИК).

лизацию молодых, признание их статуса всей общиной. Если начало свадебного ритуала исследователи рассматривают как оппозицию рода невесты и рода жениха (соответственно свой/чужой), то конец её – как единение родов. В этом контексте наиболее логичным оказывается появление украинских элементов на заключительном этапе русской свадьбы. Таким образом, можно предположить, что данный этап в оскольской свадьбе является своеобразным отражением длительных межэтнических культурных отношений.

В контексте южнорусской песенной традиции свадебный обряд верхнего Приосколья выделяется совокупностью ряда признаков. К важнейшим из них относятся: единый сценарий с общим песенным репертуаром и повсеместным исполнением песни «У ворот береза стояла» в момент увоза невесты»; наличие молодежных величаний-припеваний на девичнике (южный субареал); вкрапление украинских элементов в обряды заключительного цикла.

Глава 2. МУЗЫКАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕРХНЕОСКОЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ

2.1. Ритмическая организация свадебных песен и их функции в обряде

Ритмическое строение свадебных напевов верхнего Приосколья соответствует особенностям организации ритуала типа «свадьба-веселье»²⁴⁸, что проявляется в доминировании цезурированных ритмических форм, обилии скорых песен с «алилешным» рефреном, наличии сольных причитаний невесты (интонационно близких похоронным), имеющих нестабильную ритмическую структуру. Характерный колорит местной свадьбы создают медленные песни. Они озвучивают прощальные обряды в доме невесты и часто сопровождаются её голошением.

Внутренняя организация корпуса верхнеоскольских свадебных напевов представлена лаконичным набором музыкально-ритмических структур, отличающихся множеством видовых версий, а также субареальным закреплением некоторых из них.

Систематизация ритмических структур основывалась на выявлении стабильных и мобильных компонентов и определении форм их взаимосвязи. Стабильные свойства проявляют: слоговая норма стиха и ритмический рисунок напева. Эти параметры явились основными в типологии ритмических форм и определении ритмических типов (далее РТ). Особенности композиционного строения отнесены к факультативным признакам.

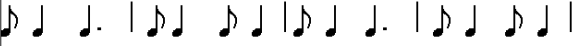
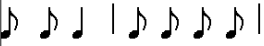
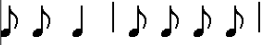

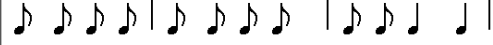
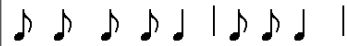
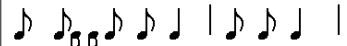
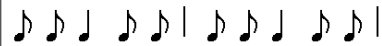

В таблице 2 представлены основные РТ свадебных напевов верхнего Приосколья в их связи с ситуацией исполнения и локальной закрепленностью.

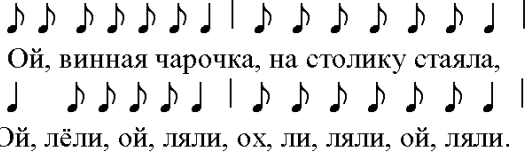
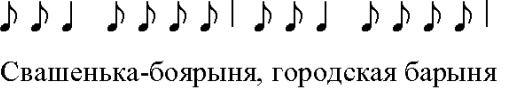

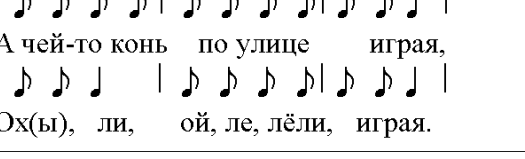
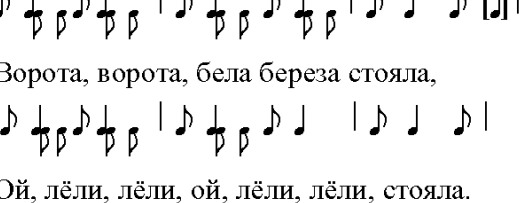
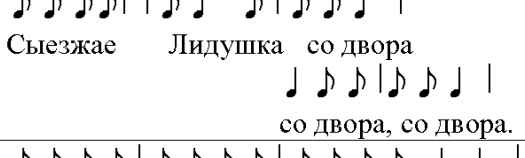
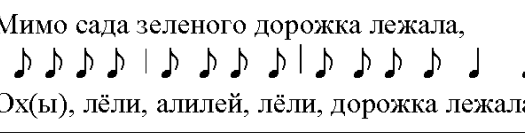

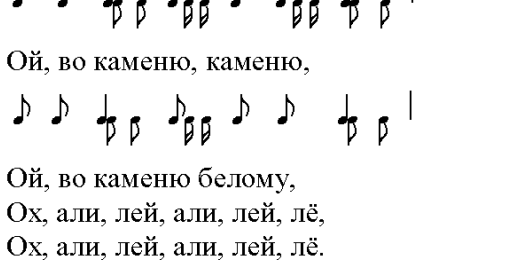
²⁴⁸ Понятие «свадьба-веселье» введено Б.Б.Ефименковой. См. : Ефименкова Б.Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян // Музыка русской свадьбы (проблема регионального исследования) : Тезисы докладов научно-практической конференции в г. Смоленске, 1987 г. М., 1987.

СМРФ верхнеоскольских свадебных напевов

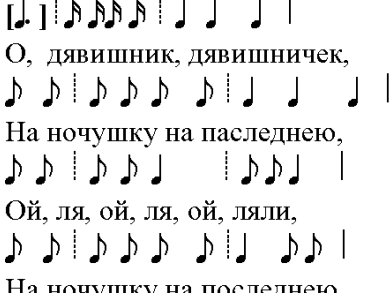
ЦЕЗУРИРОВАННЫЕ ФОРМЫ

№ РТ	Формула стиха	СМРФ	КЕ _v	Ситуация исполнения	№ в нотном приложении
1а	3+4	 Грушица макушица, грушица макушица,	ab / ab(AA)	девишник (сироте)	5
1б	3+4	 Мы пойдем кругом-рядом, Мы пойдем кругом рядом	aa (A)	величание свашки на пир	29, 30
2а	4+4	 За горою камянную радость, радость, За горою камянную, душель мое.	ab r ₁ /ab r ₂ r ₁ = радость, радость r ₂ = душель моя	увоз невесты, повивание	20, 26
3	5+3	 Ой, поле, поле, поляне, Ехали по полю бояре, Ой, ля, ой, ля, ли, ой, ля, ли, Ехали по полю бояре.	ab/cd/rr/cd (A/B/R/B)	девишник (ожидание свадебного поезда)	30, 45
4	5+5	 Как на дубчику два голубчика, Ох(ы), лёли, али, лей, лёли.	ab/rr	повивание	27
5а	6+6	 Из полю-то, полю, летели-то пчелы, Ой, лёли, лёли, ляли, лёли, лёли.	ab/R	расплетение косы	57
5б	6+6	 Былка моя, былка, былка-чернобылка	ab	пропой, девишник	1,2

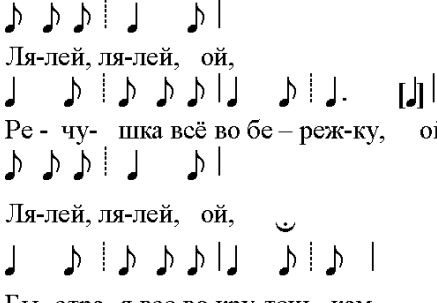
6а	6+6 (ПТ)		a/ab/b	выкуп приданого, встреча молодых повивание	15, 59
		Ой, повили кукушку, Ивану игрушку Повили кукушку, Ивану игрушку.		увоз невесты, встреча молодых, повивание	131
6б	6+6 (ПТ)	 Дружко-богатина дружко-богатина, купи у нас косу, купи у нас косу.	a/ab/b	выкуп невесты	11
6в	6+6 (ПТ)	 Дружко-богатина Дружко-богатина иди к нам у хату, иди к нам у хату.	a/ab/b	выкуп невесты	13
6г	6+6 (ПТ)	 Богатый наш дружко, богатый наш дружко, купи у нас косу.	a/ab/	выкуп невесты	14
6д	6+6 (ПТ)	 Дружка, ой, побили, дружка, ой, пабили, на бок схавилили	a/ab	выкуп невесты	56
6е	6+(6-8)	 В гароде стоя - ла в гароде стояла, макушку склонила макушку склонила	a/ab/b	девишник (сироте)	46, 47
7а	7+5	 Трубят наши трубушки да рана па заре, Ой, лелёшки, лёли, да рана па заре.	ab/rb	повивание	62, 64
7б	7+5	 Затрубили трубушки рана па заре, рана па заре.	ab/b	повивание	63
7в	7+[7]+3(5)	 Как летели гусюшки, как летели серые через сад, Ой, лёли, лёли, ой, лёли, лёли, через сад.	aab/rrb	посад	55

8	7+7	 <p>Ой, винная чарочка, на столику стаяла, Ой, лёли, ой, ляли, ох, ли, ляли, ой, ляли.</p>	ab/R	величальные	3
9	7+7	 <p>Свашенька-боярыня, городская барыня</p>	ab	вечальные	29,30
10	7+7 (ПТ)	 <p>Мамушка-гоголушка, выгляни в оконушко, выгляни в оконушко</p>	ab/b (A)	выпечка каравая, выкуп, встреча молодых, повивание	60, 65
11а	4+4+3 (ПТ)	 <p>А чей-то конь по улице играя, Ох(ы), ли, ой, ле, лёли, играя.</p>	авс/ггс	в свадебном поезде, встреча молодых у дома жениха, во время пира, на <i>девишнике</i>	22, 23, 33, 52, 53
11б	4(5-6)+4(5-6)+3	 <p>Ворота, ворота, бела береза стояла, Ой, лёли, лёли, ой, лёли, лёли, стояла.</p>	авс/ггс	Увоз невесты	17-19
12	4+4+3	 <p>Съезжае Лидушка со двора со двора, со двора.</p>	abc/сс	увоз невесты	58
13а	4+4+6 (ПТ)	 <p>Мимо сада зеленого дорожка лежала, Ох(ы), лёли, алилей, лёли, дорожка лежала.</p>	abc/ггс	переезды свад. поезда, во время св. пира, <i>повивание</i>	7-10 61
14	4+4+6	 <p>Зацветала в саду вы..., ох, вышенка, в саду зеленому, Ой, ли, лё, ли, ой, ли, лё, ли, в саду зе – ле – но – му.</p>	abc/ггс	<i>девишник</i>	47
15	(8-10)+ (8-10)	 <p>Ой, во камению, камению, Ой, во камению белому, Ох, али, лей, али, лей, лё, Ох, али, лей, али, лей, лё.</p>	ab/R	свадебное застолье	76

НЕРАВНОМЕРНО СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ ФОРМЫ

16	2.3(2). 2	 <p>Как при вечеру, вечеру, При паследенем часу-вечеру.</p>	A (B)	<i>девишник</i>	4
17	2.3.2	 <p>О, дявишник, дявишничек, На ночушку на паследнею, Ой, ля, ой, ля, ой, ляли, На ночушку на последнею.</p>	AB/RB	<i>девишник</i>	44

РАВНОМЕРНО СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ ФОРМЫ С НАРУШЕНИЯМИ

18а	4+5	 <p>У гру-ши - цы, у гру - ши - цы нет ма - ку - ши- цы, ой, У гру - ши - цы, у Ггу - ши - цы нет ма - ку - ши- цы</p>	a/ab (AA)	<i>девишник</i>	38
18б	4+5	 <p>Вьюн на воде, ой, вьюн на воде из-ви - ва - ет - ся, ой, Вьюн на воде, ой, вьюн на воде из-ви - ва - ет -ся,</p>	a/ab (AA)	<i>девишник</i>	39
18в	4+5	 <p>Ля-лей, ля-лей, ой, Ре - чу- шка всё во бе - реж-ку, ой, Ля-лей, ля-лей, ой, Бы- стра -я все во кру-тень- кам.</p>	a/ab (AA)	<i>девишник</i>	40

Основная часть свадебных напевов соответствует классу цезурированных форм ритмического периода и озвучивает весь ритуальный цикл: от сватовства до главного свадебного застолья. Напевы с неравномерно сегментированными ритмическими периодами представлены единичными образцами и координируются с прощальными текстами, исполняющимися на девичнике. Равномерная сегментация представлена в музыкальных текстах, приуроченных главным образом к свадебному застолью. Как правило, напевы с такой структурой могли звучать и вне свадебного обряда – во время молодежных собраний, праздничных застолий. Подобное распределение напевов, их количественное соответствие классам ритмических форм отмечено исследователями в ряде локальных традиций русского Юга (Е.А. Дороховой, С.Н. Жигановой, И.Н. Карачаровым, Г.Я. Сысоевой).

Набор стиховых структур, характеризующих местный свадебный ритуал, также демонстрирует прочную связь с южнорусской свадебной традицией, на что указывает обилие напевов с формулами: 6+6, 7+7, 4+4+3, 4+4+6 и др.

Характерным свойством напевов исследуемой свадебной традиции является разнообразие их ритмических версий. Последние образуются за счет внутреннего дробления слогового ритма и вариативности композиционного строения. Наибольшее количество видовых версий соответствует РТ с нормой стиха 6+6, основанной на переритмизации начальной ритмоформулы, и 4+4+3 (см. № № ба-е, 11а-б, 12 в таблице 2). Напевы этих групп локализируются главным образом в северном субареале – зоне наиболее тесного контакта с украинскими поселениями. В связи с этим обстоятельством приведем высказывание Е.А. Дороховой о свадебной традиции русских сел восточной Украины: «Музыкальный код местного свадебного ритуала отмечен ещё одним рядом особенностей, не встречающихся в западной части ареала «свадьбы-веселья» и связанных, в первую очередь, со строфикой свадебных песен: 1) наличием рефренов в тех формах, которые не имеют их в западных традициях; 2) разнообразием строфики в напевах однотипных ритмических структур»²⁴⁹.

²⁴⁹ Дорохова Е.А. Свадьба русских сел восточной Украины // Музыкальная академия. 1997. № 3. С. 155.

Другая особенность музыкальной организации местной свадьбы заключается в троичной и двоичной ритмизации одних и тех же РТ. Как правило, способ ритмизации оказывается напрямую связанным с ритуальной функцией. На уровне функционального разделения напевов в свадебном ритуале очевидна оппозиция скорых песен, имеющих строгослоговую мелодику, песням медленным, распетым. Скорым напевам соответствует двоичная система ритмического счисления. Медленные напевы в большинстве своем основываются на ритмических структурах с троичной системой счисления. Эта оппозиция координируется с двумя планами развития ритуала: контактно-обменным и инициационным. Музыкальное оформление каждой из линий отличается плотностью наполнения ритуальными текстами и имеет логику распределения в РТ.

Коммуникативно-обменный план занимает доминирующую позицию в местной свадьбе. Во-первых, песни коммуникативной функции оформляют ритуал на всем его протяжении; во-вторых они сопровождают узловые моменты обряда как в локусе жениха, так и в локусе невесты; в-третьих, их общее звучание значительно превосходит музыкальное оформление инициационного плана.

Ритмическая организация песен коммуникативно-обменной функции представляет многоуровневую модель, каждая позиция которой ориентирована на реализацию конкретных задач. В местной традиции коммуникативно-обменная линия воплощается главным образом в трех видах ритуальных текстов: 1) короткие песни-припевки, сопровождающие узловые моменты ритуала обменной части; 2) песни, исполняющиеся во время переездов свадебного поезда и его участников 3) застольные величания.

Песни-припевки составляют особую группу музыкальных текстов, обладающих наиболее конкретной знаковостью. В ритмической организации таких текстов релевантным являются: набор ритмоформул, их синтагматический ряд, уровень композиционного строения (строфическая форма, отсутствие рефрена). Знаковый характер песен-припевок проявляется и в музыкальном обобщении – в каждом селе подобные тексты исполняются на свой политекстовый напев. В местной традиции песни-припевки координируются с формулой стиха 6+6 и 7+7 (с

ямбической ритмизацией). Их основная функция состоит в регламентации ритуала и комментариях происходящих событий.

Напевы со стихом 6+6 характеризуют не только южнорусский свадебный ритуал, но и в целом ареал «свадьбы-веселья». Е. А. Дорохова, анализируя свадебную обрядность русских сел восточной Украины отмечала: «... среди местных свадебных напевов есть и такие, которые в неизменном виде присутствуют не только во всех русских селах региона, но и во всех украинских, и вообще во всем ареале “свадьбы-веселья”. Это тирадные напевы свадебных припевок, координирующихся со стихом 6+6 и 5+3»²⁵⁰. В верхнеосольской песенной традиции их функцию выполняют строфические припевки, соответствующие как коммуникативно-обменной линии, так и инициационной. Релевантным, монофункциональным в этой группе становится конкретный ритмический рисунок. Так в местной традиции шестисложные музыкально-ритмические формы могут ритмизоваться какой-либо из трех версий или комбинацией двух из них:

1.	основная	
2.	инверсия	
3.	краткая	

РТ, основанный на с переритмизацией основной версии, получил наиболее жесткую регламентацию:

 Дружко-богатина

 дружко-богатина, купи у нас косу,

 купи у нас косу.

Представленный РТ сочетается с определенными поэтическими текстами. Как правило, они очень коротки, не имеют сюжета; главная их функция заключа-

²⁵⁰ Там же. С. 152.

ется в комментарии происходящих или произошедших событий: *Дружко-богатина / Купи в нас пярины* (выкуп приданого невесты), *Брала Анна лен, лен / Высылала девок вон, вон* (выгон девок из-за стола после выкупа), *Зажгу пуг лучины / Пайду в эту клетку / Ульянушки нету / Ей нету, ня будя / Баяре увязли...* (после увода невесты), *Повили кукушку / Ивану игрушку / Чтоб было чем поиграти / На тесовай на карвати / На высоких изгаловьях* (повивание) и др. Содержательный план данной группы текстов направлен на оповещение о преодолении ритуальных границ как географических (локус невесты/ локус жениха), так и социальных (девушка/молодуха).

Данный РТ характерен для напевов, сосредоточенных главным образом в серверном субареале. При продвижении по исследуемой территории в южном направлении плотность музыкальных текстов с указанным ритмическим рисунком значительно снижается до точечной микролокальной фиксации. В южном субареале данную функцию принимает на себя РТ с формулой стиха 7+7 с ямбической ритмикой (см. карту-схему 4 «Свадебные напевы регламентирующей функции со стихами 6+6 и 7+7 в верхнеоскольской локальной традиции»).

РТ регламентирующей функции со стихом 7+7:

Данный РТ выполняет ту же функцию, что и предыдущий. Заявленный тезис подтверждается использованием общего набора поэтических текстов в тех же обрядовых ситуациях:

стих	<i>Свашка-повивашка</i>	<i>Свашенька Прасковья</i>	стих
6+6	<i>Повей поскорей</i> (с. Шелаево Вал.)	<i>Повивай поскорей</i> (с. Безгодовка Вал.)	7+7
	<i>Сустрень, мати, сына</i> <i>Твой сын-сокол едя</i> (с. Огибное Чрн)	<i>Сустрень, сустрень, мать, отец,</i> <i>Ваш сын(ы)-сокол едет.</i> (с. Репьевка Влк)	

Кроме того, РТ с элементами ямбического изложения формулы (стих 7+7) также оформляет узловые моменты линии контакта: выпечку каравая, встречу рода жениха у невесты, встречу молодых у дома жениха, повивание. Песни-припевки исчерпываются РТ с формулами стиха 6+6 и 7+7 и составляют многочисленную группу политекстовых напевов местной свадьбы. Предварительные ареальные исследования указывают на узколокальный характер распространения последней ритмической структуры.

Песни, исполняющиеся во время переездов свадебного поезда и его участников в местной традиции озвучивают ритуал на всем его протяжении: от сватовства до застолья второго дня. В данной группе насчитывается наибольшее количество поэтических текстов, которые в ряде случаев исполнялись на свой типовой напев. Особенности функционирования *поезжанских* песен – звучание во время длительных переездов – определили и специфику их поэтического и композиционного строения. Как правило, тексты строятся по принципу контаминации различных сюжетов, что обеспечивает продолжительность звучания напева. На уровне композиционного строения данная группа выступает в оппозиции к предыдущей по наличию «алилешного» рефрена.

Не менее значимой составляющей *поезжанских* песен является хореографический компонент. Во время их исполнения певицы совершают характерные для местных хороводов движения: приплясывание, ритмичное прихлопывание в ладоши, прищелкивание пальцами. В верхнеоскольской традиции наблюдается явная тенденция озвучивания переездов напевами с формулами стиха: 4+4+3 и 4+4+6 ($KE_v=abc/trc$). Часто певицы их называют величальными и исполняют также во время свадебного застолья. Существуют и микролокальные варианты, в которых напевы со стихом 4+4+6 ($KE_v=abc/trc$) прикреплены к иным моментам ритуала. Например, в с. Колосково (Влс.) песня «Ой, козушка, ой серая по горкам ходила» исполнялась во время повивания невесты (см. № 61 в нотном приложении).

**Свадебные напевы регламентирующей функции со стихами 6+6 и 7+7 в
верхнеоскольской локальной традиции**

Самую многочисленную группу напевов рассматриваемой группы составляет РТ с формулой стиха 4+4+3. Причем данная форма стиха соответствует текстам как инициационной функции, так и контактно-обменной. В роли разводящего данной стиховой структуры на два обрядовых плана выступает способ ритмизации напева: в двоичной системе счисления - соответствие контактно-обменной линии, в троичной – инициационной.

РТ со стихом 4+4+3 ($KE_v = abc/rrc$), ритмизованный в двоичной системе счисления, известен на широкой территории восточнославянских поселений. В свадебном ритуале верхнего Приосколья напевы данной структуры озвучивают, главным образом, движение свадебного поезда. Темы пути и встречи жениха и невесты являются содержательной доминантой подавляющего большинства поэтических текстов этой группы. К ним относятся: «Ишли-прошли красные девки гурьбою», «А чей-то конь по улице проехал», «Подъезжая Иванушка ко двору», «Не шелковая моя травушка шавелек / Стилалися стежки-дарожки долиной», «Хмелю, хмелинушка, хмель яровой / У нас ныне Иванушка князь молодой / На двор едя – что кленавай лист котица», «Ой, кованная да бушеванная колесо / Покатилось колясочка к бережку» и т.др.

Схожие функции выполняют в местном свадебном ритуале скорые «алилешные» песни коломыечной структуры. Они также озвучивают всевозможные передвижения свадебной процессии. Однако, в численном соотношении значительно уступают напевам со стихом 4+4+3. Кроме того, напевы коломыечной структуры встречаются и среди неприуроченных хороводов (что характерно в целом для южнорусской песенной традиции).

Свадебные величания могли исполняться как в доме невесты (после ее выкупа), так и на главном застолье в доме жениха. Из всей массы величальных песен в верхнем Приосколье фиксируется всего один текст, обращенный к свадебному чину - «Свашенька-боярыня, городская барыня» (см. № 1б в таблице 2). Все остальные величальные песни по специфике своих форм являются хороводными, приуроченными к свадебному ритуалу. Они пелись главным образом в адрес молодых семейных пар, которые присутствовали на свадебном застолье и должны

были платить за *обвельчивание*. Ритмическая структура напевов этой группы напевов типична для хороводно-плясовых песен, отмеченных на широкой территории расселения русских. Образно-поэтический строй рассматриваемых песен связан не с обрядом, а с бытовым контекстом.

Итак, музыкальное оформление контактно-коммуникативного плана очерчивается:

- скорым темпом исполнения песен;
- соответствием некоторых РТ конкретным обрядовым ситуациям (выкуп невесты, увоз, встреча молодых, повивание);
- наличием специальных песен, исполняющихся во время переездов свадебного поезда;
- оформлением заключительного этапа обряда величальными напевами равномерно сегментированной ритмики.

При выстраивании основных звеньев **инициационного** плана мы руководствовались положением Б. Б. Ефименковой о роли музыкального компонента: «Набор актов, выделенных музыкальным рядом, образует в свадьбе особый субтекст, который определенным образом интерпретирует ритуал, выявляет его доминантные тенденции»²⁵¹. В местной традиции инициационная линия отражена в напевах следующих этапов: *запитушки*, *девишник*, *посад* невесты (единичная фиксация), *увоз*, *повивание*. Наибольшая часть напевов сосредоточена в обрядах довенечного периода: *запитушек*, *девичника* (см. № 1а-б, 5б, 18 а-в в таблице 2), и в следующих этапах отмечена их точечная фиксация.

На уровне ритмического строения напевы инициационной линии выделяются совокупностью признаков, выступающих в оппозиции к признакам напевов контактной линии. В классе цезурированных ритмических форм оппозиция проявляется: в троичной ритмизации напевов, использовании внутрислоговой мелодики, а также модификации РТ, озвучивающих линию контакта родов²⁵². Например, такие признаки напевов со стихом 4+4+3 как: наличие «алилешного» рефре-

²⁵¹ Ефименкова Б.Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М., 2008. С. 13.

²⁵² Под модификацией РТ понимается иная ритмизация типовых ритмических структур.

на, двоичная ритмизация, а также скорый темп исполнения – указывают на принадлежность его к контактной линии ритуала. Изменение какого-либо признака или группы признаков, как правило, влечет за собой и изменение функции напева.

Так напевы с формулой стиха 4+4+3 при ритмизации в троичной системе счисления и медленном темпе исполнения озвучивают инициационную линию (см. №11б в таблице 2). Другой вариант – ритмизация напева с той же стиховой формой в двоичной системе счисления, но с элементами ритмического типа «Просо» (см. №12 в таблице 2).

Обратимся к характеристике напевов инициационной линии с позиций логики распределения их в ритуале и локальной закреплённости. Песни, исполняемые во время *запитушек* зафиксированы в северном субареале. Главную позицию в музыкальном оформлении этого этапа занимает РТ со структурой стиха 6+6. Данный РТ координируется с единственным поэтическим текстом «Былка-чернобылка», исполняемым под плач невесты. Его особенность заключается в троичной ритмизации напева (№ 5б в таблице 2).

Троичная организация музыкального ритма в местной традиции соответствует практически всем цезурированным напевам инициационной функции, исполняемым в доме невесты. Оппозиция музыкальных текстов на уровне систем счисления музыкально-слогового ритма (троичной в песнях инициационной, двоичной – коммуникативно-обменной линий ритуала), по наблюдениям Б. Б. Ефименковой, имеет место в музыкально-ритмической организации свадьбы на западных и южнорусских территориях²⁵³.

Прощальные песни, исполняемые на *девишнике*, отличаются особым разнообразием ритмических форм, опирающихся на стихи силлабической и тонической структуры: 3+4, 5₍₄₋₆₎+3, 4+5, 6₍₈₎+6₍₈₎, 4₍₆₎+4₍₆₎+6; 2.2.2, 2.3.2

Во время *девишника* исполнялись и сиротские песни. В одних селах они могли звучать на политекстовый напев и среди прочих музыкальных текстов нередко выделялись только особым мелодическим приемом – *узвизгиванием* (см.

²⁵³ Ефименкова Б.Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М., 2008. С. 20-21.

№№ 47, 48, 56 в нотном приложении). В других селах музыкальная организация сиротских песен противопоставлена текстам, предназначенным для исполнения невесте, имеющей родителей. Например, в кусте сел северного субареала невесте пели песню «При вечеру, вечеру», ритмическая организация которой соответствует классу неравномерно сегментированных форм (см. № 16 в таблице 2).

Рисунок 7

1. Ох(ы), при ве - че - ру, ве - че - ру,

The image shows a musical score for the song 'При вечеру, вечеру'. It consists of two staves. The top staff is the vocal line, and the bottom staff is the piano accompaniment. The key signature is three sharps (F#, C#, G#). The tempo is marked with a quarter note followed by '= 140'. The score is divided into three measures by vertical dashed lines. The lyrics are: '1. Ох(ы), при ве - че - ру, ве - че - ру,'. The piano accompaniment features a steady eighth-note pattern in the right hand and a more complex rhythmic pattern in the left hand, including some triplets and sixteenth notes.

А невесте-сироте пели «Грушицу-макушицу» с цезурированной музыкально-ритмической формой со слоговой нормой стиха 3+4.

Рисунок 8

♩ = 140

...ку - ши - ца, гру - ши - ца - ма - ку - ши - ца,

...ку - ши - ца, г(ы)ру - ши - ца - ма - ку - ши - ца,

1. Гру - ши - ца - ма - ку - ши - ца, г(ы)ру - ши - ца - ма - ку - ши - ца,

The image shows a musical score for the song 'Грушицу-макушицу'. It consists of three staves. The top two staves are vocal lines, and the bottom staff is the piano accompaniment. The key signature is three sharps (F#, C#, G#). The tempo is marked with a quarter note followed by '= 140'. The score is divided into four measures by vertical dashed lines. The lyrics are: '1. Гру - ши - ца - ма - ку - ши - ца, г(ы)ру - ши - ца - ма - ку - ши - ца,'. The piano accompaniment features a steady eighth-note pattern in the right hand and a more complex rhythmic pattern in the left hand, including some triplets and sixteenth notes.

В целом, цезурированные формы песен прощальной функции отличаются внутрислоговой распетостью и/или дроблением слоговых времен, а в ряде случаев – наличием в структуре ритмического периода элементов вторичной композиции: структурных вставок, словообрывов с последующим допеванием (см. № 48 в нотном приложении).

Подобные музыкальные тексты локализуются в южном субареале. Именно в этой части верхнеоскольской традиции зафиксирован ряд протяжных лирических песен. Музыкально-стилевое сходство свадебных девишних и лирических протяжных песен уже отмечалось ранее учеными. В частности, Г. Я. Сысоева, исследовавшая соседнюю песенную традицию – воронежско-белгородского пограничья, отмечала что «модификации свадебных ритмических типов могут появиться в результате влияния жанра протяжной песни на свадебный цикл»²⁵⁴.

Последующие этапы инициационной линии невесты оформляются РТ, координирующимися с одной конкретной формулой стиха. *Посад* невесты обслуживает единственный напев, записанный в с. Шелаево (Влс) с формулой стиха 7+[7]+5₍₃₎ (см. № 7в в таблице 2). *Увоз* невесты по всей исследуемой территории сопровождается песней с одним текстом «Соезжает Марьюшка со двора» (вариант зачина: «У ворот бела береза стояла»). На уровне ритмической организации этот этап ритуала маркируют напевы, имеющие РТ со стихом 4+4+3, но с модифицированным изложением типового ритмического рисунка (в ямбическом изложении в северном субареале и с элементами ритмического типа «Просо» в южном) (см. №№11б, 12 в таблице 2). Медленные песни, исполняющиеся при повивании невесты, фиксируются точно, только в южном субареале, и сочетаются с ритмическим типом «Трубушки» с формулой стиха 7+5.

На основе изложенного можно заключить, что инициационная линия в верхнеоскольской свадьбе реализуется главным образом, в обрядах, совершаемых в доме невесты, и иногда может оформлять обряд повивания в доме жениха (южный субареал). Таким образом, музыкальное оформление инициационного плана очерчивается рядом признаков:

- медленным темпом исполнения песен;
- ритмической модификацией их СМРФ;
- наличием неравномерно сегментированных напевов;

²⁵⁴ Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011. С. 177.

- высокой плотностью музыкально-поэтических текстов девичника (южный субареал) и точечным распределением напевов в последующих этапах ритуала.

Особое положение в системе функционирования ритмических структур занимает РТ со стихом 4+5 (см. №18 а-в в таблице 2). Данный РТ образует группа полифункциональных напевов южного субареала²⁵⁵. Большая часть из них соответствует прощальным песням, исполняемым на *девишнике* (см. №№ 86, 89 в нотном приложении). Оставшаяся часть напевов данной группы озвучивает этап встречи *бояр* у дома невесты (см. № 39 в нотном приложении).

На уровне структуры РТ со стихом 4+5 соответствует классу равномерно сегментированных форм, но отличается нарушением сегментации в некоторых разделах. Данный РТ был выделен и описан Б.Б. Ефименковой на материале свадебных песен Севера и Поволжья, и получил условное название «Вьюн». К основным структурным признакам РТ «Вьюн» ученый относит: наличие парного сегментного ряда (как основной структурной единицы) и комбинаторный характер КЕ²⁵⁶.

Верхнеоскольская версия РТ «Вьюн» выделяется строением КЕ (a/ab/a/ab), не встречающимся в вариантах, описанных Б.Б. Ефименковой. Кроме того, в конце первого большого ритмического периода в местной версии отмечается внутрислоговый распев, который влечет за собой нарушение равномерной сегментации:

У гру-ши - цы, у
Гру - ши - цы нет ма - ку - ши- цы, ой,
У гру - ши - цы, у
Гру - ши - цы нет ма - ку - ши- цы

²⁵⁵ РТ со стихом 4+5 отмечен в свадебных напевах сел Безгодовка, Рождествено и Селиваново Влс.

²⁵⁶ Ефименкова Б.Б. Ритм в проведенийях русского фокального фольклора. М., 2001. С. 132-133.

Важно отметить, что в ареале данного РТ иных сегментированных форм не зафиксировано. Можно предположить, что в контексте исследуемой традиции РТ со стихом 4+5 выступает скорее макрером свадьбы куста сел Валуйского района.

В ходе анализа ритмической организации свадебных напевов верхнего Приосколья удалось установить определенную логику композиции ритуала. Крупный план демонстрирует темповую оппозицию напевов контактной и инициационной линий. Пристальное рассмотрение музыкальных текстов позволяет выделить целый комплекс локальных версий, основанных на двоичных/троичных ритмических структурах основных и модифицированных ритмических форм. Внутренняя организация каждой из линий ритуала определяется также рядом особенностей, сопровождающих её групп напевов.

Оппозицию контактной и инициационной линий напевов отмечала Е.А. Дорохова на материале русских восточной Украины: «... прощальные напевы имеют равномерно сегментированные формы или цезурированные с троичным слоговым ритмом, а напевы линии контактов – цезурированные с двоичным слоговым ритмом»²⁵⁷. При этом в верхнем Приосколье доминирующую позицию занимает линия контакта родов, что в целом свойственно типу «свадьбы-веселья». Сильная позиция контактной линии подтверждается непрерывностью музыкального сопровождения, обилием политекстовых напевов, а также избыточностью ритмических версий напевов. Инициационная линия маркируется напевами точно, главным образом в обрядах, происходивших в доме невесты.

В целом, ритмическая организация свадебных напевов верхнего Приосколья гармонично вписывается в южнорусскую свадебную традицию. Этот факт проявляется в доминировании цезурированных напевов, наличии общих ритмических структур с другими локальными традициями региона. Цельность верхнеоскольской традиции доказывается достаточно ограниченным набором стиховых форм в классе цезурированных, а также функциональной их закреплённостью. Цезурированные ритмические формы в местной традиции сочетаются с силлабическими

²⁵⁷ Свадьба русских сел восточной Украины // Музыкальная академия. 1997. № 3. С. 153.

стихами с формулами: $3+4$, $4+4$, $6+6$, $7+7$, $4+4+3$, $4+4+6$ (по всему ареалу), $4+5$, $4+3$, $5_{(6)}+3$, $7+5$ (южный субареал).²⁵⁸ Специфически местным явлением можно считать монофункциональность напевов со стихом $6+6$ и $7+7$ (см. №6 в таблице 2). Причем напевы со стихом $7+7$ и конкретным ритмическим рисунком (см. №10 в таблице 2) зафиксированы только в селах южного субареала и не встречаются в других локальных традициях юга России. Локальной спецификой можно считать и ритмизацию напева «Соезжала Марьюшка со двора», известного в традиционной культуре юго-западной части Белгородчины, имеющего слоговую норму стиха $7+3$. В верхнеоскольской свадьбе этот стих воплощен в иной форме: $4+4+3$ (см. №№ 11 а-б, 12 в таблице 2).

Обособленность местной традиции подчеркивается и периферийным положением форм, являющихся характерными для других локальных стилей. Например, единичными вариантами представлены напевы с нечётным количеством слогов в стихе: $5+3$ («По полю, полю, поляне» (см. № 36 в нотном приложении)) и $7+5$ («Затрубили трубушки рано по заре» (см. №№ 62-64 в нотном приложении)), тогда как в соседних традициях – курского Попселья и воронежско-белгородского пограничья песни с данной слоговой нормой стиха составляют многочисленную группу свадебных текстов.

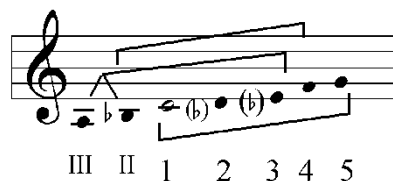
²⁵⁸ Подчеркнутые формы стиха составляют основу местного набора СМРФ, фиксируются во всех населенных пунктах или значительном кусте сел. Остальные стиховые формулы сочетаются с единичными микролокальными напевами.

2.2. Звуковысотное строение свадебных песен

Звуковысотная организация напевов наиболее четко разводит корпус свадебных песен верхнего Приосколья на два самостоятельных субареала – северный и южный. Знаковым для каждого из субареалов является приоритет конкретного класса ладовых систем: диатонических – в северном, и ангемитонных – в южном. Субареальные признаки проявляются и на уровне строения многоголосной ткани, наиболее развитые формы которой отмечаются в южной части региона. Общим, скрепляющим исследуемую традицию фактором, являются узкообъемные звуко-ряды с терцовым мелодическим ядром.

Диатоническая звуковысотная система местных свадебных песен основывается на чередовании двух терцовых комплексов, сопоставленных на интервал большой секунды. Типовой звуко-ряд диатонических напевов имеет следующий индекс: П 1 2 3 (см. Схему 1). Реализация этой модели в конкретном напеве может иметь ряд акустических вариантов, которые не влияют на структурные функции ступеней. Акустические изменения связаны с варьированием высоты терцового тона, а также с разрастанием амбитуса звуко-ряда. Возможные варианты наглядно демонстрирует суммарная звуковая шкала:

Схема 1

Ладовая вертикаль базируется на взаимодействии двух оппозиционных комплексов: (5)/3/1/П – 4/2/П. Ритм смены оппозиционных комплексов является несущей конструкцией ладовой организации и к тому же определяет облик конкретного напева. Подавляющее большинство свадебных напевов имеют ладовую форму, основанную на сопоставлении двух оппозиционных комплексов 3/1 – 2/П. Для них характерно доминирование ладовой вертикали.

$\text{♩} = 168$

1. Ми - ма са - ду, ми - ма зи - ле - но - га да - рош - ка ли - жа - ла,
 ...но - га да - рош - ка ли - жа - ла,
 да - рош - ка ли - жа - ла,

III - 3 - 2 - 1 - 4 - 3/1 - 2 1 - (3/1) - 2/II - 3/1 - 2/II - 3/1 - 2/II

О - й(и), лё - ли, а - ли - лей лё - ли, да - рош - ка ли - жа - (а) - ла.
 О - х(ы), лё - ли, э - ли - лей лё - ли, да - рош - ка ли - жа - (а) - ла.
 О - х(ы), лё - ли, ши - ли - лей лё - ли, да - рош - ка ли - жа - ла.

3/1 - 2/II - 3/1 - 2/II II - 3/1 - 2/II 3/1 - 4/2/II - 3/1 (4/2/II)

В напевах с ладовой формой без субтона ($5/3/1 - 4/2$) преобладающим оказывается линейное мышление. Мелодическая линия основана на восходящем квартовом или квинтовом скачке с последующим его нисходящим заполнением. Оппозиция опорный тон/мелодическая вершина ($1-5/4$) реализуется в каждой мелодической ячейке (МЯ) на протяжении всей мелострофы. Напевы подобной ладовой структуры образуют несколько политекстовых групп, локализующихся в северной части традиции. Они координируются с РТ со стихом $6+6$ и соответствуют контактной линии ритуала (выкуп невесты, повивание).

♩ = 66

...па и-г(ы)-ра - т(и) на ти - со-вай ка - ра - ва - ти,

2. Штоп бы - ла че-м(ы) па - и - г(ы)-ра - т(и) на тя - со-вай ка - ра - ва - ти,

...гра - т(и) на тя - со-вай ка - ра - ва - ти,

на тя - со -вай ка - ра - ва - ти.

на тя - со -вай ка - ра - ва - ти.

на тя - со -вай ка - ра - ва - ти.

Напевы, ангемитонного строения доминируют в южной части традиции. Подавляющему числу напевов свойственна микстовая природа звукоряда: на ангемитонную основу, реализующуюся в основной голосовой партии, «накладывается» терцовая надстройка к первой и второй ступеням (см.: №№ 39, 41, 47, 60 в нотном приложении):

Схема 3.

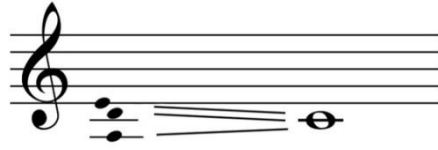
IV II 1 2 3

Для таких звукорядов характерны ладовые оппозиции, основанные на терцовых комплексах (подобно диатоническим):

Схема 4.

В «чистых» ангемитонных звукорядах ладовые оппозиции выстраиваются по принципу кластер-унисон (см.: №№ 1, 65 в нотном приложении):

Схема 5.

Мелодический рельеф в ангемитонных звуковых шкалах напрямую зависит от ладовых особенностей. В напевах с индексом звукоряда III123(4) мелодическая волна разворачивается в пределах терцового ядра, подобно диатоническим звукорядам с субтоном:

Рисунок 11

$\text{♩} = 172$

The image shows a musical score for three voices in a minor key. The tempo is marked as quarter note = 172. The lyrics are in Russian. The first staff has lyrics: "3. Ве т(ы) - ру - ви - те - роч... дра б(ы) -но - га да - жоч - кю." The second staff has lyrics: "3. Ве т(ы) - ру - ве - те - роч - кю, драб(ы) -но - га да - жоч - кю." The third staff has lyrics: "3. Ве т(ы) - ру - ве - те - роч - кю, ...на - га да - жоч - кю." The score includes musical notation with notes, rests, and dynamic markings.

Ангемитонные лады с индексом звукоряда IV II 1 2 (3) базируются на трихордовой попевке *d-f-g* (см. Рисунок 12). Ладовая форма в таких напевах основана на переинтонировании опорного тона на кварту вверх. Облик мелодики напевов с переинтонированием складывается из квартового маятникообразного перемещения мелодии, направленной к ладовым опорам.

$\text{♩} = 68$

1. Тру - би - ли тру - бу - шки ды ра - на, да ра - на на за - ре, ...ре,

ой, лё - лю - шки, лё - лю - шки, ра - на на за - ре. У!

3/1 - 2/IIIV - 3/1 - 2/II - I

Напевы с такой ладовой структурой локализованы в южном субареале. Они являются полифункциональными, озвучивая линии контакта родов и инициации невесты.

Особенности многоголосной организации

Для всех свадебных напевов верхнего Приосколья характерен гетерофонный тип организации музыкальной ткани. Существенные субареальные отличия заключаются лишь в степени дифференциации голосовых партий. В северном субареале отмечается тенденция к отслоению верхнего голоса от общего пучка (см.: №№ 3,4,17 в нотном приложении). В южном субареале партия верхнего голоса проявляет динамику изменений от терцовой вторы основной мелодической линии до самостоятельной голосовой партии, в ряде случаев противопоставленной гетерофонному пучку нижних голосов (см.: №№ 36, 43, 45 в нотном приложении).

Организация музыкального склада свадебных песен северного субареала отличается лаконичностью и единообразием. Практически для всех напевов характерен терцовый мелодический рельеф. Зачастую внутри села различия между песнями определяются только их координацией с разными СМРФ. Маркером

микролокальных традиций (села или куста сел) является фактурная специфика музыкальных текстов.

Например, в с. Верхнее Кузькино (Чрн) основная часть напевов реализуется в узкообъемном квартово-квintовом звукоряде (см.: №№ 7,17, 21 в нотном приложении). Но даже в столь ограниченной звуковой шкале в развитии голосовых партий отмечается тенденция к их функциональному расслоению, в данном случае – трехголосию. Каждому из голосов отвечает свой звуковой объем, который исполнители стараются максимально выдерживать. Тип фактурной организации, приведенный в рисунках №8 и №13 характерен для диатонических напевов, основывающихся на оппозиции двух терцовых комплексов, крайние звуки которых и образуют рамочное оформление. Средний голос как бы сшивает крайние партии, охватывая таким образом весь звукоряд. Кроме того, в среднем голосе реализуется основной напев:

Рисунок 13

$\text{♩} = 108$

1. Ой, ва-ро(а)-ты, ва - ро - ты, бе - ла бе - рё - за - (э) ста - я - (я) - ла,
 ...бе - ла бе - рё - за ста - я - ла,
 ...ро - ты, бе - ла бе - рё - за ста - я - ла,

о - х(ы), ле - (о) - ли, ля - (о) - ли, о - х(ы), лё - ли, ля - ли, ста - я - ла.
 ой, ле - (о) - ли, ля - (о) - ли, о - х(ы), лё - ли, лё - ли, ста - я - ла.
 ой, ле - (о) - ли, ля - (о)..., о - х(ы), лё - ли, лё - ли, ста - я - ла.

Подобный вид многоголосия с той или иной степенью фактурной напряженности характеризует напевы куста сел северного субареала²⁵⁹. Сходное фактурное строение отмечено в хороводных и свадебных песнях курского Попселья. И. Н. Карачаров, представивший музыкально-этнографическое описание этой традиционной культуры, рассматривает данный тип фактуры как «...густую напряженную, с тенденцией к разделению функций голосов», но классифицирует ее как «уплотненную полифоническую фактуру гетерофонного типа с элементами контрастного трехголосия»²⁶⁰. В этой связи целесообразно напомнить о типологической ориентации хороводных форм северного субареала на песенную традицию курского Попселья (белгородско-курское пограничье).

Тенденция к отслоению голосовых линий от общего пучка и их самостоятельному функционированию является определяющей для музыкальной стилистики свадебных напевов северного субареала. Музыкальные тексты, имеющие вариантно-гетерофонный многоголосный склад, характеризуемый М. А. Енговатовой и Б. Б. Ефименковой общностью диапазона у всех исполнительских версий, единым типом мелодического развертывания, единой мелодической композицией, единством ладовой структуры, а также единством тембрового исполнения²⁶¹, в местной традиции соотносятся с определенным уровнем ансамблевого пения. Например, в коллективах с подавляющим количеством молодых участников (начиная с 40-х годов рождения) свадебные музыкальные тексты воспроизводятся на манер поздне-традиционных – с унисонным ведением основного голоса с незначительными расслоениями и терцовой второй. Такое явление вполне объясняется разрушением коллективной памяти традиционного исполнительства (см. Рисунок 14).

²⁵⁹ Это села: В. Кузькино, Русская Халань Чрн., Тростенец, Васильдол Нвс.

²⁶⁰ Карачаров И.Н. Многоголосное строение русских народных песен белгородско-курского пограничья (бассейн реки Псел) // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой. Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 48. М., 2004. С. 320.

²⁶¹ Енговатова М. А., Ефименкова Б. Б. К вопросу типологии русского песенного многоголосия // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Вып. 174. М., 2008. С. 49.

♩ = 64

1. У ва-ро-т(ы) вэр - ба зе - ле - на - я, ла - до, ла - до,

у ва - ро т(ы) ве-р(ы) - ба зе - ле - на - я ду - шель(и) ма(о) - ю.

С упрощением голосоведения и, как следствие, изменением музыкальной фактуры, связана и фиксация напевов с элементами ленточного двухголосия. Как правило, такие музыкальные тексты записаны от коллективов, ведущих активную концертную деятельность. В их репертуаре основное место отведено позднетрадиционным напевам, исполняемым под инструментальное сопровождение. Для такого стиля характерна напевность интонаций, частое параллельное движение основного и верхнего голосов (см.: №№32,35 в нотном приложении). Именно эти элементы привносятся в музыкально-обрядовый пласт традиционной стилистики.

Мастерское владение манерой традиционного пения, *по-старинному*, местные жители заключают в умении *играть голосом* (с. В. Кузькино Чрн). Выражение *играть голосом* соотносится с виртуозным владением мелизматическими приемами: киксами, флажолетами, форшлагами, мелодическими «подъездами» и «спадами» и т.п.. От коллективов, мастерски владеющих исполнительскими приемами, а также тонкостями совместного пения не было записано ни одного напева, близкого к двухголосию с элементами ленточного голосоведения, либо приближающегося к унисонному звучанию.

Форма организации фактуры музыкальных текстов южного субареала заслуживает особого внимания. Именно на этой территории А. В. Рудневой были записаны свадебные двухорные песни с. Фоцеватово (Влк), относимые исследо-

вателями к особым формам совместного пения²⁶². Это явление позволило исследователям обозначить песенную традицию села как очаговую. В соседнем Валуйском районе фиксируется ряд микролокальных песенных традиций, отличающихся особыми формами вокализированных подголосков (Шелаево, Шушпаново, Двудлучное). Кроме того, часть свадебных текстов, исполняемых на девичнике, в ряде сел южного субареала сопровождается особым художественным приемом – *узвизгиванием* – октавным взлетом в партии верхнего голоса, удерживаемым 1–2 счетные единицы (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Разновидности форм совместного пения
в свадебном ритуале южного субареала**

№ п/п	Разновидности форм совместного пения	Населенный пункт
1.	двухорные	Фощеватово (Влк.), Хмелевец (Влс.)
2.	с вокализированным подголоском	Шелаево (Влс.), Шушпаново (Влс.), Двудлучное (Влс.) Фощеватово (Влк.)
3.	с <i>узвизгиванием</i>	Насоново (Влс.), Рождествено (Влс.), Безгодовка (Влс.), Колосково (Влс.), Селиваново (Влс.)

Описываемые явления мы склонны считать родственными. Данная точка зрения подтверждается, прежде всего, общностью ладовых структур анализируемого корпуса музыкальных текстов. К тому же, напевы с рассматриваемым типом музыкальной фактуры объединяются общей обрядовой функцией.

Напевы **первой группы** (см. таблицу 3) составляют так называемые особые формы совместного пения (ОФСП). М.А. Енговатовой были выделены три разновидности ОФСП. Рассматриваемые музыкальные тексты входят в группу ОФСП, основанных на сочетании одинаковых напевов. К ним автор относит: «... плачевые каноны – свадебные и похоронные, совместное пение невесты и девушек на один напев сольного и группового причетов, совместное исполнение нескольких

²⁶² Енговатова М. А. Особые формы совместного пения в русской народной культуре // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Выпуск 174. М., 2008. С. 64.

календарных песен одного жанра, поющих на один политекстовый напев, антифонно-каноническое исполнение календарных песен и проч.»²⁶³.

Двухорные песни впервые были опубликованы в трехголосном изложении А.В. Рудневой²⁶⁴, а позже в 12-ти канальной записи А. С. Кабановым²⁶⁵. В с. Фощеватово двухорные песни исполняются на два свадебных политекстовых напева (с формулами стиха 4+4+3 и 4+4+6). Е.В. Гиппиус в Предисловии к сборнику «Двенадцать русских народных песен» о двухорных песнях пишет следующие: «Песня имеет антифонный хоровой склад: она исполняется ансамблем, разделенным на две группы. Одна группа поет начальный стих каждой строфы (по местной терминологии *рассказывает* или *приказывает*), другая – припев (по местной терминологии *лелёкает*). Но и мелодии стиха, и мелодии припева предшествует однородное вступление, вокализируемое на гласных «а-о-э-е». Это вступление исполняется каждой группой до того, как закончила петь предыдущая группа. В результате разные части напева звучат у каждой из групп одновременно, контрапунктически сочетаясь в форме стретто. Обе разделенные группы голосов поют свою часть песни, варьируя напев в функционально однородной, но внутренне разнящейся хоровой фактуре, описанной выше»²⁶⁶.

Вторую группу верхнеоскольских песен с необычными формами многоголосия образуют напевы с вокализированными подголосками, построенные по принципу контрастной полифонии или с проявлениями ее элементов. Их музыкальная ткань складывается из двух голосовых партий: нижней основной, представленной гетерофонным пучком исполнительских версий, и верхней – сольного подголоска. Роль несущей конструкции принадлежит основной партии. Подголосок выполняет важные смысловую и эмоциональную функции. Наиболее точно его назначение отражено в местной терминологии – *выводить* (см. Рисунок 15). Как правило, мастерством *выводить верх* в ансамбле отличаются одна-две исполнительницы. Именно подголосочной партии отводится право запеть песню, по-

²⁶³ Там же. С. 68.

²⁶⁴ См.: Руднева А.В. Курские танки и карагоды. М., 1975. С. 284-285.

²⁶⁵ См.: Двенадцать русских народных песен в партитурных нотациях звукозаписей 1970–1973 гг. / сост.: Е. Гиппиус, А. Кабанов. М., 1977. №№ 1-4.

²⁶⁶ Там же. С. 4.

скольку высота напева прямым образом связана с яркостью звучания подголоска. По мнению исполнителей, чем выше запев, тем ярче будет звучать подголосок.

В местной традиции отмечено два вида особых подголосков, различающихся, прежде всего, как высотным положением в звуковой шкале, так и мелодико-ритмическим контуром. Первый характеризуется длительным поочередным педальированием двух верхних звуков шкалы на гласный «о» со специфическими уз-визгиваниями (октавными флажолетами) на гласном «у». Данный тип подголоска отмечен в пении ансамблей сел Шелаево, Шушпаново (Влс) и села Фощеватово (Влк).

Рисунок 15

The musical score consists of four systems, each with a vocal line and an accompaniment line. The key signature has one flat (B-flat). The lyrics are in Russian and describe a folk song.

System 1:
 Vocal: у! у!
 Accompaniment: 4. Бей ка - ня баль - не - я, бей ка - ня баль - не - я,
 Lyrics: у! у!

System 2:
 Vocal: - - -
 Accompaniment: па - га - ний па - ска - ре - я, па - га - ний па - ска - ре - я.
 Lyrics: па - га - ний па - ска - ре - я, па - га - ний па - ска - ре - я.

System 3:
 Vocal: о,
 Accompaniment: 5. Штоб я не ви - да - ла, штоб я не ви - да - ла,
 Lyrics: о, ...ха - ла, слы - хать не слы - ха - ла.

System 4:
 Vocal: слы - хать не слы - ха - ла, слы - хать не слы - ха - ла.
 Accompaniment: слы - хать не слы - ха - ла, слы - хать не слы - ха - ла.
 Lyrics: слы - хать не слы - ха - ла, слы - хать не слы - ха - ла.

Другой вид подголоска записан в с. Двучное (Влс). Он представляет собой регистровое удвоение верхнего голоса. При определенном сходстве с «тонким» голосом, известным по ряду севернорусских песенных традиций, он вместе с тем значительно от него отличается. Двучуточный подголосок является вокали-

зированной мелодией, основанной на длительном удержании терцового тона и звучащей, как правило, в заключительном разделе строфы:

Рисунок 16

$\text{♩} = 76$

3. Ни - х(ы) - то ка - ра - ва - ю не з(ы) - на - е,
 то - ль(и) - бя за - з(ы) - на - ла Марь(и) - юш - ка, о
 о - й(ы), ле, о - й(ы), лё - ли, о - й(и), лё - ли,
 у!
 то - ль(и) - бя за - з(ы) - на - ла Марь - юш - ка.

Кроме перечисленных особых многоголосных форм в свадебных напевах верхнего Приосколья используются специальные исполнительские приемы – вокализированные возгласы-*узвизгивания*. Вокализированные возгласы зафиксированы во всем южном субареале. Данным приемом маркируется часть прощальных песен, исполняемых на девичнике. В некоторых селах (Селиваново, Насоново) с *узвизгиванием* исполняются только свадебные сиротские песни, что сближает песенное интонирование с плачевыми возгласами:

$\text{♩} = 140$

1. Ой, слат - ка - я на - ша вы - шан - ка,

ой, слат - ка - я на - ша вы - шен - ка, ой, пра што в ти - бе су - шьев мно..., мно - га, ой!

пра што в ти - бе су... ..у - шьев мно - га?

су - шьев

В целом внутренняя организация напевов второй группы сопоставима с основными принципами строения ОФСП, а именно: отношения основного голоса и подголоска выстраиваются по принципу оппозиции двух субтекстов. На это указывает совокупность ряда признаков, каждый из которых очерчивается оппозиционными характеристиками (см. таблицу 4).

Таблица 4

Музыкально-стилевые признаки голосовых партий особых видов многоголосной фактуры

	Основной голос	Подголосок
Терминология	<i>заводить, вести</i>	<i>выводить</i>
Количество исполнителей	все, кроме одной	одна певица
Семантический текст	воспроизводится обязательно	отсутствует или воспроизводится частично
Ритмическая модель	воспроизводится целиком	воспроизводится фрагментарно
Звукоряд	ангемитонный в объеме квинты, либо диатонический в объеме кварты/квинты	терцовая надстройка к основному опорному тону либо к субопоре + октавные «взлеты»

Противопоставление двух компонентов фактуры дублируется важнейшими кодами музыкально-поэтической структуры. На уровне вербальной организации очевидна оппозиция семантического текста асемантическому, которая реализуется в их одновременном звучании.

Ритмический анализ обеих партий также демонстрирует полифонический тип их соотношения. Отметим, что в текстах с «алилешным» рефреном подголосок накладывается на припевные слова, усиливая позицию асемантического начала и подчеркивая контраст смыслов несущему тексту. Ритмическая композиция обеих голосовых партий в напевах с подголоском выстраивается по принципу контрастной полифонии. Самостоятельность голосовых линий очерчивается различиями ритмических рисунков и пульсации, частой в основном голосе и более редкой в подголоске.

На уровне звуковысотной организации противостояние основной партии и подголоска наиболее ярко проявляется в напевах села Шелаево. Певицы, исполняющие основную голосовую партию, всегда «работают» в ангемитонной шкале *a-c-d-e*, тогда как подголосок реализуется в целотоновой шкале *c-d-e-fis*. Таким образом, ладовая модель напевов складывается из двух разных конструктивных компонентов. «Конфликт» этих систем усиливается постоянным акцентированием терцового тона в партии подголоска (см. №№42-45 в нотном приложении).

В целом, свадебные напевы верхнего Приосколья с особыми видами многоголосной фактуры, несмотря на различные исполнительские формы (двухорное пение, песни с вокализированным подголоском), реализуются в единой музыкальной системе или едином интонационном пространстве. Микролокальные различия напевов возможно объяснить интровертной логикой функционирования «замкнутых» песенных систем. По мнению Е. А. Дороховой «...музыкально-фольклорные традиции этнокультурных "островов" можно рассматривать как яркий пример воплощения бинарной оппозиции *свой/чужой*»²⁶⁷.

---

²⁶⁷ Дорохова Е.А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб, 2013. С.135.

Зафиксированные на территории верхнего Приосколья напевы представляют собой специфическое явление в южнорусской песенной культуре и по воплощению подголоска, и по исполнительским формам, что и позволило охарактеризовать их фактуру как особую. Однако известно, что и в других традициях существуют музыкальные феномены, не укладывающиеся в общую региональную систему. Приводимые характеристики свадебных напевов в полной мере соответствуют и другим жанрам (сезонным лирическим и хороводным). Интегрирующая роль звуковысотной организации неоднократно отмечалась исследователями «островных», очаговых традиций (термин Е. А. Дороховой).

Звуковысотная организация свадебных песен в меньшей степени ориентирована на логику ритуала (в отличие от ритмической). Сходное явление отмечено Т. Ю. Камаевой на материале русских сел, находящихся в иноэтническом окружении: «Функциональная дифференциация напевов на уровне звуковысотной организации в рамках свадьбы отсутствует, так как все они реализуются в едином звуковысотном поле. Кроме того, обращает на себя внимание характерная акустическая «замкнутость» каждого села на определенном типе звуковой шкалы, в результате чего различие между напевами даже разной жанровой принадлежности снимается. Возможно, данное свойство песенной системы рассматриваемых узколокальных традиций является следствием этнической изоляции русских сел на Украине и служит своего рода механизмом сохранения национально-песенного пласта у русских»²⁶⁸.

---

²⁶⁸ Камаева Т. Ю. Звуковысотная организация свадебных напевов русских сел на Украине // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Вып. 174. М., 2008. С. 95.

Глава 3.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ВЕРХНЕОСКОЛЬСКОЙ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ

3.1. Верхнеоскольский мелодический тип

На уровне координации звуковысотного и ритмического строения свадебные напевы демонстрируют различные принципы организации в каждом из субареалов. Так в северном субареале количество свадебных напевов превосходит количество ритмических моделей. Например, в с. Васильдол (Нвс) 26 свадебным песням, соответствует восемь ритмических моделей и 18 напевов. По мнению исследователей такое явление как количественная «избыточность» напевов характерно для традиций позднего формирования или же может указывать на зону интерференции соседних локальных традиций. К данному заключению приходит Е.А. Дорохова, исследовавшая песенные традиции русских сел, расположенных в окружении украинских: «Еще одна особенность местной свадьбы – количественная “избыточность” напевов, нехарактерная для западных территорий России с автохтонным населением. Она обычно возникает либо в зонах интерференции, совмещения соседних традиций, либо, как в данном случае – в песенных системах позднего формирования, когда песенная избыточность является результатом суммирования музыкального материала традиций-источников»²⁶⁹. Таким образом, наблюдения автора, основанные на исследовании «очаговых» традиций подтверждаются и в зонах чересполосного расселения русских и украинцев, к каковым и относится верхнеоскольская песенная традиция. Напомним, что в именно в северной части верхнего Приосколья количество украинских поселений превосходит русские.

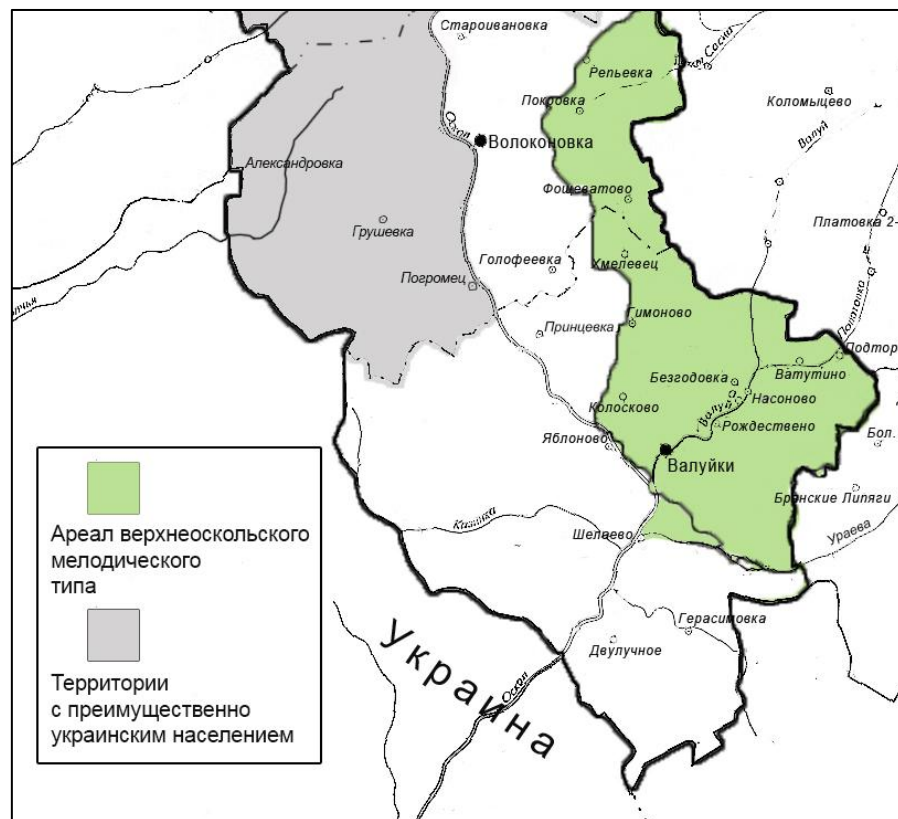
---

²⁶⁹ Дорохова Е.А. Свадьба русских сел восточной Украины // Музыкальная академия. 1997. № 3. С. 153.

Свадебный обряд южного субареала озвучен меньшим количеством напевов. Например, в с. Шелаево (Влс) записано 19 свадебных песен, которые соотносятся с 11 ритмическими моделями; в с. Безгодовка (Влс) 15 свадебных песен соответствуют 6-ти ритмическим моделям и 6 напевам. Малое количество напевов образует здесь цельное музыкальное пространство свадьбы. Это связано и с другим фактом: значимая часть свадебных музыкальных текстов южного субареала и группа сезонных лирических песен координируются с одним мелодическим типом, названным нами верхнеоскольским (верхнеоскольский МТ). Ареал верхнеоскольского МТ охватывает куст сел южного субареала (см. карту-схему 5 «Ареал верхнеоскольского мелодического типа»).

Карта-схема 5

Ареал верхнеоскольского мелодического типа

Верхнеоскольский МТ характеризуется ангемитонной ладовой моделью, основанной на сопряжении двух ладовых опор. «Узнаваемость» напевов заложена в их ярком мелодическом облике, основу которых составляют квартовые интонации. Именно они образуют большую часть импровизационных запевов.

Мелодическая композиция напевов складывается из комбинации двух ячеек: ячейка «а» с опорой на I ступень, ячейка «b» с переинтонированием в IV ступень, плюс кадансовая ячейка (утверждение I ступени). Границы мелодических ячеек совпадают с границами слоговых групп (см. Рисунок 18):

Рисунок 18

1. Ма - муш - ка - га - го - луш - ка да вы - гля - ни в а - ко - нуш - ка да

IV-1-2-1-3-2-1-2 1-3/1-2/II/IV-3/1-2/II/IV-3-2/1/IV

вы - гля - ни в а - ко - нуш - ка.

3/1-2/IV-II-3/1-2/II-3/1

Данный верхнеоскольский МТ характеризует напевы с цезурированными формами и следующими звуковысотными структурами (см. таблицу 5)

Таблица 5.

Звуковысотные характеристики ВМТ

Звукоряд	диатонический с ангемитонной основой
Звуковая шкала	a cDef (в объеме секты)
Ладовая форма	5/3/1 – 2/II/IV (строится на оппозиции двух ладовых опор 1-IV-1)
Мелодическая композиция	aa/ba/ba, a/b/a/b/a и т.п. (a = I- IV-1; b= I-IV)
Фактура	дифференцированная гетерофония

Существенно, что в свадебном обряде верхнеоскольский МТ занимает значимую позицию, охватывая музыкально-поэтические тексты обеих линий ритуала

ла: контактно-обменную и инициационную. Ритуальная функция данного типа раскрывается лишь в рамках конкретной микролокальной песенной традиции. Так в с. Селиваново (Влс) 15 из 21 записанной свадебной песни, относится к верхнеоскольскому МТ. В этот список входят напевы контактной и инициационной линий ритуала, в частности, сиротские песни, исполняемые на девичнике. Контактно-обменная линия представлена одним политекстовым напевом с координирующим со стихом 7+7 (см. СМРФ № 14 в Таблице № 2). Напев характеризует умеренный темп исполнения и ладовая композиция, основанная на смене опорных тонов. Время его исполнения в обряде обусловлено песенной поэтикой, комментирующей происходящие события: выкуп невесты, встреча молодых у дома жениха, повивание (см. Рисунок 19).

Рисунок19

♩ = 130

1. По - ви - вэ - (а)-ль(и)-на - я сва - шка, по - ви - вай, ой, па - ска - ре - я,

по - ви - вай па - ска - ре - я.

Инициационная линия обслуживается целой группой напевов, среди которых отмечен и политекстовый. Поскольку все напевы принадлежат к одному мелодическому типу, то различаются они лишь ритмическим строением и имеют следующие формы стиха: 3+4, 7+3, 7+5, 4+4+3 (РТ «Просо»), (6-8)+(6-8), а также 4+5, соответствующая политекстовому напеву. Песни этой группы приурочены к девичнику, увозу невесты и повиванию. Напевы инициационной линии характеризуются медленным темпом, а также использованием специфического художественного приема – *увизгивания* (см. Рисунок 20).

♩ = 64

3. Се - ла я - на о, да на ве - ре - ю - ши - ку,

...а - да - жма-ла, о, е, си - зы кры - лу - шки.

па - да жма-ла,

Внутренняя организация данного мелодического типа демонстрирует очевидную оппозицию напевов двух линий ритуала. Контактно-обменную линию оформляет политекстовый напев ($V=7+7$), характеризуемый строгослоговой мелодической организацией. Группе напевов, маркирующих инициационную линию, свойственна распетая мелодика, и как следствие, образование элементов вторичной ритмической композиции – наличие структурных вставок, дважды повторенных ритмических периодов, словообрывов с последующим их допеванием (см. №№ 39, 40, 41 в нотном приложении). Данная ситуация отсылает нас к драматургии северной свадьбы, описанной Б.Б. Ефименковой. Так ученый, изучая свадебный обряд Городищенского сельсовета Нюксенского района Вологодской области, отмечала: «Музыкальная драматургия рассматриваемого типа строится не на смене контрастных причетных напевов, а на своеобразном развитии одного «голоса» свадебного плача в связи с ходом действия <...> Вместо смены одного напева другим в городищенской свадьбе мы встречаем смену одиночного плача групповым, а в кульминациях – их сплетение, опять-таки драматические ансамб-

ли, построенные на одной теме²⁷⁰. Опираясь на выводы ученого, можно предположить, что и исследуемый мелодический тип выполняет аналогичную функцию.

Однако, в рассматриваемой локальной традиции лишь один из напевов контактно-обменной линии, регистрирующей функции, вошел в группу напевов верхнеоскольского МТ. За его пределами остались музыкальные тексты, не имеющие конкретной приуроченности в обряде и связанные с многочисленными ситуациями переездов. Таким образом, верхнеоскольский МТ в с. Селиваново демонстрирует два функциональных плана. Первый основан на внутренней оппозиции напевов контактно-обменной и инициационной линий. Второй представляет оппозицию верхнеоскольского МТ остальным свадебным напевам, как оппозицию напевов, закрепленных / не закрепленных за конкретной обрядовой ситуацией.

В целом, группа музыкальных текстов, образующих верхнеоскольский МТ, функционирует подобным образом на всей территории, за исключением села Шелаево (Влс.). Мелодический тип, сложившийся в «шелаевской» традиции можно считать вариантом верхнеоскольского МТ. На уровне звуковысотного строения рассматриваемые напевы соответствуют напевам верхнеоскольского МТ: опираются на ангемитонный лад с индексом звукоряда IV II 1 2 3; музыкальная фактура соответствует дифференцированной гетерофонии, в которой основная голосовая партия представлена гетерофонным пучком, а верхняя исполнительская версия является вокализированным подголоском, использующим специфические возгласы-*узвизгивания* (в чем и выражается локальная специфика традиции).

Шелаевский мелодический тип как и верхнеоскольский в целом, координируется со свадебными и лирическими приуроченными напевами²⁷¹. Существенное отличие рассматриваемой группы напевов заключается в их ладовой характе-

²⁷⁰ Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б.Б. Ефименковой: К 80-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. И.А.Никитина. М., 2012. С. 114.

²⁷¹ В селе Шелаево Валуйского района записано всего две лирические песни. Обе имеют сезонно-трудовую приуроченность: «Из-за лесуку, лесу темного» исполнялась осенью, когда *конопи тёрли*; «Поле наше, полюшко» (см. № 72 в нотном приложении) - весной, когда пололи подсолнухи. В обоих случаях поводом к закреплению напевов послужил поэтический текст.

ристике. Так при наличии единой звуковой шкалы и многоголосного склада, в качестве основной ладовой опоры конкретных музыкальных текстов может выступать как 1-я, так 3-я или 4-я ступени.

Важно отметить, что в исследуемой группе доминируют напевы с ладовой формой, основанной на смене опорного тона на субквартовый интервал. И если для напевов, образующих верхнеоскольский МТ, характерно переинтонирование на IV ступень в середине мелострофы и затем утверждение ладового статуса I ступени, то в напевах села Шелаево в качестве ладовой опоры выступает комплекс 1-ой ступени и лишь в конце мелострофы происходит переинтонирование опорного тона на кварту вверх (см. №№ 43, 44, 59).

На уровне локальной традиции шелаевский мелодический тип уместно обозначить как мелодико-фактурный тип (МФТ). Этот термин ввела Е. А. Дорохова, впервые открыв подобное явление на материале очаговых традиций. Данный термин определялся как «форма взаимосвязи элементов системы местного песенного стиля, в которой наиболее устойчивыми, доминирующими являются характер мелодики в определенном звукоряде и интервальное соотношение партий многоголосной фактуры»²⁷². Далее автор отмечает, что ладовый статус напевов, объединенных одним МФТ, может быть как общим, так и различным. Важнейшее свойство МФТ, выделенных ученым, проявляется в их связи с местной музыкально-жанровой системой, что выявляет функциональный или территориальный аспект бытования напевов²⁷³.

Напевы шелаевского МФТ имеют следующие ладово-мелодические особенности. На уровне звуковысотной шкалы их характеризует стабильное использование высокой третьей ступени, что создает эмоционально напряженный эффект слухового восприятия. Другая особенность проявляется в явном приоритете горизонтального аспекта лада. Особенно ярко это проявляется в напевах со вторичной мелодико-ритмической композицией. Такие напевы состоят из большего количе-

²⁷² Дорохова Е.А. Мелодико-фактурный тип как системообразующий компонент // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. М., 2008.

²⁷³ Там же. С. 104.

ства мелодических ячеек, в результате чего основные ладовые комплексы образуются лишь на границах ритмических периодов и во внутренних кадансах. В остальных зонах ладовая вертикаль соответствует кластеру.

Шелаевский МФТ реализуется в двух вариантах. Первый охватывает быстрые напевы с первичной ритмической композицией (свадебные песни). Вторым – медленные напевы со вторичной ритмической композицией (свадебные прощальные и лирические приуроченные). В обоих вариантах ладовая форма основывается на оппозиционных комплексах: 2/II/IV – 3/1. Наиболее четко эта форма реализуется в начальном и заключительном разделах мелострофы. В серединном сегменте доминирует горизонтальное развёртывание лада, в результате чего вертикаль часто соответствует кластеру: 2/1/II/IV. Партия вокализованного подголоска выстраивается по своим законам, охватывая терцовую часть звукоряда и педалью на верхних ступенях (№№ 42-45 в нотном приложении).

Характерные свойства шелаевского МФТ проявляются в ладово-интонационном складе напевов. Конкретные интонационные обороты закрепляются за определенными участками мелострофы. К таковым относятся зоны: сольного запева, серединных сегментов, а также заключительного (кадансового) построения.

Сольные запевы в прощальных песнях, исполняемых на девичнике и утром свадебного дня, а также в лирических приуроченных складываются из двух частей. Мелодический рельеф первой основан на восходящем движении от нижнего участка шкалы к вершине, после чего происходит вращение мелодии в пределах заданного диапазона. Во второй части мелодическая линия имеет векторную направленность к вершине звукоряда, акцентированной ритмически долгой длительностью (см. таблицу 6).

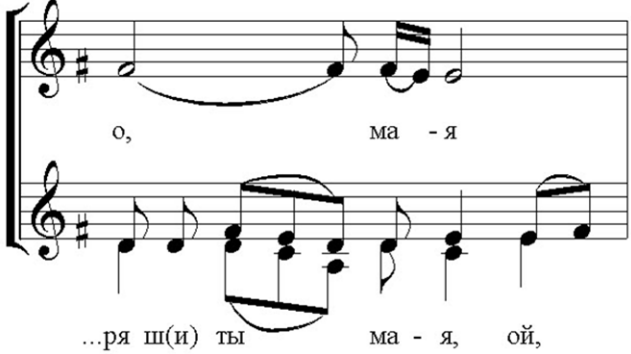
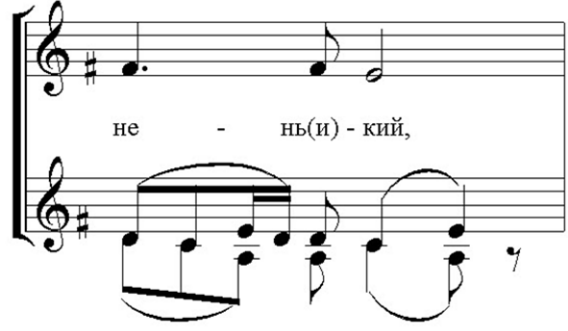
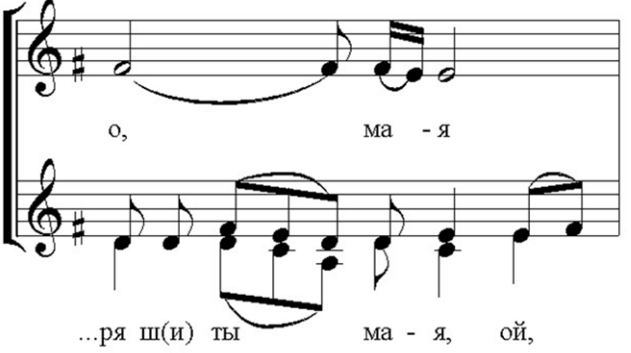

Строение запевов песен «шелаевского» МФТ

<p>1.</p> <p>1. Э, по - ля ма - я же, по..., э, о - х(ы), да по - лю - ши - ка да</p>	<p>№ 72 в нотном приложении</p>
<p>2.</p> <p>1. За - ря, ты мо - я да зо - рю - ши(и) - ка</p>	<p>№ 45 в нотном приложении</p>
<p>3.</p> <p>1. Да о, дя - ви - ши(и) - ник, дя - ви(о)... ...и - ши(и) - ни - чак</p>	<p>№ 44 в нотном приложении</p>
<p>4.</p> <p>1. Ой, что же ты, да ре - (о)... ...е - (о) - чу - шка,</p>	<p>№ 43 в нотном приложении</p>
<p>5.</p> <p>1. Ой, да на мо - ре да ю - ту - шка ой, ку - па - (о) - ла... ...о - ла - (я) - ся,</p>	<p>№ 42 в нотном приложении</p>

В средней части напевов используется устойчивый ладово-интонационный оборот, основанный на квартовом сопряжении: IV – 2 (или: 1 – IV) (см. таблицу 7).

Таблица 7

Строение серединной части песен «шелаевского» МФТ

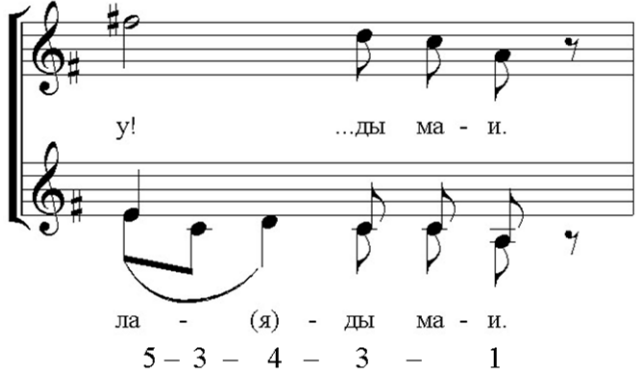

<p>1. (см. № 45 в нотном приложении)</p> <p>о, ма - я</p> <p>...ря ш(и) ты ма - я, ой,</p> <p>1 - 3/1-II/2-1/IV- 1 - II/2</p>	<p>2. (см. № 44 в нотном приложении)</p> <p>не - нь(и) - кий,</p> <p>1 - II - 2-1/IV - II - 2/IV</p>
<p>3. (см. № 42 в нотном приложении)</p> <p>о, ма - я</p> <p>...ря ш(и) ты ма - я, ой,</p> <p>1 - 3/1-II/2-1/IV- 1 - II/2</p>	<p>4. (см. №72 в нотном приложении)</p> <p>не - нь(и) - кий,</p> <p>1 - II - 2-1/IV - II - 2/IV</p>

Кадансовое построение основывается также на типизированном ладово-интонационном обороте. Его образует оппозиция комплексов 2/II/IV – 1 (см. таблицу 8).

Строение кадансовой части песен «шелаевского» МФТ

<p>1. (см. № 44 в нотном приложении)</p> <p>у! ...ед-не-ю.</p> <p>на па - сле... ...ед-не-ю.</p> <p>3/1-2/II-3/1-2/II-2-II-1</p>	<p>2. (см. № 64 в нотном приложении)</p> <p>да ра - на на за - рё.</p> <p>2/II - 3/1 - 2/II - 1</p>
<p>3. (см. № 72 в нотном приложении)</p> <p>...ё - на..., у!</p> <p>...ё- на..., да зе - лё - на-ё.</p> <p>3/1-2/II - 1 - II - 1</p>	<p>4. (см. № 55 в нотном приложении)</p> <p>у в а - ди - н(ы) лад.</p> <p>3/1 - 3-2/II - 1</p>

«Шелаевский» МФТ охватывает также напевы без смены опорного тона в конце мелострофы. Их мелодико-интонационный склад отличается лишь кадансовым построением, основанным на оппозиции ладовых комплексов 5/3/1 – 2/IV – 1:

<p>1. (см. № 44 в нотном приложении)</p> <p>у! ...ды ма - и.</p> <p>ла - (я) - ды ма - и.</p> <p>5-3-4-3-1</p>	<p>2. (см. № 42 в нотном приложении)</p> <p>...ха... у!</p> <p>...ха - ла - ся.</p> <p>3-1-4-3-1</p>
--	---

На уровне ритмического строения исследуемый МФТ охватывает практически все структуры, организующие местный ритуал. Контактно-обменная линия сопровождается СМРФ с формулами стиха: 6+6 (ПТ), 4+4 (ПТ), 4+4+3 (ПТ), 4+4+6 (ПТ); инициационную линию оформляют напевы с формулами стиха: 4+5 (ПТ), 7+5, 5+3, 2.3.2.

Таким образом, единый МФТ оказался главным «регулирующим» свадебной игры. Музыкальная драматургия ритуала строится, прежде всего, на внутренней темповой оппозиции напевов. Скорые напевы соответствуют контактной линии, а медленные – инициационной. Темповый контраст свадебных напевов в селе Шелаево обеспечивается, как и в других селах, мелодико-ритмическим строением. Однако, в данной традиции, контраст напевов со строго-слоговой и распетой мелодикой достигает апогея.

Скорые песни в с. Шелаево принято петь с обязательным «разгоном», ускорением. Например, первая мелострофа в песне «Молод орешничек»²⁷⁴, исполняемой во время увоза невесты, имеет пульсацию равную 128 счетных единиц, а седьмая звучит уже вдвое быстрее. К концу напев приобретает неистовый характер скандируемого на определенной высоте ритмического рисунка, сопровождаемого *узвизгиваниями* (см. Рисунок 15). Выше отмечался чрезвычайно быстрый темп, свойственный всем напевам контактно-обменной линии ритуала. Инициационную линию напротив озвучивают медленные напевы, медитативного характера. Пульсация их в среднем равна 56-58 счетным единицам, а протяженность одной мелострофы может достигать 50 секунд, что даже превышает протяженность мелострофы местных лирических песен.

За рамками МФТ в с. Шелаево остались напевы сравнительно позднего происхождения. Они координируются с равносегментными ритмическими формами и стихами силлабо-тонической структуры или тонической типа «камарин-

²⁷⁴ Запись произведена А.Н. Ивановым 22 июня 1980 г. Архив Фольклорной комиссии Союза композиторов РФ.

ской»²⁷⁵. Их исполнение может быть приурочено и к ритуализированным бытовым ситуациям – величаниям во время застолий и молодежных посиделок.

Шелаевский МФТ имеет очаговый характер бытования. Однако глубинный уровень данного явления позволяет вписать его в круг напевов верхнеоскольского МТ. Определяющим фактором оказывается, конечно, ряд общих ладово-мелодических признаков. Но немаловажное значение принадлежит единству их функции.

Обобщающим фактором для напевов, образующих верхнеоскольский МТ, является приоритет медленного темпа исполнения. В частности, верхнеоскольский МТ не сочетается со скорыми свадебными песнями с «алилешным» рефреном в двоичной системе счисления, которые явно преобладают на оставшейся территории. Музыкально-поэтические тексты с формулой стиха, типичной для скорых свадебных песен в ареале верхнеоскольского МТ получают преобразование в сторону песенности за счет развитости внутрислоговых распевов. В некоторых случаях отмечаются и элементы вторичной мелодико-ритмической композиции (см. №14 в таблице 2). Дополнительно необходимо отметить и усиление роли протяжных лирических песен в местной жанровой системе при продвижении по территории с севера на юг.

Верхнеоскольский МТ является полижанровым, поскольку встречается и в небольшой части лирических напевов сезонной приуроченности, а также в музыкальном тексте, обслуживающим обряд «крещения кукушки» (см. Таблицу 9 «Верхнеоскольский мелодический тип»). В свете изложенного материала очевидным становится и жанровое определение напева села Фощеватово (Влк), приуроченного к обряду «крещения кукушки». В имеющихся публикациях и аудиозаписях этот напев собиратели классифицируют как календарный. Например, В.М.

---

²⁷⁵ Поэтические тексты данной группы известны на широкой территории русских. Это песни: «Мальчик-кудрявчик», «По погребу бочоночек катается», «Из-под камня, камня» и др.

Щуров в сборнике «Песельники села Фоцеватова» песня «Кукушечка-любущечка» определена как *семицкая*²⁷⁶.

Поэтическая часть напева основана на строках широко известной лирической песни «Веселая беседушка»:

*...Вы, кумушки голубушки,
Подружки мои!
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Вы пойдете во зеленый сад,
Возьмите меня*²⁷⁷.

Мелодическая же линия напева соответствует законам организации верхнеоскольского МТ.

Рисунок 21²⁷⁸

♩ = 132

Ку - ми - те - ся, лю - би - те - ся, п(ы) -

ри - май - те ме - не во зе - лё - ный сад о - дны - е.

ри - май - те ме - не во зе - лё - ный сад о - дны - е.

1 - IV - II - 2/II - 1/IV 2/II - II/IV - II 2 - 1/II - 1

Кроме того, целая группа свадебных музыкальных текстов с. Фоцеватова принадлежит верхнеоскольскому МТ. В их числе и основной политекстовый напев, выполняющий регламентирующую функцию:

²⁷⁶ Щуров В. М. Песельники из села Фоцеватова. М., 1989. С. 55.

²⁷⁷ Цит. по: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. С. 262.

²⁷⁸ Цит. по: Щуров В. М. Песельники из села Фоцеватова. М., 1989. С. 55.

♩ = 128

1. Сва-шунь-кя Прас-ка-ве-я, па-ви-вай пас-ка-ре-я.

па-ви-вай пас-ка-ре-я.

Важно отметить, что песенный материал не каждого населенного пункта демонстрирует напевы свадебной и сезонной приуроченности, составляющие верхнеоскольский МТ. Например, в селе Шушпаново (Влс) исследуемому МТ соответствуют лишь сезонные напевы, а в с. Колосково, Рождествено (Влс), Репьевка (Влк) только свадебные.

Таким образом, рассмотрев локальные традиции, в которых верхнеоскольский МТ представлен наибольшим количеством напевов, можно определить его основные функции: в рамках свадебного ритуала – очерчивание каждой из драматургических линий; на уровне песенной традиции – маркер приуроченных музыкальных жанров.

Вепхнескольский мелодический тип

Свадебные напевы

(№60 в нотном приложении)

1. Ма - муш - ка - га - го - луш - ка да вы - гля - ни ва - ко - нуш - ка да вы - гля - ни ва - ко - нуш - ка.

(№64 в нотном приложении)

1. Ка - ра - вай у печь на - шёл(ы) е - ра - вой нож - ки па - лёк. е - ра - вой нож - ки па - лёк.

(№64 в нотном приложении)

1. Тру - бы-ли тру - бу - шки ды ра - на, да ра - на на за - ре, ой, лё - ло - шки, лё - ло - шки, ра - на на за - ре, у!

(№38 в нотном приложении)

Сезонно приуроченные напевы

(с. Шушпаново, паспортные сведения см. №81 в комментариях)

1. За - ря мо - я, за - ря, э, за - ря ве - чер - не - я
за - ря ве - чер - не - я.

(№ 74 в нотном приложении)

Ой, да во лу - гах, да во лу - гам(ы), ва зе - лё - ным ва лу - гам,
оx(ы), ва зе - лё - (ё) - ным ва лу - гам.

(с. Фощеватово)¹

Ку - ми - те - ся, лю - би - те - ся п(ы) - ри - май - те ме - не
во зе - лё - ный сад о - дны - е.

Описанный нами мелодический тип не встречается в соседних локальных традициях. Этномузыкологом Е.А. Дороховой были отмечены узколокальные мелодико-фактурные типы, охватывающие напевы календарного и жизненного циклов²⁷⁹ (песенные традиции курского Посемья) или более широкий круг жанров («очаговые» традиции русских сел, расположенных в окружении украинских). Причину их возникновения известный исследователь южнорусского региона видит в особенности развития «очаговых» песенных систем: «Их главными чертами являются интровертная ориентация, ограничивающая коммуникативный обмен с окружающими культурными системами, и наличие полижанровых специфически местных звуковысотных моделей, выступающих в качестве централизованного компонента традиции, ее системного знака»²⁸⁰. Возможно, сопоставление подобных явлений на материале различных традиций вскроет законы их функционирования и прольет свет на историко-культурный облик вторичных песенных систем.

3.2. Музыкальная фактура как маркер местной песенной системы

Единство, монолитность местной традиции вслед за верхнеоскольским МТ обеспечивается особым многоголосным складом значимой части музыкальных текстов. Исследуемые напевы реализуются в редких для восточно-славянской хоровой культуры полифонических формах, основанных на принципах имитационной либо канонической полифонии. Необходимо отметить, что необычайное фактурное воплощение базируется на гетерофонном изложении основной голосовой партии, представленной пучком исполнительских версий.

В параграфе 2.2. предыдущей главы уже были описаны основные виды местных многоголосных форм, реализующихся в свадебных напевах. В ходе звуковысотного анализа местной песенной традиции выяснилось, что группа рассмат-

²⁷⁹ Дорохова Е.А. Мелодико-фактурный тип как системообразующий компонент // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. М., 2008. С. 106.

²⁸⁰ Там же. С. 135.

риваемых напевов является полижанровой. Её образуют свадебные, хороводные и приуроченные лирические песни. Единственной формой совместного пения, не зафиксированной вне свадебного ритуала, оказались двухорные песни, записанные в селах Фоцеватово (Влк.) и Хмелевец (Влск.). В свою очередь, в группе лирических приуроченных песен также обособилась моножанровая форма дуэтного пения, основанного на фактуре канонического типа.

Жанровый состав напевов, реализующихся в особых видах многоголосной фактуры, представлен главным образом свадебными и сезонными песнями, которые в местной традиции находятся в теснейшей типологической связи. В таблице 10 отражена координация видов многоголосной фактуры с музыкальными жанрами.

Таблица 10

Жанровое закрепление верхнеоскольских напевов с особыми видами многоголосной фактуры

	Особые виды многоголосной фактуры	Жанр	Населенный пункт
Имитационно-канонические формы	двухорные песни	свадебные песни	Фоцеватово (Влк), Хмелевец (Влс)
	дуэтные песни	лирические приуроченные песни	Селиваново (Влс) Шушпаново (Влс) Старопузино (Влк) Тимоново (Влс) Хмелевец (Влс)
Контрастно-полифонические формы	Напевы с вокализированным подголоском	свадебные песни, хороводные песни	Шелаево (Влс) Шушпаново (Влс) Двучное (Влс) Фоцеватово (Влк)
		лирические приуроченные песни	Шелаево (Влс) Двучное (Влс)
	Напевы с элементами вокализации подголоска	плясовые	Фоцеватово (Влк) Шелаево (Влс)

Сложнейшие вокальные формы составляют так называемые дуэтные песни. Эта терминология закрепилась в устной традиции собирателей. Сами же исполнители данную ансамблевую форму, вероятно, не выделяют как особое явление,

поскольку не маркируют его каким-либо термином. На вопрос собирателей о форме исполнения отвечают, что «*по двое играли*»²⁸¹.

На сегодняшний день известно семь дуэтных песен, записанных в селах Тимоново, Селиваново, Шушпаново, Хмелевец (Влс) Старопузино (хутор от села Фошеватово, Влк). Их исполнение приурочено к ранней весне (*с Благовещенья, на Пасху*) или к осени. Подобную логику распределения в годовом цикле имеют и другие сезонные лирические песни, реализующиеся в типичной для местной традиции фактуре – дифференцированной гетерофонии.

Особая ансамблевая форма исполнения рассматриваемых музыкальных текстов обусловлена сложной имитационно-канонической организацией мелострофы. Первый стих начинает петь одна певица, а другая вступает на заключительных слогах, образуя контрапункт. Второй стих начинает петь вторая певица, а первая исполняет контрапунктную партию, состоящую из длинных или коротких вокализов и фрагментов смысловосущего стиха.

Рисунок 23

2. Бе - ла - я ды ха - ро - ша - я Ма - ша я - ли, е, ой,
 е - лё - ли, эх и
 Ма - рь(и) - ю... о, ...ка ля - ли, ли - ляй, Ни - ко - ла - ев - на.
 су Ма - рь(и) - ю... уш - ка ля - ли, ли - ляй, Ни - ко - ла - ев - на.

Лаконично изложенная мелодия стиха дуэтных песен сопряжена с высоко импровизационной контрапунктной партией. В результате определенные части ритмической формы напева получают нестабильную временную протяженность.

²⁸¹ Данные комментарии об ансамблевой форме являются единственными, зафиксированными на аудионосители экспедицией РАМ им. Гнесиных 1975 г. под руководством В.М. Щурова (Архив ПНИЛ РАМ им. Гнесиных, ор. 0892 № 6).

На стыке двух стихов контрапунктирующий голос может вступить с незначительным сдвигом от солирующего (2-3 счетные единицы), или же наоборот, практически после его завершения:

Рисунок 24

1. Э, ой,

ой, да сла-бо- да ма-я, сла-бо..., о, ох, сла-ба-да да

ой, ой, э - а - я, э - о(й).

о, Шу(о)...

ой, сла-ба-да на - ша Шу - (о-е-о)...

о - х(ы), да жа, ох, ой, ой, сла-ба-да(у). да ой - (у).

Подобный принцип «свободного» вступления соответствует и партии верхнего голоса местных лирических напевов, реализующихся в типичной для традиции дифференцированной гетерофонной фактуре (см. № 69 в нотном приложении).

Территория бытования молодежных величаний-припеваний с зачином «Беленький-хорошенький» соответствует кусту сел Валуйского района²⁸². В этих локальных традициях не зафиксировано дуэтных песен. Однако партия верхнего голоса в указанных напевах содержит элементы, характерные для контрапункта дуэтных песен. К таковым можно отнести вокализованное вступление на гласные «е», «о» и ритмический сдвиг, т.е. вступление «внахлест».

Рисунок 25

♩ = 68

4. Да па-да-бра-л(ы) са - бе па... ра-щ(и)-ку да Воль-гу ну Ди-ми... э - х(ы),

э, о - х(ы),

то Ди-ми - тре - в(ы)-ну(й).

то Ди-ми - тре - в(ы)-ну(й).

Песня «Слобода моя, слободушка» (с. Шушпаново Влс) (№ 81 в нотном приложении) примыкает к группе весенних молодежных величаний-припеваний. В других локальных традициях данный поэтический текст известен с зачином «Поле мое, полюшко»²⁸³.

Единую группу образуют две дуэтные песни с зачинами «Воля моя, волюшка» (с. Селиваново Влс) и «Родимая мамушка» (с. Тимоново Влс). Их образно-поэтический строй соответствует так называемой «девьяй» лирике. Согласно наблюдениям учёного А.М. Мехнецова, «девьяй» лирика составляет ранний исторический пласт лирических песен: «... слой ранней лирики («девьяй» лирика), формировавшийся в связи с обрядовыми жанрами народных песен, в содержании и

²⁸² Это села: Подгорное, Хмелевец Влс. и Арнаутово и Самарина Кргв.

²⁸³ Это села: Шелаево и Колыханилино Влс. Музыкально-поэтический строй этих песен отвечает особенностям местной приуроченной лирики. Важно отметить, что все напевы с данным поэтическим текстом имеют весеннюю приуроченность.

исполнении которых принимали участие преимущественно женщины»²⁸⁴. Данный поэтический текст в других селах исследуемой традиции координируется с лирическими приуроченными напевами, исполняющимися в гетерофонной фактуре²⁸⁵.

Последние две из списка дуэтных песен осенней приуроченности разведены поэтическими сюжетами.

На уровне ритмического строения рассматриваемые напевы строятся по принципу жанрово-характерных лирических песен – с внутрислоговыми распевами, структурными вставками (см. №№ 77-82 в нотном приложении).

Необходимо отметить, что способ исполнения лирических песен дуэтом зафиксирован Е.А. Дороховой в селе Линово Путивльского района Сумской области. Напев, нотированный ученым, соответствует характерной для традиции села фактуре, без смены голосовых партий²⁸⁶. Подобное исполнение дуэтных песен отмечено и в верхнеоскольской традиции. Однако эта группа текстов не реализуется в особых формах многоголосной фактуры.

3.3. Моделирующая роль свадебных концептов и песен

Комплексное изучение местной песенной системы позволяет предположить, что свадебная традиция является её генерирующим компонентом. Свадебные песни и свадебные концепты определенным образом моделируют ход праздников и ритуалов календарного круга. Со свадебными концептами оказываются связанными как отдельные музыкальные жанры, так и праздничные и обрядовые комплексы. Среди них: колядки и щедровки, часть сезонных лирических песен (с поэтическими текстами, основанными на молодежных величаниях), обряд крещения

²⁸⁴ Мехнецов А.М. Устьянские песни. «Девья лирика» / Народная традиционная культура: Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории. СПб., 2014. С. 231.

²⁸⁵ Данный сюжет отмечен в весенних напевах сел Подгорное, Двудачное Влс. и Арнаутово Кргв. За рамками исследуемого региона – встречается в ряде локальных традиций. Одна из ближайших – село Купино Шебекинского района (см.: Дорохова Е.А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб, 2013. № 49).

²⁸⁶ Дорохова Е.А. Мелодико-фактурный тип как системообразующий компонент // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. М., 2008. С. 256.

и похорон кукушки, а также обычай празднования Троицы. Кроме того, брачная тематика является основной для колядок и значимой части сезонных лирических песен. Обряд крещения и похорон кукушки и праздник Троицы получили схожее музыкальное оформление – свадебными песнями или политекстовыми свадебными напевами.

Молодежные величания в верхнеоскольской традиции составляют значимую полижанровую группу музыкальных текстов, оформляющих как календарный цикл, так и часть свадебного. Известно, что в календарно-обрядовом цикле восточных славян существует множество обычаев и обрядовых действий, направленных на социализацию молодежи и, в конечном счете, создание брачных союзов. Одна из крупнейших современных исследователей славянских календарных традиций Т. А. Агапкина отмечает, что «...“свадебная” тема стала одной из доминирующих в календаре постпасхального периода, “проникла” в разные праздники и обычаи, пронизала его символику»²⁸⁷. В верхнеоскольской песенной традиции «свадебная» тематика представлена во всем годовом цикле в этнографическом, а иногда и в песенном компонентах ритуалов и праздников.

Музыкально-поэтические тексты в календарно-обрядовом цикле местной традиции ограничены святочным периодом – это исполняемые во время обхода домов колядки и щедровки. Поэтические сюжеты разведены территориально. В северном субареале зафиксированы варианты одного сюжета – величание хозяев дома с припевом «Святой вечер» и зачином «Мы ходили, мы искали / Коляду святую», относящегося, согласно классификации Л. Н. Виноградовой, к «господарскому» циклу²⁸⁸. В южном субареале локализуются колядки «молодежного» цикла, к которому относятся «песни для дочерей и сыновей хозяина»²⁸⁹. Последние в местной традиции характеризуются равной степенью соотношения коляд девичьих и коляд для парней. По мнению Л. Н. Виноградовой, брачная тематика является единственной для коляд «молодежного» цикла: «...“молодежный” цикл

²⁸⁷ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 512.

²⁸⁸ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 38.

²⁸⁹ Там же.

коляд фактически никак не связан с идеей хозяйственного и аграрного заклинания благополучия, свойственного, как читают специалисты, обряду колядования, и не содержит почти никакой другой тематики, кроме брачной»²⁹⁰. И действительно, в ряде местных колядных текстов свадебные мотивы вполне очевидны:

*Колида, Колида,
Па проулку шла,
Сабе двор нашла.
На том дворе
Костёр горит.
Надо пиво варить,
Надо Мишку жанить*²⁹¹.

В группе девичьих коляд с сюжетом «Коляда – перепелка...», зафиксированных в разрушенных версиях, брачные мотивы выявляются лишь с учетом характерных особенностей местной свадьбы. В частности, к свадебной обрядности отсылает использование в колядном тексте специальной народной терминологии – *боярами* в свадебных песнях южного субареала величали род жениха (в севером – *купцами, поезжанами*):

*Коляда, коляда,
Я у бабтюшки одна.
Коляда, не садися.
Там бояре едут,
У будку пасодють,
Павязуть!*²⁹²

Этот же текст в более полной поэтической версии встречается в селах соседнего Шебекинского района Белгородской области: «*Колида! Пирипелка / Колида! Чистакрылка / Колида! Ни летай далека / Колида! Ни садись близка / Колида! Дли дороги / Колида! Там будут ехать / Колида! Возьмут тебе / Колида! Пасодють тебе / Колида! На колясочку / Колида! Павязуть тебе / Колида! За дубовый стол / Колида! Заставють тебе / Колида! И шить, и прясть / Колида! Початки мотать / Колида! Я ни умею / Колида! Я ни умею*»²⁹³. Как известно, «в восточнославянских свадебных и лирических песнях перепелка символизирует де-

²⁹⁰ Там же. С. 40.

²⁹¹ с. Колосково Влс (Архив ВГИИ № 744/60).

²⁹² Сообщила Гладких Дарья Филипповна, 1914 г.р. с. Хмелевец Влс (Архив ВГИИ № 717/8).

²⁹³ Карачаров И.Н. Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области. Белгород, 1995. С. 43.

вушку, невесту или молодуху»²⁹⁴, о чем свидетельствует и использование образа перепелки, в частности, в свадебных песнях Шебекинского района.

Аналитический обзор святочных величально-поздравительных текстов верхнего Приосколья не выявил каких-либо специфических текстов, а наоборот показал их включенность в общеславянскую святочную традицию. Однако, в контексте южнорусской традиционной культуры исследуемый регион выделяется явным доминированием колядок «молодежного» цикла. Архивные материалы свидетельствуют об отсутствии подобных текстов в соседней песенной традиции воронежско-белгородского пограничья. Вместе с тем с высокой плотностью они зафиксированы уже на значительно удаленном расстоянии – на приграничной с Сумской и Харьковской областями Украины территории (Грайворонский район Белгородской области). Примечательно, что не «господарский» – ранний и коренной для колядок – цикл, а именно «молодежный», более поздний, теснейшим образом связанный со свадебной тематикой и свадебными текстами закрепился в местной традиции.

Если местные календарные тексты, соотносимые с исторически более ранним культурным слоем, демонстрируют общность музыкальных и вербальных структур с восточнославянской традицией, то более поздние жанры сезонной приуроченности – яркую местную специфику.

Обширную группу в верхнеоскольской традиции составляют сезонные лирические песни. Сюжеты верхнеоскольских сезонных лирических песен в подавляющем большинстве относятся к так называемой «женской» лирике. Условно их можно разделить на три группы: 1) песни с любовной тематикой; 2) песни о девичьей воле, доле; 3) величальные песни-припевки. Первая группа охватывает наибольшее количество текстов. Поэтическое содержание разводит эту группу на два подраздела: о грезах счастливой любви («Посвистай, соловьюшек, во саду», «Летал соловьюшек во саду», «Донюшка белая» и др.) и о разлуке с милым («Матушка, тошно мне», «Ваня, беленький дружочек» и др.).

---

²⁹⁴ Гура А.В. Символика животных в славянских народных верованиях. М., 1997. С. 719.

Любовные желания в текстах воплощаются с помощью устойчивых поэтических образов-символов: зеленый сад, виноград, пение соловья:

Рисунок 26.

$\text{♩} = 42$

1. Ле-тал, ле-тал са-ла-во-ю-шек(ы) па са-ду

е, ой, лё-ли, а-ли лей лё-ли да па са-ду

е, ой, лё-ли, а-ли-ляй, лё-ли да па са-ду.

*Летал, летал соловьюшек по саду
Е, ой, лели, али лей, лели, по саду.*

*Скучилась соловьюшке ад(ы)наму
Да кабы же мне с саловьюшкой, соловью
Да я бы с тобой усю ночушку щебетал
Да усю ночку не умолкал.*

Тема несчастной любви передается через переживания девушки о разлуке с милым или выражение тоски по нему:

Рисунок 27

$\text{♩} = 53$

на м(ы) не, э ой,
1. О - х(ы), ма - туш - ка ли то... о - х(ы), тош - на м(ы) - не (е),
га-су - да - ры - ня г(ы) - рус - на ...а м(ы) - не о - х(ы),
ру - с(ы) - на
сам(ы) ни з(ы) - на - ю (у), я са - ма а де - в(ы) - ка па - ча - му(й).

*Ох, матушка ли то..., ох, тошино мне,
Государыня, грустна мне, ох
Сама не знаю, девка, почему.*

*Почаму ж эта ли с го..., ох, горюшка
Забалела больно галовушка, ох,
Либо я с горя, а либо я с горя помру...*

Группа текстов о девичьей доле малочисленна и локализуется в кусте сел (Тимоново, Подгорное, Селиваново Влс, Арнутово Кргв, Фощеватово Влк):

*Ды радимая мамушка, ой,
Ды на горюшку спаро... е-ох, да спародила.
Ды на горюшку спародила, Визать алу лентушку.
Ды на горюшку вяликаю. Атдала ши мине мамушка
Ды ня к чаму не выучила. Да в чужую сторонушку,
Тольки мине выучила Да за нямилага дружочуку.
Заплетать дробна косушку, За нямилага, пастылага²⁹⁵.*

В селе Селиваново (Влс) «Волюшка» исполнялась дуэтом. Из редких комментариев известно, что пели ее *самя на Паску ... Как выйдут на гору, дак уся*

²⁹⁵ Записано в с. Подгорное Влс. в 1980 г. А.Н. Ивановым (Личный архив А. Н. Иванова).

деревня [слышит – авт.]. *Рели у нас были, ани там сядут, тах-та*²⁹⁶ (см. Рисунок 28).

Т.А. Агапкина, отмечает, что качание на качелях в определенные праздничные дни было известно на широкой славянской территории. У восточных славян установка качелей производилась в основном на Пасху, а также на Троицу и петровские праздники. Главными действующими лицами были молодые люди и девушки брачного возраста, «а само качание на качелях – одной из форм половозрастного посвящения»²⁹⁷. Опираясь на анализ научной литературы по данной проблематике и многочисленных этнографических сведений, Т.А. Агапкина комментирует свою точку зрения: «Нам представляется, что состояние полета, достижения высшей точки возможного подъема, перемежающееся с падениями, символически соотносится с неустойчивостью социо-возрастного положения девушек, стремящихся обрести статус невест и как бы «проходящих проверку» на зрелость. В типологическом плане качание можно, вслед за ван Геннепом, сравнить с типичным *rite de passage*, лишь пройдя через который личность обретает стабильность, но уже в новом для себя статусе»²⁹⁸.

Особая форма исполнения этой песни, безусловно, вызывает интерес. Об этом примере и других типологически схожими с ним формами совместного пения речь пойдет в следующем разделе. В рамках задач текущего раздела исследования нас более всего интересует этнографический контекст исполнения данной лирической песни.

²⁹⁶ Записано в с. Селиваново Влк в 1975 г. В.М. Щуровым (Архив РАМ им. Гнесиных ф. 0892-6). Исполнители: Полухина Домна Петровна, 1910 г.р., Антипова Анна Никифоровна, 1903 г.р.

²⁹⁷ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 507-508.

²⁹⁸ Там же. С. 508.

$\text{♩} = 118$

1. Э, ой, во - ля на - ша

во - лю - ши - ка на ой,
...ка, ды ой,

ды во - ля на - ша де..., ой,
э о - (а), ой, о, е,

э э, о, у!
на - ша де - (э - о) - вичь - я (й).

На юге России *рельные* песни имеют точечную фиксацию. По публикациям и архивным материалам известны подобные образцы, записанные в селах Бубново и Хмелевое Корочанского района Белгородской области²⁹⁹, Татарино и Березки Каменского района Воронежской области³⁰⁰, Линово Путивльского района Сумской области³⁰¹. Существенным отличием верхнеоскольской рельной песни является ее поэтический сюжет о девичьей воле. В исследуемой традиции песни с таким сюжетом звучали только в весенний период, к тому же могли исполняться на с величальными припевами общий политектовый напев.

²⁹⁹ Архив ГРЦРФ ф. 00743-1-3.

³⁰⁰ Сысоева Г.Я. Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья. Воронеж, 2011. С. 38.

³⁰¹ Дорохова Е.А. Музыкально-фольклорная традиция горюнов в контексте восточнославянской традиционной культуры // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Выпуск 174. М., 2008. С. 256.

Поэтика таких песен, как и «молодежных» колядок, основана на припевании девушки к парню с целью создания семейной пары. Корпус местных молодежных величаний образуют тексты двух типов:

- величальные припевки (тексты, ограничивающиеся перечислением создаваемых пар и минимальным набором эпитетов);
- «развернутые» величания (тексты с характерным зачином, содержащим административное название села или его частей).

К величальным припевкам относятся тексты с зачином «Беленький хорошенький» (Двулучное, Подгорное, Хмелевец Влс. и Араутово и Самарина Кргв) и целая группа припевок, исполняющаяся на свой политекстовый напев, записанная в селах Фошеватое и Старопузино (Влк). Вторую поэтическую группу образуют родственные между собой по тексту величальные припевания с зачинами «Слобода моя, слободушка» и «Поле наше, полюшко» (Двулучное, Шелаево, Колыхалино, Подгорное и Шушпаново Влс). Как видно, ареалы каждой из поэтических групп складываются вокруг куста сел (за исключением села Подгорное (Влс) - так называемая зона интерференции).

К настоящему времени исполнители подобных текстов не помнят. Архивные сведения, определяющие этнографический контекст их исполнения чрезвычайно скудны. О ситуации исполнения припеваний южного субареала косвенно свидетельствует народная терминология – их называют *весенними, весновыми, величальными, улишными*. Известно, что в с. Самарино (Кргв) после величания парень целовал припетую ему девушку. Исполнители из с. Подгорное (Влс) рассказывали: *«Пары просватанные так величают<...>. Бувало и на лугу играли. Бувало в поли сидим: «Ну, давай “Слободу Микитовку” играть» - абы пара»:*

Слобода, слободушка,

Слобода Микки... ох(ы), да Микитовка.

Слобода Микитовка,

Да приселки Самарина

Да село то Подгорное.

Харашо яно настроено,

Да тесам абгарожена,

Да садами юсожена.

Да садами зеленами,

Да яб(ы)лаками садовыми,

Да слаткими мядовыми.

На бугрике ябланка

Стаить не качается,

Да не сильно рожается.

Да всего по два яб(ы)лачка,

Да по д(ы)ва краснобоких.

Первае яблачка –

Иван то Васильевич

Другая яблачка

Марья то Иванавна³⁰².

³⁰² с. Подгорное Влс. Запись и исполнители см. выше.

Ряд параллелей с верхнеоскольскими молодежными припевами обнаруживается в припевках на «полевой голос», зафиксированных А. А. Мехнецовым в Псковской области: «Среди толочанских обычаев северо-западных районов области (Печорского, Палкинского) особого внимания заслуживают специальные припевки – сольный зачин с многоголосным хоровым распевом на «о», так называемый «полевой голос», в которых припевали молодца к девушке»³⁰³. Тексты псковских припеваний выстраиваются аналогичным образом. Ср.: «*Ой хароший молодец, Николай Васильевич! Ой... / Ой, яму понравилась Мария Ивановна! Ой...*»³⁰⁴.

В ряде сел Волоконовского района (Фощеватово, Старопузино, Осколище) величальные песни-припевания исполняются на иные политекстовые напевы, являющиеся близкими вариантами:

Рисунок 29

1. Ой, заш - ла сон - ца, да за ви - кон - ца,
да за сад - ви - наг - рад, о - х(ы),
са - д(ы)
да за са - д(ы) ви - на - град.

³⁰³ Песни Псковской земли. Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории). Вып. 1 / Сост. А. Мехнецов. Л., 1989. С. 117.

³⁰⁴ См.: № 318 в указ. сб.

*Ай, цалуйтесе, да милуйтесе,
Да х(ы)то каму рад,
Да х(ы)то каму рад.*

*Ой, Мариюшка да Иванушки
Да раденькя да была.
Узила его да за рученку
Да ю сад(ы) павела,
Узила ана ши красна яб(ы)лачкя
Да ю ручкю дала.*

В этой местности напевы приурочены к трудовой деятельности (*когда орехи собирают, когда полят*), что возможно объясняет и появление трудовых припевок среди величальных:

*Ой, да мы доподем до межи
Да лежим, да полежим.³⁰⁵*

Величальные припевания исполнялись и во время свадебного обряда. В связи с этим особого внимания заслуживает обычай их пения на девешнике, что создавало яркий контраст звучавшим там же прощальным песням. Подружки невесты припевали парню понравившуюся девушку, а тот обязательно расплачивался с исполнительницами: *«Как панравится какая парню девка, за того и величают ее. Ну, то ж песня «Долина, долинушка». Всем адна песня. Девчата адаряли семенем гарбуза, арехи сыпали ребятам, а ани кидали капейки... можа три капейки. Ана ж ходя с кружкой. Ну, кружка пустая, накрытая платочком. Вот он за эту павеличался – должён деньги платить. Мы павеличали. Падходя да тоей, да Натальи, пацаловал её... и кидает туда деньги. А другой: «Мене за вот эту павеличайте». Тады величают другова».*³⁰⁶

³⁰⁵ Записано от Скуридиной Марии Степановны, 1920 г.р. с. Фошеватово Влк (Архив ВГИИ № 751/17).

³⁰⁶ Записано от Потаповой Анастасии Афанасьевной, 1919 г.р., с. Двулучное Влс (Архив ВГИИ № 722/11).

Рисунок 30

1. Да - ли - на, да - ли - нуш - ка, да - ли - на ши - ро - ка - я

Ой(и), лё - ли, ой, лё - ли, да - ли - на ши - ро - ка - я.

В селах Тимоново, Колосково, Шелаево (Влс) величали под песню «Аленький наш цветок», а после того как парень заплатил, пели ему «Благодарство».

Рисунок 31а.

1. А - лень - кий наш цве - то - к(ы) ды И - ван жа Ми - хай - ла - вич,

О, И - ван жа Ми - хай - ла - вич.

*Аленький наш цветок
Да Иван жа Михалович,
Э-о, Иван жа Михайлович.
Иде ш тебе посадить,
И чем тебе угастить.*

*Девушку падорим,
Прасковью Ивановну
Да девушка бровая,
Белая руменая*

♩ = 192

1. Бла - го - дарст - во И - ва - нуш - ки, бла - го - дарст - во И - ва - на - ви - чу
 За е - го баль - шой да - р(ы), за е - го баль - шой да - р(ы),

*Благодарство Иванушки,
 Благодарство Ивановичу
 За его большой дар,
 За его большой дар(ы).*

*Он горазд в терём ходить,
 В терём ходя – девок доря.
 Ни рублем с полтинаю –
 Залатаю гривнаю³⁰⁷.*

После девичника молодежь не расходилась по домам, а оставалась ночевать у невесты: «*Раньша <...> вот ребята те-та усе астаюца, ребята с девками спать на саломе, на зярне. Эта ишо мая мама рассказывала. С кем павеличался – с тем и аставайся. Салому хозяин привез, разослал и ложаца все рядушкам на пару. А жених с невестой не астаюца*».³⁰⁸ Можно предположить, что величание молодежи и последующее ночное пребывание парня с понравившейся и выкупленной девушкой в рамках свадебного обряда должны были способствовать скорейшему созданию новых брачных союзов.

На образование молодежных пар в ряде иных локальных традиций направлены специальные хороводные игры. В верхнем Приосколье не зафиксировано ни одного подобного музыкально-хореографического текста. Возможно, именно величальные припевки в местной традиции заняли нишу игровых хороводов. Подтверждением тому может служить соседняя традиция воронежско-белгородского пограничья, где, наоборот, не встречаются молодежные припевания, зато широко распространены игровые хороводы, также приуроченные к весеннему периоду.

³⁰⁷ с. Колосково Влс. (Архив ВГИИ № 744/15).

³⁰⁸ Там же. № 722/17.

Доминирующая позиция свадебных концептов в местной традиции, видимо, оказала влияние на формирование тематики обрядовых и календарно приуроченных поэтических текстов. В частности, местные сезонные песни ориентированы на круг образов и переживаний молодежного возрастного периода. Значимость величальных припеваний для традиции верхнего Приосколья подчеркивается и их закрепленностью за определенными ритуалами, сезонами или формами трудовой деятельности как в обрядах и праздниках календарного, так и жизненного циклов.

Свадебные песни в обрядах и праздниках календарного круга

Моделирующая роль свадебных концептов определила и облик календарных ритуалов и праздников. Так, в обряде крещения и похорон кукушки наряд этого ритуального персонажа содержит элементы костюма девушки-невесты. Кроме того, в пару кукушке могли изготавливать и обрядовую куклу мужского пола – *кукона*³⁰⁹.

В качестве музыкального оформления обряда повсеместно используются свадебные музыкально-поэтические тексты или только свадебные напевы. В северной части ареала *крещение похороны кукушки* сопровождают напевы свадебных песен-припевок, исполняемых во время обрядов выкупа невесты и её повиновения. Например, в с. Захарово (Чрн) текст «Кукушка-рябушка / Приляти под окошко / Покукуй нам немножко» был исполнен на напев корильных песен, звучавших при выкупе невесты и выполнявших коммуникативную функцию.

Рисунок 32

1. Ку - куш - ка - ря - буш - ка, пад - ля - ти пад а - кош - ка, па - ку - куй намням - нож - ка, э.

В верхнеоскольской свадебной традиции песни-припевки с шестисложной структурой стиха и цезурированными ритмическими периодами, в каждом селе поются на свой политекстовый напев, реализующий линию контакта родов (см. Рисунок 34 и №№ 11-16 в нотном приложении):

³⁰⁹ Подробнее см: Гл. 1. с.59.

$\text{♩} = 102$

1. Друж - ко - ба - га - ти - на,
друж - ко - ба - га - ти - на, и - ди к нам у ха - ту,
и - ди к нам у ха - ту.

Для южного субареала характерно включение в обряд свадебных прощальных песен, исполняемых на девичнике («Как у саде на веточке кукушка кукует» (Долгое Вдл, Хмелевец Влс), «По-за лесиком кукушечка кукует» (Брянские Липяги Вдл.):

1. Поза ле - си - кам там ку - ку - шач - кя - (ай) ку - ку - я, а - (е),
ой, ле - ли, дай ле - ли, ле - ли, ку - ку - я.

Вместе с тем в свадебных поэтических текстах, связанных с инициационной линией ритуала, практически на всей исследуемой территории отмечен образ кукушки: на девичнике исполнялись песни «Перед сенями, сенями кукушечка кукует» (Фоцеватово Влк), «Да кукуй же, кукушечка, да не умолкай» (Брянские Липяги Вдл), при повивании: «Повили кукушку» (Васильдол Нвс, Верхнее Кузькино Чрн, Фоцеватово Влк, Шелаево, Безгодовка, Насоново Влс) и др.

Механизм отбора конкретных свадебных песен или напевов для озвучивания календарного обряда позволяет предположить, что сценарий местной свадьбы определенным образом отразился на сценарии рассматриваемого календарного обряда. При продвижении по исследуемой территории с севера на юг отмечается явный количественный рост медленных свадебных песен, как комментирующих ход ритуала, так и прощальных, при этом и те и другие поются на политекстовые напевы. Усиливается значимость и количество инициационных ритуалов: в южном субареале зафиксирован развитый прощальный комплекс – *посад*, причитания невесты при встрече подруг на *девишнике*, при исполнении прощальных песен, утром свадебного дня, во время бужения подруг.

Сходная динамика прослеживаются изменения в сценарии обряда *крещения и похорон кукушки*. В северной зоне центральное место занимает процесс хождения девушек по селу с последующим кумлением в саду на *Звесеньё* (Вознесение), отсюда и соответствующие названия ритуала: *крестить кукушку* и даже *повивать кукушку* (с. Русская Халань Чрн). В южном субареале сценарий обряда более сложный и протяженный во времени – от Вознесения до Троицы. В ритуале актуализируется проводная семантика, о чем свидетельствуют и диалектные его названия: *хоронить кукушку*, *провождать кукушку*.

Проводная семантика данного календарного обряда может усиливаться особыми ритуальными действиями: в селе Двухлучное (Влс) для кукушки изготавливали гробик, в котором ее на Троицу хоронили: «Ну, *ана же* (кукушка – авт.) *да Троицы, а патом ана уже всё – улетаю. Ну вот мы ее пахаранили, патом пришли, начали паминать... А вот Звесьяньё – мы ее пакрестили и на лозу повесили, на вышнину можна там пасадыть. И ана сидит до самой Троицы. ...Сделаешь ей беленькую платьщю, хвату из бинту сделаешь, как нявесту наряжали... И мы туды (в гроб) настелим, падушечку – ну как и сейчас харонють – падушачку сделаем маленькею и патом ее паложим, запечатаем и начинаем галасыть па ей...»³¹⁰. В южном субареале записано и единственное голошение по кукушке:*

³¹⁰ Сообщила Неделеяева Евлампия Никифоровна, 1928 г.р. с. Колосково Влс. (Архив ВГИИ № 720/36).

♩ = 188

1. О - х(ы), ми - ла - я ши ты, ма - я ку - ку - шач - кя.

2. О - х(ы), жа - ло - б(ы) - на - я ты дю - жа гур - ку - шач - ка

3. А ка - к(ы) жа ты дю - жа жа - ла - б(ы) - на гур - ку - ишь.

Таким образом, имеющиеся экспедиционные материалы указывают на теснейшие связи двух ритуалов. Субареальные комплексы, выделенные в процессе типологического описания свадебного ритуала, обнаруживают соответствия в различных местных версиях обряда *крещения и похорон кукушки*. Централизующая и структурообразующая роль свадебных песен и свадебных концептов в верхнеоскольской песенной традиции очевидна. На приоритет свадебных музыкально-поэтических текстов указывает и оформление ими обряда *крещения и похорон кукушки*. Важно отметить, что в песенной традиции белгородско-курского пограничья аналогичный обряд оформляется хороводными песнями³¹¹ – централизующим компонентом местной песенной системы (термин Е.В. Гиппиуса).

³¹¹ См. песни: «Ты черема, ты черемушка кусток» (Карачаров И.Н. Песенная традиция бассейна р. Псел. Белгород, 2004); «Хощем, хощем кукушашку перекстить» (Журавлева Е.А. Похороны кукушки // Живая Старина. 1994. № 4. С. 32).

Заключение

В настоящей работе представлена песенная традиция, сложившаяся в верхнем течении бассейна реки Оскол (Белгородская область). Географическое положение исследуемого региона, определяемое зоной так называемого русско-украинского пограничья, позволило рассматривать его в контексте южнорусской традиционной культуры.

Принадлежность верхнеоскольской песенной традиции к южнорусской региональной системе проявилась в общих ключевых признаках: организации свадебного ритуала по типу свадьбы-веселья (термин Б.Б. Ефименковой), обилии поэтических текстов с «алилешными» рефренами среди хороводных, свадебных и сезонных лирических песен. С другой стороны, песенная система верхнего Приосколья обнаружила признаки, до сих пор не отмечаемые исследователями южнорусских традиций. Она оказалась ориентированной и на музыкальные традиции коренных славянских поселений, что проявилось, прежде всего, в типологическом родстве сезонно приуроченных и свадебных напевов.

Избранный ракурс исследования (а именно – анализ песенной системы сквозь призму её основных компонентов) позволил выявить доминантное положение свадебного музыкально-этнографического комплекса, что в совокупности со множеством свадебных концептов, формирующих облик местной традиции, характеризует ее как «свадебную». Этот факт в новом свете раскрывает и народную музыкальную культуру юга России, до сих пор называемую исследователями «алилешной».

В ходе работы удалось вывить компактные зоны проживания русских и украинцев, очерчить границы верхнеоскольской песенной традиции, определить ее внутреннюю организацию, основанную на взаимодействии двух субареальных комплексов – северного и южного. В результате ареальных исследований были составлены карты-схемы, отражающие особенности материальной и духовной культур рассматриваемого региона.

Формирование традиционной культуры верхнего Приосколья, как и ряда других на юге России, связано со строительством сторожевых крепостей на Белгородской засечной черте. Однако ареал исследуемой традиции очерчивается руслом реки Оскол. Данные факты в совокупности указывают на более позднюю консолидацию населения и в то же время демонстрируют архаичный тип приречного расселения, отмечаемый исследователями на территориях коренных славянских поселений.

Цельность верхнеоскольской песенной традиции обеспечивается:

- 1) Единством жанровой системы, центральную группу в которой занимают свадебные песни; результаты исследования указывают, что определяющим фактором в этой системе является обрядовое пение, характеризующееся наличием следующих признаков: вариантно-гетерофонной фактуры в совместном пении, узкообъемных амбитусов звукорядов, модальной мелодики, формульности напевов, в ряде случаев политекстовых, иногда закрепленных за определённой функцией. Большинство из перечисленных признаков Эвальд считала характерными для исторически наиболее раннего слоя напевов;
- 2) наличием монолитного свадебного сценария, соответствующего типу «свадьба-веселье» (в качестве знака местной традиции выступает диалектное название свадебного дерева – *каравай / караваль*; характерный колорит получили и заключительные обряды, наполненные компонентами, заимствованными из культуры соседних украинских сел: обычай катать свекровь на тачке / *тарантайке*, ритуальное действие под названием *жито молотить*, установка красного флага или куклы на доме жениха (в случае, если невеста оказалась *честной*), забивание кола в доме жениха и др.);
- 3) комплексом свадебных музыкально-ритмических форм. Набор ритмических форм позволяет выделить исследуемую традицию (контрольными точками при сопоставлении с другими песенными системами явились напевы со стихом 6+6, доминирующие в исследуемой традиции и со стихом 5+3, точно фиксируемые в верхнеоскольской свадьбе). Ритмическая организация свадебных напевов демонстрирует функциональное закрепление конкретных СМРФ за

основными линиями ритуала. В результате напевы с одной формой стиха могут озвучивать разные линии в зависимости от их ритмического строения. Местную специфику проявили напевы контактной линии со стихами 6+6 и 7+7, исполняющиеся на одни и те же поэтические тексты, но по-разному ритмизованные;

- 4) общностью звуковысотного строения свадебных и части лирических сезонно приуроченных песен. Мощное объединяющее начало заложено в соответствии данных напевов межжанровому верхнеоскольскому мелодическому типу. Другой скрепляющий компонент проявился в особенностях многоголосного строения указанной группы напевов. Местные формы многоголосия соответствуют дифференцированной гетерофонии (что является характерным для напевов ряда локальных традиций южнорусского региона), но сочетаются с узколокальными видами вокализированных подголосков;
- 5) наличием редких для восточнославянского музыкального фольклора форм ансамблевого пения двумя хорами и дуэтом;
- 6) отсутствием развитых хореографических компонентов, но повсеместно отмечаемых в других локальных традициях юга России (старожилам неизвестно слово *танок*, широко употребляемое в традиции курского Попселья; не зафиксировано здесь и какого-либо специфического ритма пляски типа *пересека*, характерного для песенной традиции воронежско-белгородского пограничья);
- 7) единой системой праздников и ритуалов календарного цикла (в частности, доминирующее положение среди обрядов весенне-летнего периода занимает обряд *крещения и похорон кукушки*, приуроченный к Вознесению, в отличие от соседних песенных традиций, в которых кульминацией этого периода является обряд кумления девушек на Троицу);
- 8) бытованием единого типа женского крестьянского костюма (комплекс с юбкой), отличного от традиционной одежды соседних регионов.

Моделирующую функцию исследуемой песенной системы выполняют свадебные песни и свадебные концепты. В совокупности они составляют ядро верхнеоскольской традиции. Свадебные напевы и свадебные песни используются при

озвучивании иных обрядовых ситуаций (величания молодежи, обряд «крещения и похорон кукушки»), а свадебными концептами оказались пронизаны обряды и песни календарного круга. Доминантное положение свадьбы отражает фиксацию традиционной культуры верхнего Приосколья в определенном историческом срезе. Логично предположить, что трансформация местной песенной системы соотносится с периодом вторичной колонизации южнорусских земель. Возможно также, что именно в это время происходила активная консолидация населения и актуализировались жанры жизненного цикла.

Принятые сокращения:

Список сокращений названий архивов

Архив ГРЦРФ – Архив Государственного республиканского центра русского фольклора;

Архив БГЦНТ – Архив Белгородского государственного центра народного творчества;

Архив КНМ ВГИИ – Архив Кабинета народной музыки Воронежского государственного института искусств;

Архив кафедры ИНП БГИИК – Архив кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры;

Архив БГМНК – Архив Белгородского государственного музея народной культуры.

ЛА А.Н. Иванова – Личный архив А.Н. Иванова

Список сокращений географических названий

Валуйский район - Влс

Волоконовский район – Влк

Вейделевский район - Вдл

Корочанский район - Крч

Красногвардейский район - Кргв

Новооскольский район - Нвск

Старооскольский район - Стск

Чернянский район - Чрн

Шебекинский район – Шбк

Список экспедиций, проводившихся в бассейне р. Оскол

Район	Село	Год записи	ФИО собирателей	Место хранения записей
Чернянский	Верхнее Кузькино	1994	А.Н. Иванов, М. М. Крюкова, С.М. Крюков	Архив ГРЦРФ: ЦФЭ00735, ЦФЭ00736
		1998	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 462- 465
		1998	В.А. Котеля, Н.А. Урванцева	Архив БГЦНТ: БГЦД00109134, БГЦД00109149, БГЦД00109164
	Прилепы	1994	А.Н. Иванов, М. М. Крюкова, С.М. Крюков	Архив ГРЦРФ: ЦФЭ00737
	Русская Халань	1998	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 466, 469
	Захарово	1998	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 466, 468
	Елецкое	1998	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив ВГИИ: КНМ ВГИИ №№ 468
	Холки	1998	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 459-461
Ново-оскольский	Васильдол	1994	А.Н. Иванов, М. М. Крюкова, С.М. Крюков	Архив ГРЦРФ: ЦФЭ00741, ЦФЭ00742
		1999	Н.С. Кузнецова, Л.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 608-613
	Тростенец	1975	В.М. Щуров	Архив РАМ им. Гнесиных оп. 1826
		1998	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 470
		2009	Н.С. Кузнецова, С.П. Коноваленко	Архив кафедры ИНП БГИИК
	Солонец-Поляна	1999	Н.С. Кузнецова, А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 601, 604, 606
	Макешкино	1999	Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ № 607
		2009	Н.С. Кузнецова, С.П. Коноваленко	Архив ИНП БГИИК
	Мозалёвка	1981	В.М. Щуров	Архив РАМ им. Гнесиных оп. 1687
	Боровое	1999	Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 606-608
	Боровогринёв	2009	Н.С. Кузнецова, С.П. Коноваленко	Архив кафедры ИНП БГИИК
Богородское	2009	Н.С. Кузнецова, С.П. Коноваленко	Архив кафедры ИНП БГИИК	

	Оскольское	2009	Н.С. Кузнецова, С.П. Коноваленко	Архив кафедры ИНП БГИИК
	Погромец	2009	Н.С. Кузнецова, С.П. Коноваленко	Архив кафедры ИНП БГИИК
Волоко- новский	Фощеватово	2000	Г.Я. Сысоева, М. Мельман, К. Жеглатая, Ю. Плешкова	Архив КНМ ВГИИ №№ 753-757
		2001	Г.Я. Сысоева, М. Мельман	Архив КНМ ВГИИ №№ 897-898
		1996	Н.В. Солодовникова, Е.В. Кротова	Архив БГЦНТ БГЦД00066
	Осколище	2000	Г.Я. Сысоева, М. Мельман, К. Жеглатая, Ю. Плешкова	Архив КНМ ВГИИ
	Репьевка	1996	Н.В. Солодовникова, Е.В. Кротова	Архив БГЦНТ БГЦД00066
	Волчья Алексан- дровка	1996	Н.В. Солодовникова, Е.В. Кротова	Архив БГЦНТ БГЦД00066
	Грушевка	1996	Н.В. Солодовникова, Е.В. Кротова	Архив БГЦНТ БГЦД00066
Валу́йский	Шелаево	1975	В.М. Щуров	Архив РАМ им. Гнесиных ор. 0889-0892
		2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 723-730
		2012	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
	Селиваново	1975	В.М. Щуров	Архив РАМ им. Гнесиных ор. 0892
	Шушпаново	1975	В.М. Щуров	Архив РАМ им. Гнесиных
	Хмелевец	2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 717-720
	Шумилино	2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ № 718
	Тимоново	2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 718-719, 721
		1994	А.Н. Иванов	ЛА А.Н. Иванова
		2012	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
	Безгодовка	2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 736, 739-742
	Насоново	2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ № 732
	Колосково	2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 744-747
	Двулучное	1979, 1980, 1981	А.Н. Иванов	ЛА А.Н. Иванова
		2000	Г.П. Лексин, Н.С. Кузнецова, И.Н. Лагудочкина	Архив КНМ ВГИИ №№ 722-723

		2012	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
	Солоти	2012	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
Вейделевский	Брянские Липяги	2000	А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 794-797
	Белый Колодезь	2000	А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 794-797
		2012	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
	Колесняки	2000	А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 794-797
	Яропольцы	2000	А.С. Котова	Архив КНМ ВГИИ №№ 794-797
Корочанский	Бубново	1994	А.Н. Иванов, М. М. Крюкова, С.М. Крюков	Архив ГРЦРФ: ЦФЭ00743
		2003	Н.С. Кузнецова	Архив КНМ ВГИИ
	Жигайловка	2014	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
	Соколовка	2014	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
Старооскольский	Роговатое	2013	Н.С. Кузнецова, А.А. Басаргина, Н.А. Бурханова	Архив БГМНК
	Роговатое Шаталовка, Городище, Солдатское	2001	Н.С. Кузнецова, М. Мельман, Ю.В. Плешкова	Архив КНМ ВГИИ №№903-908
Красногвардейский	Верхососна, Остроухово, Завальское, Подгорское, Красное, Веселое, Раздорное, Гредякино, Палатово, Плюхино	2002	Н.С. Кузнецова, М. Мельман, Ю.Плешкова, М. Анисимова	Архив КНМ ВГИИ №№1144-1163
	Арнаутово	1979	А.Н. Иванов	ЛА А.Н. Иванова
	Самарина	1980	А.Н. Иванов	ЛА А.Н. Иванова

Список литературы

1. **Агапкина, Т. А.** Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян / Т.А. Агапкина. – М. : Издательство «Индрик», 2000. – 336 с.
2. **Агапкина, Т. А.** Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т.А. Агапкина. – М. : Издательство «Индрик», 2002. – 816 с.
3. **Арановский, М.Г.** Музыкальный текст: Структура и свойства / А.М. Арановский. – М. : «Композитор», 1998. – 341 с.
4. **Артеменко, Е.Б.** Принципы народно-песенного текстообразования / Е.Б. Артеменко. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1988. – 173 с.
5. **Асафьев, Б.В.** О народной музыке / Б.В. Асафьев / Вступ. ст. И.И. Земцовский, А.Б. Кунанбаева. – Л. : Музыка. Ленингр. отд-ние, 1987. – 248 с.
6. **Афанасьев, А. Н.** Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах / А.Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1994. – Т.1 – 416 с. – Т.2 - 1995. – 400 с. – Т.3 – 1995. – 416 с.
7. **Багалей, Д.И.** Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д.И. Багалей. – М. : Университетская типография, 1887. – 634 с.
8. **Байбурин, А. К.** Ритуал в традиционной культуре / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993 – 237 с.
9. **Байбурин, А.К.** Коды обряда и их взаимодействие / А.К. Байбурин // Фольклор: проблемы изучения, сохранения и пропаганды. Тезисы Всероссийской научно-практической конференции в 2-х ч. Ч. 1. – М. : ГМПИ им. Гнесиных, 1988. – С. 139 – 145.
10. **Байбурин, А.К., Топорков, А.Л.** У истоков этикета / А.К. Байбурин, А.Л. Топорков – М. : Наука, 1990. – 168 с.

11. **Байбурин, А.К., Левинтон, Г.А.** К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе / А.К. Байбурин, Г.А. Левинтон // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / Под ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштам. – Л. : Наука, 1978. – С.89 – 105.
12. **Балашов, Д. М., Марченко, Ю. И., Калмыкова, Н. И.** Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Д.М. Балашов, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыкова. – М. : Современник, 1985. – 390 с.
13. **Белогурова, Л.М.** Смоленские свадебные дразнилки / Л. М. Белогурова // Живая старина. – 2011. – № 2. – С. 18– 23 .
14. **Беляев, И. Д.** О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича / И. Д. Беляев – М. : Университетская типография, 1846. – 185 с.
15. **Бережной, А. А.** Заселение юго-востока Белгородской области в XVIII веке [Электронный ресурс] / А.А. Бережной. – Режим доступа: <http://historybel.narod.ru/beregnoj1.htm>
16. **Бернштам, Т. А.** Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX века / Т. А. Бернштам // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. – Л. : Наука, 1977. с. 49– 71.
17. **Бернштам, Т. А.** Обряд «крещение и похороны кукушки» / Т.А. Бернштам // Материальная культура и мифология. Сборник музея Антропологии и этнографии. XXXVII. – Л. : Наука, 1981. – С. 179 – 203.
18. **Бершадская, Т.С.** Основные композиционные закономерности многоголосия русской народной (крестьянской) песни / Т.С. Бершадская. – Л. : Музгиз, 1961. – 160 с.
19. **Богатырев, П.Г.** Традиция и импровизация в народном творчестве / П.Г. Богатырев / Вопросы теории народного искусства. – М. : Искусство, 1971. – 511 с.

20. **Валенцова, М.М.** Магические функции еды / М.М. Валенцова // Традиционное русское застолье: сборник статей. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. – 352 с. – С. 202 – 215.
21. **Веретенников, И.И.** Белгородские карагоды / И.И. Веретенников. – Белгород : Издательство Везелица, 1993. – 114 с.
22. **Винарчик, Л. М.** Мелогеография Смоленского региона и проблемы реконструкции этномузыкального ландшафта: дисс... канд. иск.: 17.00.02. / Лариса Михайловна Винарчик ; РАМ им. Гнесиных. – М., 2000.
23. **Винарчик, Л. М.** Хороводные песни Восточной Брянщины в их территориальном распределении / Л.М. Винарчик // Картографирование и ареальные исследования в фольклористике: сборник трудов: Вып. 154 / Сост. О.А. Пашина; РАМ им. Гнесиных. - М., 1999. – 220 с. – С. 64-86.
24. **Винарчик, Л. М.** Южнорусские хороводы – перекресток календаря и свадьбы / Л.М. Винарчик // Живая старина – 2001. – №2. – С.24 – 28.
25. **Винарчик, Л.М.** Жанровое переосмысление и проблема жанровой атрибуции напевов (на материале весенних календарных песен Смоленской области) / Л.М. Винарчик // Фольклорный текст: функция и структура: сб. тр. РАМ им. Гнесиных (отв. Ред. М.А. Енговатова). – М., 1992. – Вып.121.– С. 32 – 57.
26. **Виноградова, Л.Н.** Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования / Л. Н. Виноградова. – М. : «Наука», 1982 – 255 с.
27. **Владыкина-Бачинская, Н.М.** Музыкальный стиль русских хороводных песен / Н.М. Владыкина-Бачинская. – М. : Музыка, 1976. – 159 с.
28. **Власенко-Гращенко, Л.Н.** Свадебные песни села Сухосолотино Белгородской области / Л.Н. Власенко-Гращенко. – Белгород: «Истоки» 2001. – 72 с.
29. **Геннеп А., ван.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп / Пер. с франц. – М. : Издательская фирма Восточная литература РАН, 1999. – 198 с.

30. **Гилярова, Н.Н.** О современной фольклористической терминологии в связи с анализом формульных напевов в русской народной песне / Н.Н. Гилярова // Методы музыкально-фольклористического исследования / Сост. Т.А. Старостина. – М. : МГК им. П.И. Чайковского, 1989. – С. 113–131.
31. **Гилярова, Н. Н.** Этномузыковедческие исследования и современное состояние народной музыкально-этнографической традиции / Н.Н. Гилярова // Фольклор: историческая традиция и современные полевые исследования. – М.: Научно-издательский центр Московская консерватория, 2012. – 248 с. – С. 6-12.
32. **Гилярова, Н.Н.** Новогодние поздравительные песни Рязанской области / Н.Н. Гилярова. – М. : Советский композитор, 1985. - 44 с.
33. **Гилярова, Н.Н.** Музыкальный фольклор Рязанской области / Н.Н. Гилярова. – Рязань, 1994. – 194 с.
34. **Гилярова, Н.Н.** Музыкально-этнографическая традиция. Стабильное и мобильное / Н. Н. Гилярова // Фольклор: современность и традиция: материалы конференции памяти А. В. Рудневой. – М. : Московская консерватория, 2004, - с.419. – С.24-40.
35. **Гиппиус, Е. В.** Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, мелодически опосредованный / Е.В. Гиппиус // Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е.В. Гиппиуса. – М. : Композитор, 2003. – 214 с. – С. 112-169.
36. **Гиппиус, Е. В.** Обзор важнейших сборников музыкальных записей русских народных песен с 60-х годов XVIII века до начала XX века / Е.В. Гиппиус // Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е.В. Гиппиуса. – М. : «Композитор», 2003. – 214 с. – С. 59-109.
37. **Гиппиус, Е.В.** О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII – начале XIX века / Е.В. Гиппиус // Советская этнография, 1948. – № 2. – С. 105-129.
38. **Гиппиус, Е.В.** Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья / Е.В. Гиппиус //

- Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии). Сборник трудов, Вып. 60. / Отв. ред. Енговатова М.А. – М. : ГМПИ им. Гнесиных, 1982. С. 5– 13.
39. **Гиппиус, Е. В.** Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий / Е.В. Гиппиус // Актуальные проблемы современной фольклористики / Сост. Е. Гусев. – Л. : Музыка, 1980. – С. 23– 26.
40. **Горбатовская, А.В.** Счастливая путь - дорожка: народные песни села Боровое Новооскольского района Белгородской области / А.В. Горбатовская. - Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2007. - 239 с.
41. **Гошовский, В. Л.** У истоков народной музыки славян / В.Л. Гошовский – М. : Советский композитор, 1971. – 304 с.
42. **Грица, С.И.** Межэтнические связи в фольклоре пограничий / С.И. Грица // Национальные традиции и процесс интернационализации в сфере художественной культуры. – Киев, 1987. – 235 с.
43. **Гура, А. В.** Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
44. **Гусев, В.Е.** Народная художественная культура (теоретические очерки) / А.В. Гусев. – СПб., 1993. – 114 с.
45. **Двенадцать русских народных песен в партитурных нотациях звукозаписей 1970–1973 гг.** / сост.: Е. Гиппиус, А. Кабанов. – М. : Музфонд, 1977. – 160 с.
46. **Дигун, Т.В.** О многоголосном строении протяжных песен северского Донца / Т.В. Дигун // Традиционное народное искусство и современность (вопросы типологии). Сборник трудов, Вып. 60. / Отв. ред. Енговатова М.А. – М. : ГМПИ им. Гнесиных, 1982. – 160 с. – С. 93-102.
47. **Дигун, Т.В.** О ритмическом и мелодическом строении донецких песен / Т.В. Дигун // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии). Сборник трудов. Вып. 91. / Отв. ред. Ефименкова Б.Б. – М. : ГМПИ им. Гнесиных 1987. – 160 с. – С. 4 – 32.

48. **Дорохова, Е.А.** Масленичные песни в русской календарной традиции / Е.А. Дорохова // Фольклорный текст: функция и структура: Сб. трудов РАМ им. Гнесиных. Вып.121. – М., 1992. – 158 с. – С. 5 – 32.
49. **Дорохова, Е.А.** Мелодико-фактурный тип как системообразующий компонент / Е.А. Дорохова // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 584 с. – С. 103 – 111.
50. **Дорохова, Е.А.** Музыкально-фольклорная традиция горюнов в контексте восточнославянской традиционной культуры / Е.А. Дорохова // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Выпуск 174. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 384 с. – С. 241 – 274.
51. **Дорохова, Е.А.** О мелодической организации песенных традиций в среднем течении Сейма / Е.А. Дорохова // Традиционное искусство восточных славян: вопросы типологии. – М., 1987. – 160 с. – С.76 – 87.
52. **Дорохова, Е.А.** О соотношении видов многоголосия и других уровней звуковысотной организации напевов / Е.А. Дорохова // Песенное многоголосие народов России. Тезисы докладов научно-практической конференции в г. Воронеже. – М. : КМФ, 1989. – 77 с. – С. 45– 46.
53. **Дорохова, Е.А.** Свадьба русских сел восточной Украины / Е.А. Дорохова // Музыкальная академия. – 1997. – №3 – С. 150-156.
54. **Дорохова, Е.А.** Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины / Е.А. Дорохова – СПб : Композитор, 2013. – 460 с.
55. **Дорохова, Е.А., Енговатова, М.А.** Региональные песенные системы как объект структурно-типологических исследований / Е.А. Дорохова, М.А. Енговатова. – Рукопись (2001).
56. **Елеонская, Е.Н.** Сказка, заговор, колдовство на Руси: Сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л.Н.Виноградовой; подготовка текста и коммент. Л.Н.Виноградовой, Н.А.Пшеницыной. – М. : Индрик, 1994. – 272 с.

57. **Енговатова, М. А.** Двухголосие с подводкой в культуре русской лирической песни / М.А. Енговатова // Песенное многоголосие народов России. Тезисы докладов научно-практической конференции в г. Воронеже. – М. : КМФ, 1989. – 77 с. – С. 45–46.
58. **Енговатова, М. А.** Об одной группе мелодико-ритмических композиций закамских лирических неприуроченных песен / М.А. Енговатова // Традиционное народное искусство восточных славян (вопросы типологии). Сборник трудов. Вып. 91. ГМПИ им. Гнесиных. / Отв. ред. Б.Б. Ефименкова. – М., 1987. – 160 с. – С. 138 – 160.
59. **Енговатова, М.А.** Русские лирические песни в системе жанров музыкального фольклора / М.А. Енговатова // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Том 1. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. – 440 с. – С. 383 – 390.
60. **Енговатова, М.А.** Песенный тип «Горы» в протяжных песнях Ульяновского Заволжья / М.А. Енговатова // Традиционное и современное народное музыкальное искусство: тр. ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 19. – М., 1976. – С. 137 – 181.
61. **Енговатова, М. А.** Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра / дисс... канд. иск.: 17.00.02. / Маргарита Анатольевна Енговатова; РАМ им. Гнесиных. – М., 1988. – 198 с.
62. **Енговатова, М. А.** Особые формы совместного пения в русской народной культуре / М. А. Енговатова // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Выпуск 174. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 384 с. – С. 63 – 77.
63. **Енговатова, М. А., Ефименкова, Б. Б.** Звуковысотная организация русских народных песен в свете структурно-типологических исследований / М. А. Енговатова, Б. Б. Ефименкова // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Выпуск 174. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 384 с. – С. 6 – 44.

64. **Енговатова, М. А., Ефименкова, Б. Б.** К вопросу типологии русского песенного многоголосия / М. А. Енговатова, Б. Б. Ефименкова // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Выпуск 174. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 384 с. – С. 44 – 63.
65. **Ефименкова, Б.Б.** Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологод. обл.) / Б. Б. Ефименкова. – М. : Советский композитор, 1980. – 392 с.
66. **Ефименкова, Б.Б.** Свадебные песни и причитания как один из кодов ритуала / Б. Б. Ефименкова // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. Ч.1. – М., 1988. – С. 152 – 154.
67. **Ефименкова, Б.Б.** Драматургия свадебной игры междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги (Вологодская область) / Б. Б. Ефименкова / Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б.Б. Ефименковой: К 80-летию со дня рождения учного / Отв. ред. И.А. Никитина. – М. : Музыка, 2012. – 544 с. – С. 82 – 133.
68. **Ефименкова, Б.Б.** К типологии свадебных ритуалов восточных славян / Б. Б. Ефименкова // Музыка русской свадьбы (проблема регионального исследования): Тезисы докладов научно-практической конференции в г. Смоленске. М., 1987. – С. 8 – 13.
69. **Ефименкова, Б.Б.** Ритм в произведениях русского музыкального фольклора / Б. Б. Ефименкова. – М.: Композитор, 2000 – 256 с.
70. **Ефименкова, Б. Б.** Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику / Б. Б. Ефименкова. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 64 с.
71. **Жиганова, С.А.** Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: дисс... канд. иск.: 17.00.02. / Жиганова Светлана Александровна; РАМ им. Гнесиных. – М., 2008.

72. **Жиганова, С.А.** Обрядовые напевы южнорусской свадьбы: функции и акустические свойства / С.А. Жиганова // *Голос и ритуал: материалы конференции.* – М., 1995. – 187 с. – С. 100-103.
73. **Жиганова, С.А.** Субрегиональные традиции в условиях культуры позднего формирования (на примере кубанской свадьбы) / С.А. Жиганова // *Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции.* – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 584 с. – С. 287 – 296.
74. **Жиров, М.С.** Народная художественная культура Белгородчины. Учебное пособие / М.С. Жиров. – Белгород, 2000. – 268 с.
75. **Журавлева, Е.А.** Похороны кукушки / М.С. Журавлева // *Живая Старина*, 1994. – №4. – С.32-34.
76. **Загоровский, В.П.** Белгородская черта / В.П. Загоровский. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1968. – 295 с.
77. **Загоровский, В.П.** Изюмская черта. / В.П. Загоровский. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1980. – 122 с.
78. **Загоровский, В.П.** Воронежская историческая энциклопедия / В.П. Загоровский. – Воронеж : Истоки, 1992. – 251с.
79. **Зачикович, Т.Н.** Двухрегистровая фактура в песенной традиции Полтавщины / Т.Н. Зачикович // *Вопросы этномузыкознания.* – 2013. № 1. – С. 6 – 17.
80. **Зеленин, Д.К.** Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – М., 1991. – 552 с.
81. **Зеленин, Д.К.** Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913 гг. / Вступ. ст. Н.И. Толстого; сост. А.П. Топоркова, подготовка текста Т.А. Агапкиной; Л.Н. Виноградовой и др. / Д.К. Зеленин. – М. : Индрик, 1994. – 400 с.
82. **Земцовский, И.И.** Мелодика календарных песен / И.И. Земцовский – Л. : Музыка, 1965. – 222 с.

83. **Земцовский, И.И.** Русская протяжная песня: Опыт исследования / И.И. Земцовский. – Л. : Музыка, 1967. – 193 с.
84. **Земцовский, И.И.** Этномузыковедческие заметки об этнической традиции / И.И. Земцовский // Б.Н. Путилов. Фольклор и народная культура: In memoriam. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.
85. **Зотова, И.П.** Белгородский народный костюм / И.П. Зотова. – Белгород : Истоки, 2005. – 96 с.
86. **Иванов, А.Н.** Волшебная флейта южнорусского фольклора (от Дона до Оскола) / А.Н. Иванов // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. тр. Вып. 2, ч. 1. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993. – С. 30–76.
87. **Иванов В.В., Топоров В.Н.** К семиотической интерпретации каравая и каравайных обрядов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 198. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1967.
88. **Иванов, П. В.** Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии / П.В. Иванов / Упорядкування та передмова М. М. Красикова. – Харків: Майдан, 2007. – 58 с.
89. **Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд** / Отв. ред. В.В. Иванов. – М. : Наука, 1990. – 258 с.
90. **Камаев, А.Ф., Камаева, Т.Ю.** Народное музыкальное творчество: учебное пособие для студентов вузов / А. Ф. Камаев, Т. Ю. Камаева. – М. : Академия, 2005. – 303 с.
91. **Камаева, Т. Ю.** Звуковысотная организация свадебных напевов русских сел на Украине / Т. Ю. Камаева // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. трудов. Вып. 174. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – с.93-104.
92. **Карагодин, М.И., Савина Н.В.** Среднее Поосколье. Исторический перекрёсток: сборник историко-краеведческих научно-популярных очерков: в 2 т. / М.И. Карагодин, Н.В. Савина. Т.1. – Белгород : Бел.Ру, 2008. – 304 с.

93. **Карачаров, И.Н.** Песенная традиция бассейна р. Псел / И.Н. Карачаров – Белгород : Крестьянское дело, 2004. – 422 с.
94. **Карачаров, И. Н.** Многоголосное строение русских народных песен белгородско-курского пограничья (бассейн реки Псел) / И. Н. Карачаров / И.Н. Карачаров // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой / Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского. – М., 2004. – 419 с. – С. 315 – 324.
95. **Карачаров, И. Н.** Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области / И. Н. Карачаров / Белгород : «Везелица», 1995. – 132 с.
96. **Квитка, К.В.** Избранные труды: В 2-х т. Т.1. / К.В. Квитка. – М. : Советский композитор, 1971. – 384 с.
97. **Квитка, К.В.** Избранные труды: В 2-х т. Т.2. / К.В. Квитка.– М. : Советский композитор, 1973. – 424 с.
98. **Кедрина, Р.Е.** Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством / Р.Е. Кедрина // Этнографическое обозрение. 1912. – № 1– 2. – С.101-139.
99. **Кузнецова, Н.С.** Многоголосная фактура свадебных напевов верхнего Приосколья / Н.С. Кузнецова // Вопросы этномузыкознания. – 2013. – № 1. – С. 135 – 146.
100. **Кузнецова, Н.С.** Особые виды многоголосной фактуры в верхнеоскольской традиции / Н.С. Кузнецова // Музыкаведение. – 2012. - № 7. – С.30-38.
101. **Кузнецова, Н.С.** Верхнеоскольская свадебная традиция в системе местного песенного стиля/ Н.С. Кузнецова // Музыкаведение. – 2010. – №8. – С. 44-51.
102. **Кузнецова, Н.С.** Верхнеоскольский мелодический тип как системообразующий фактор местной песенной традиции / Н.С. Кузнецова // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Том 1. – М., 2010. – 440 с. – С. 345 – 353.

103. **Кузнецова, Н.С.** Моделирующая роль свадебных концептов в верхнеоскольской песенной традиции / Н.С. Кузнецова // Вопросы этномузыкознания. – 2015. – № 4 (13). – С. 88 – 104.
104. **Кузнецова, Н.С.** Системообразующие компоненты песенной традиции верхнего Присоколья (Белгородская область) / Н.С. Кузнецова // Фундаментальные исследования. – 2014. - №9. – С. 2793-2797.
105. **Кузнецова, Н.С.** У ворот бела береза стояла: свадебные песни русских сел Чернянского и Новооскольского районов Белгородской области / Н.С. Кузнецова. – Белгород : ИПЦ «Политерра», 2012. – 108 с.
106. **Лазутин, С. Г.** Поэтика русского фольклора / С.Г. Лазутин. – М. : Высшая школа, 1989. – 207 с.
107. **Лазутин, С. Г.** Народные песни Воронежского края / С. Г. Лазутин / Антология. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1993. – 280 с.
108. **Лапин, В.А.** Русский музыкальный фольклор: история и география / В.А. Лапин // Народное музыкальное творчество: учебник / отв. ред. О.А, Пашина. СПб. : Композитор, 2005. – С. 64 – 78.
109. **Левинтон, Г.А.** К проблеме изучения корпуса свадебных песен / Г.А. Левинтон // Народная песня: проблемы изучения. Л. : ЛГИТМиК, 1983. – С. 143 – 152.
110. **Линева, Е.Э.** Великорусские песни в народной гармонизации. Вып.1. / Ред. Ф.Е. Корш / Е.Э. Линева. – СПб. : Издание Императорской академии наук, 1904. – 143 с.
111. **Лобкова, Г.В.** Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система / Г.В. Лобкова. - СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000. – 224 с.
112. **Лобкова, Г.В.** Методы историко-типологического изучения народных песенных традиций / Г.В. Лобкова // Отечественная этномузыкология: история науки, методы исследования, перспективы развития: материалы Международной научной конференции / редкол.: Г.В. Лобкова, К.А. Мехнецова, С.В. Подрезова и др. Т.1. – СПб. : Университетский образовательный

- округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. Т.1 – 410 с. – Т.2. – 354 с.
113. **Лотман, Ю.М.** Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
114. **Максимов, С.В.** Нечистая, неведомая и крестная сила / С.В. Максимов. – СПб. : Товарищество Р.Голике и А.Вильборг, 1903. – 529 с.
115. **Маслова, Г.С.** Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX века / Г.С. Маслова. – М., 1984. – 216 с.
116. **Мехнецов, А.М.** Стиль в музыкальном фольклоре (замечания к постановке проблемы) / А. М. Мехнецов // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой / Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского. – М., 2004. – 419 с. – С. 40 – 44.
117. **Мехнецов А.Н.** Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Музыка устной традиции: материалы международной конференции памяти А.В. Рудневой: науч. тр. МГК им. Чайковского. – М., 1999. – 348 с. – С. 178 – 183.
118. **Мехнецов, А.М.** Устьянские песни. «Девья лирика» / А.М. Мехнецов / Народная традиционная культура: Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории. – СПб. : Нестор. История, 2014. – 440 с.
119. **Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т.** / Гл. ред. С.А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1991.
120. **Можейко, З.Я.** Песни белорусского Полесья. Вып. 1 / З. Я. Можейко. – М. : Советский композитор, 1983. – 184 с.
121. **Можейко, З.Я.** Песни белорусского Полесья. Вып. 2 / З. Я. Можейко. – М. : Советский композитор, 1984. – 152 с.
122. **Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б.Б. Ефименковой: К 80-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. И.А. Никитина.** – М. : Музыка, 2012. – 544 с.

123. **«Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды** / Сост. и коммент. О.В. Беловой; Отв. ред. В.Я. Петрухин. М. : Индрик, 2004. – 576 с.
124. **Народное музыкальное творчество: Учебник** / Отв. ред. О. А. Пашина. Спб. : Композитор, 2005. – 568 с.
125. **Народное музыкальное творчество: Хрестоматия** / Отв. ред. О. А. Пашина. – Спб. : Композитор, 2007. – 336 с.
126. **Народные песни Белгородской области** / Сост. Н. Элиаш и Л. Ульяновская. – Белгород : Книжное издательство, 1960. – 180 с.
127. **Народные песни Воронежского края: антология** / Сост., вст. ст., прим. С.Г. Лазутина. – Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1993. – 280 с.
128. **Народные песни Орловской области** / Ред. - сост. Н.М. Владыкина-Бачинская. – Орел : Книжное издательство 1958. – 28 с.
129. **Никитина, А.В.** Кукушка в славянском фольклоре / А.В. Никитина. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002 – 176 с.
130. **Никольский, Н.М.** Происхождение и история белорусской обрядности. – Минск : Издательство Академии наук БССР, 1956.
131. **Осадча, В. М.** Обрядова пісенність Слобожанщини: навч. посіб. / В. - М. Осадча. – Харків: Видавець Савчук О. О., 2011. – 184 с., іл. – (Серія “Слобожанський світ” Випуск 2).
132. **Осыков, Б.И.** Белгородский алфавит. Краткий краеведческий справочник / Б.И. Осыков. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1990. – 208 с.
133. **Пашина, О.А.** Картографирования и ареальные исследования в этномузыкальном знании / О.А. Пашина // Картографирование и ареальные исследования в фольклористике: сб. тр. РАМ им. Гнесиных. Вып. 154. – М., 1999.– С. 6 – 22.
134. **Пашина, О.А** Календарно-песенный цикл у восточных славян / О.А. Пашина. – М. : ГИИ, 1998. – 292 с.

135. **Пашина, О.А.** Календарный цикл в северо-западных селах Сумщины / О.А. Пашина // Славянский и балканский фольклор. – М. : Индрик, 1995. – С.230-250.
136. **Пашина, О.А.** Похороны кукушки и проводы русалки: Обряды весенне-летнего пограничья Восточной Брянщины и традиционная картина мира / О.А. Пашина // Мифологические представления в народном творчестве. – М. : Российский институт искусствознания, 1993. – С.27-49.
137. **Пашина, О. А.** О принципах типологии русского народного многоголосия / О.А. Пашина // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2008. – 584 с. – С. 97 – 103.
138. **Песни Псковской земли.** Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории). Вып. 1 / Сост. А. Мехнецов. - Л. : «Советский композитор», 1989. – 295 с.
139. **Песни, собранные П. В. Киреевским.** Новая серия / Изд. О-вом любителей росс. словесности при I-м Моск. ун-те. — М., 1911—1929. — Вып. I—II. Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые). — М. : Типография Кооператива «Наука и Просвещение», 1929. – 262 с.
140. **Пропп, В.Я.** Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2004. – 336 с.
141. **Пропп, В.Я.** Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) / В.Я. Пропп. – СПб. : Издательство «Азбука», 1995. – 176 с.
142. **Разумовская, Е. Н.** Плач с «кукушкой». Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья / Е. Н. Разумовская // Славянский и балканский фольклор: Сб. статей / Отв. Ред.: Н.И. Толстой. М. Наука, 1984. С. 160-179.

143. **Рубцов, Ф.А.** Интонационные связи в творчестве славянских народов: опыт исследования / Ф.А. Рубцов. – Л. : Советский композитор, 1962. – 115 с.
144. **Рубцов, Ф.А.** Статьи по музыкальному фольклору / Ф.А. Рубцов. – Л. : Советский композитор, 1973. – 221 с.
145. **Рудиченко, Т.С.** Донская казачья песня в историческом развитии / Т.С. Рудиченко. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовской государственной консерватории, 2004. – 512 с.
146. **Рудиченко, Т.С.** Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) / Т.С. Рудиченко // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа: Дикаревские чтения, 12. – Краснодар, 2006. – С. 220-230.
147. **Рудиченко, Т. С.** Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) / Т.С. Рудиченко // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г.: Материалы Северокавказской научной конференции Дикаревские чтения (12). – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2006. – С. 220–230.
148. **Руднева, А.В.** Курские танки и карагоды / А.В. Руднева – М. : Советский композитор, 1975. – 310 с.
149. **Руднева, А.В.** Русское народное музыкальное творчество: очерки по теории фольклора / ред.-сост. Н.Н. Гилярова, Л.Ф. Костюковец / А.В. Руднева. – М. : Советский композитор, 1994. – 224 с.
150. **Русанова, Н.С. (Кузнецова).** Свадебная традиция верхнего Приосколья (к вопросу об изучении южнорусских музыкальных диалектов) / Н. С. Русанова // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой– М., 2004. – 419 с. – С. 309 – 315.
151. **Русская свадьба.** / Сост. А.Н. Иванов и А.В. Кулагина. В 2-х тт. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001. – Т. 1. – 512 с.; Т.2. – 504 с.

152. **Савельева, Н.М.** Суземские песни. Вып.1. Календарные песни / Н.М. Савельева. – М. : МГК им. П.И. Чайковского, 1995. – 84 с.
153. **Самоделова, Е.А.** Рязанская свадьба. Исследования местного обрядового фольклора. – Рязань, 1993.
154. **Свадебные песни Верхнемамонского района** / Сост. Пухова Т.Ф., Сысоева Г.Я. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1999. – 125 с.
155. **Смоленский музыкально-этнографический сборник.** Т.1 : Календарные обряды и песни / Отв. ред. и автор глав О. А. Пашина. – М. : Индрик, 2003. – 760 с.
156. **Смоленский музыкально-этнографический сборник.** Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Отв. ред. и автор глав О. А. Пашина. – М. : Индрик, 2003. – 548 с.
157. **Смоленский музыкально-этнографический сборник.** Т.3. Сезонно приуроченные лирические песни / Отв. ред. О.А. Пашина. – М. : Индрик, 2005. – 672.
158. **Соколов, П.** Описание народной жизни и быта города Валук и части оно-го уезда Воронежской губернии / П.В. Соколов // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск XI. Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. – 350 с.
159. **Соколова, В.К.** Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX – начало XX в. / В.К. Соколова. – М. : Издательство «Наука», 1979. – 286 с.
160. **Соссюр, Фердинанд дэ.** Труды по языкознанию / Под ред. А. А. Холодовича / Ф. Соссюр. – М. : Издательство «Прогресс», 1977. – 695 с.
161. **Сысоева, Г.Я.** Приоскольский локальный стиль в Белгородской области / Г.Я. Сысоева // Народная художественная культура Белгородчины на рубеже веков: состояние и перспективы: Тезисы и доклады научно-

- практической конференции (Белгород, 21-22 декабря 2000 г.) – Белгород : Облтипография, 2001. – 228 с. – С. 210 – 217.
162. **Сысоева, Г.Я.** Картографирование музыкально-этнографических компонентов как способ выделения локального песенного стиля / Г.Я. Сысоева // Этнография Центрального Черноземья России: Материалы III межвузовских научных чтений (Воронеж, 27 октября 2003 г.). Вып.3. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. – 106 с. – С. 5 – 17.
163. **Сысоева, Г.Я.** Музыкальные диалекты: критерии и методы выделения (на южнорусском материале) / Г.Я. Сысоева // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. – М., 2008. – 584 с. – С. 184 – 199.
164. **Сысоева, Г.Я.** Свадебный обряд / Г.Я. Сысоева // Славянский мир / Сост. Р.В. Андреева, В.В. Будаков, Л.Ф. Попова. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2002. – 272 с. – С. 31 – 43.
165. **Сысоева, Г.Я.** Типология ритмических форм хороводных и плясовых песен в воронежско-белгородском пограничье / Г.Я. Сысоева // Традиционная культура. – М., 2005. – №4. – С. 73 – 84.
166. **Сысоева, Г.Я.** Южнорусские свадебные песни в локальной разновидности / Г.Я. Сысоева // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой. – М., 2004. – 419 с. – С. 334 – 335.
167. **Сысоева, Г.Я.** Песенный стиль воронежско-белгородского пограничья / Г.Я. Сысоева. – Воронеж : ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – 392 с.
168. **Тавлай, Г.В.** Белорусское купалье: Обряд, песня / Г. В. Тавлай. – Минск : Наука и техника, 1986. - 172 с.
169. **Токмакова, О.С.** Курские танки и карагоды: компоненты текста и жанровая дистрибуция / О.С. Токмакова // Вопросы этномузыкознания. – 2014. - № 2 (7). – С. 6 – 24.

170. **Токмакова, О.С.** Хороводная песня на юге России / О.С. Токмакова. – Воронеж, 2006. – 56 с.
171. **Толстая, С.М.** Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2008. – 528 с.
172. **Толстая, С.М.** Полесский народный календарь / С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.
173. **Толстой, Н.И.** Очерки славянского язычества / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 2003. – 624 с.
174. **Топоров, В.Н.** О ритуале. Введение в проблематику / В. Н Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках В.Н. Топоров / Сост. Л.Ш. Рожанский. – М. : Наука, 1988. – 332 с. – С.6 – 61.
175. **Традиционная культура Белгородского края.** Борисовский, Вейделевский, Волоконовский районы. Сб. научн. Статей и фольклорных материалов из «Экспедиционных тетрадей». Вып. 1. / Ред.-сост. В.А. Котеля. – Белгород : Издание БГЦНТ, 2006. – С. 148 с.
176. **Традиционная культура Белгородского края.** Красненский район. Сб. научн. Статей и фольклорных материалов из «Экспедиционных тетрадей». Вып. 2. / Ред.-сост. В.А. Котеля. – Белгород : ГУК «БГЦНТ», 2008. – 128 с.
177. **Федоренко, И. В.** Сезонно приуроченные лирические песни западных русских территорий / И.В. Федоренко // Фольклорный текст: функция и структура: Сборник трудов. Вып.121 / Мин-во культуры РФ; Российская Академия музыки им.Гнесиных. – М., 1992. – 158 с. – С. 73-93.
178. **Халанский, М.Г.** Народные говоры Курской губернии [Электронный ресурс] / М.Г. Халанский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. – 382 с. – Режим доступа : <http://e-heritage.ru/index.html>
179. **Харузина Н.В.** Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии / Н.В. Харузина // Этнографическое обозрение. – 1912. - №1-2. – С. 140-145.
180. **Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки.** Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 2004 – 413 с.

181. **Христова, Г.П.** Музыкальный язык свадьбы украинцев воронежского Подонья / Г.П. Христова // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Том 1. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. – 440 с. – С. 353 – 359.
182. **Цыбин, М. В.** Юго-восток русских земель во второй половине XIII – XIV вв. (к изучению этнокультурных процессов) / М. В. Цыбин // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. Этногенез и этнокультурные контакты славян – М. : Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. – 408 с. – С.337 – 341.
183. **Чижикова, Л.Н.** Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX - XX в.) / Л. Н. Чижикова / Отв. ред. К. В. Чистов. – М. : Наука 1988. – 251 с.
184. **Чижикова, Л.Н.** Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской обл.) / Л.Н. Чижикова // Советская этнография. – 1980. – №2. – С. 10 – 24.
185. **Чистов, К. В.** Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. / К. В. Чистов . – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.
186. **Щуров, В. М.** Песельники из села Фоцеватова / В.М. Щуров. – М. : Советский композитор, 1989. – 64 с.
187. **Щуров, В.М.** Белгородское Приосколье: Песни Усёрдской стороны / В.М. Щуров. – М. : Композитор, 1995. – 360 с.
188. **Щуров, В.М.** О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве / В.М. Щуров // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. – М. : Советский композитор, 1986. – 325 с. – С. 11 – 43.
189. **Щуров, В.М.** Стилиевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров. – М. : Московская консерватория. Редакционно-издательский отдел, 1998. – 464 с.
190. **Щуров, В.М.** Южнорусская песенная традиция / В.М. Щуров. – М. : Советский композитор, 1987. – 320 с.

191. **Эвальд, З. В.** Песни Белорусского Полесья / З. В. Эвальд / Под ред. Е. В. Гиппиуса. – М. : Советский композитор, 1979. – 144 с.

Список иллюстративного материала

Список рисунков и комментарии к ним

- Рисунок 1.** «Колида» - *колядка*. Записана в с. Фощеватово (Влк.) в 2000 г. Архив ВГИИ № 750/4.
- Рисунок 2.** «Как на речке на Ердане» - *щедровка*. Записана в с. Макешкино (Нвс.) в 2009 г. Архив БГИИК.
- Рисунок 3.** «Щедрики-ведрики» - *щедровка*. Записана в с. Колосково (Влс.) в 2000 г. Архив ВГИИ № 737/61.
- Рисунок 4.** «Дева Мария» - *посевальная припевка*. Записана в с. Шелаево (Влс.) в 2000 г. Архив ВГИИ № 727/3.
- Рисунок 5.** «Беленький-хорошенький» - *весенняя*, исполнялась во время величания молодежи. Записана в с. Подгорное (Влс.) в 1980 г. Личный Архив А.Н. Иванова.
- Рисунок 6.** «Болит больно головушка» - *тяглая*. Записана в с. Васильдол (Нвс.) в 1999 г. Архив ВГИИ №№ 609/24, 612/2, 613/3.
- Рисунок 7.** «При вечеру, вечеру» - *свадебная*, исполнялась на *девишнике*. Записана в с. Васильдол (Нвс.) в 1999 г. Архив ВГИИ №№ 609/21, 612/29, 613/21.
- Рисунок 8.** «Грушица-макушица» - *свадебная*, исполнялась на *девичнике* невесте сироте. Записана в с. Васильдол (Нвс.) в 1999 г. Архив ВГИИ №№ 609/19, 612/26, 613/14.
- Рисунок 9.** «Мимо сада зелёного дорожка лежала» - *свадебная*. Записана в с. Верхнее Кузькино (Чрн.) в 1998 г. Архив ВГИИ №№ 462/3, 464/3, 465/3.
- Рисунок 10.** «Ой, повили кукушку» - *свадебная*, исполнялась во время *повивания* невесты. Записана в с. Васильдол (Нвс.) в 1999 г. Архив ВГИИ №№ 609/25, 612/5, 613/4.
- Рисунок 11.** «Былка моя, былка» - *свадебная*, исполнялась на *пропое*. Записана в с. Васильдол (Нвс.) в 1999 г. Архив ВГИИ №№ 609/23, 612/3, 613/2.

- Рисунок 12.** «Трубили трубушки» - свадебная, исполнялась во время *повивания* невесты. Записана в с. Селиваново (Влс.) в 1975 г. Архив РАМ им. Гнесиных оп. 0892.
- Рисунок 13.** «У ворот бела береза стояла» - свадебная, исполнялась во время увоза невесты. Записана в с. Верхнее Кузькино (Чрн.) в 1998 г. Архив ВГИИ №№ 462/5, 464/5, 465/5.
- Рисунок 14.** «У ворот верба зеленая» - свадебная, исполнялась во время увоза невесты. Записана в с. Богородское (Нвс.) в 2009 г. Архив БГИИК.
- Рисунок 15.** «Молод орешничек» - свадебная, исполнялась во время увоза невесты. Записана в с. Шелаево (Влс.) в 200 г. Архив ВГИИ №№ 723/10, 724/53, 725/5, 726/5, 727/16, 729/25.
- Рисунок 16.** «Ты поле, поле, поляна» - свадебная. Записана в с. Двучное (Влс.) в 1980 г. Личный архив А.Н. Иванова.
- Рисунок 17.** «Сладкая вышенка» - свадебная, исполнялась на *девишнике* невесте сироте. Записана в с. Селиваново (Влс.) в 1975 г. Архив РАМ им. Гнесиных оп. 0892.
- Рисунок 18.** «Мамушка-гоголушка» - свадебная, исполнялась при встрече молодых у дома жениха. Записана в с. Безгодовка (Влс.) в 2000 г. Архив ВГИИ №№ 736/49, 739/12, 740/12, 741/12, 742/12.
- Рисунок 19.** «Повивальная свашка» - свадебная, исполнялась во время *повивания* невесты. Записана в с. Селиваново (Влс.) в 1975 г. Архив РАМ им. Гнесиных оп. 0892.
- Рисунок 20.** «Через наш высок терем» (с. Селиваново Влск.) - свадебная, исполнялась на *девишнике*. Записана в с. Селиваново (Влс.) в 1975 г. Архив РАМ им. Гнесиных оп. 0892.
- Рисунок 21.** «Кукушечка-любушечка» - песня-припевка, исполнялась, *когда кукушку кстили*. Записана в с. Фоцеватово (Влк.). См.: Щуров В. М. Песельники из села Фоцеватово. М., 1989. с. 55.

- Рисунок 22.** «Свашунька-Прасковья» - свадебная, исполнялась во время *повивания* невесты. Записана в с. Фоцеватово (Влк.). Архив БГИИК №754/1а; №755/1а; №756/1а; №757/1а.
- Рисунок 23.** «Беленький хорошенький» - *весенняя*, исполнялась во время величания молодежи. Записана в с. Хмелевец (Влс.) в 1982 г. Личный Архив А.Н. Иванова.
- Рисунок 24.** «Слобода моя, слободушка» - *весенняя*, исполнялась дуэтом. Записана в 1975 г. в с. Шушпаново (Влс.). Архив РАМ им. Гнесиных.
- Рисунок 25.** «Беленький-хорошенький» - *весенняя*, исполнялась во время величания молодежи. Записана в с. Самарина (Кргв.) в 1980 г. Личный Архив А.Н. Иванова.
- Рисунок 26.** «Летал соловуюшек по саду» - *весенняя*. Записана в с. Двучное (Влс.) в 1980 г. Личный Архив А.Н. Иванова.
- Рисунок 27.** «Ох, матушка ли тошно мне» - *тяглая весновая*. Записана в с. Васильдол (Нвс.) в 1999 г. Архив ВГИИ №№ 609/2, 610/3, 611/2.
- Рисунок 28.** «Воля моя, волюшка» - *весенняя*, исполнялась дуэтом. Записана в с. Селиваново (Влс.) 1975 г. Архив РАМ им. Гнесиных ор. 0892.
- Рисунок 29.** «Зашло солнце за виконце» - *весенняя*, исполнялась во время величания молодежи. Записана в с. Фоцеватово (Влк.) в 2000 г. Архив ВГИИ №№ 752/23, 755/8, 751/16.
- Рисунок 30.** «Долинушка» - величальная холостому парню, исполнялась весной и на *девишнике* во время молодежных величаний. Записана в с. Двучное Валуйского района в 1980 г. А.Н. Ивановым. Личный архив А.Н. Иванова.
- Рисунок 31а.** «Аленький наш цветок» - величальная холостому парню, исполнялась весной и на *девишнике* во время молодежных величаний. Записана в с. Колосково (Влс.) в 2000 г. Архив ВГИИ №№ 737/15, 738/4, 739/4, 740/3, 741/3.
- Рисунок 31 б.** «Благодарство» - величальная холостому парню, исполнялась весной и на *девишнике* во время молодежных величаний. Записана в с. Колосково (Влс.) в 2000 г. Архив ВГИИ №№ 737/16, 738/5, 739/5, 740/6, 741/4.

Рисунок 32. «Кукушка-рябушка» - песня-припевка, исполнялась во время обряда «крещения и похорон кукушки». Записана в с. Захарово (Нвс.) в 1998 г. Архив ВГАИ №469/11.

Рисунок 33. «Дружко-богатина» - свадебная, исполнялась во время выкупа невесты. Записана в с. Захарово (Нвс.) в 1998 г. Архив ВГИИ №№ 466/1, 467/1, 468/1.

Рисунок 34. «По-за лесиком кукушечка кукует» - свадебная, исполнялась на девичнике, а так же во время обряда «крещение и похорон кукушки». Записана в с. Брянские Липяги (Вдл.). Архив ВГИИ №№ 794/30.

Рисунок 35. «Ох, милая моя, кукушечка» - голошение по кукушке, исполнялось во время обряда «крещения и похорон кукушки». Записано в с. Двучное (Влс.).

Список таблиц

Таблица 1. Межжанровые связи в песенной традиции верхнего Приосколья

Таблица 2. СМРФ верхнеоскольских свадебных напевов

Таблица 3. Разновидности форм совместного пения в свадебном ритуале южного субареала

Таблица 4. Музыкально-стилевые признаки голосовых партий особых видов многоголосной фактуры

Таблица 5. Звуковысотные характеристики ВМТ

Таблица 6. Строение запевов песен «шелаевского» МФТ

Таблица 7. Строение серединной части песен «шелаевского» МФТ

Таблица 8. Строение кадансовой части песен «шелаевского» МФТ

Таблица 9. Верхнеоскольский мелодический тип

Таблица 10. Жанровое закрепление верхнеоскольских напевов с особыми видами многоголосной фактуры

Список карт-схем

Карта-схема 1. Фрагмент Белгородской черты и ареалы первых поселений в бассейне реки Оскол

Карта-схема 2. Ареал песенной традиции верхнего Приосколья

Карта-схема 3. Ареал обряда “крещения и похорон кукушки” в бассейне реки Оскол

Карта-схема 4. Свадебные напевы регламентирующей функции со стихами 6+6 и 7+7 в верхнеоскольской локальной традиции

Карта-схема 5. Ареал верхнеоскольского мелодического типа